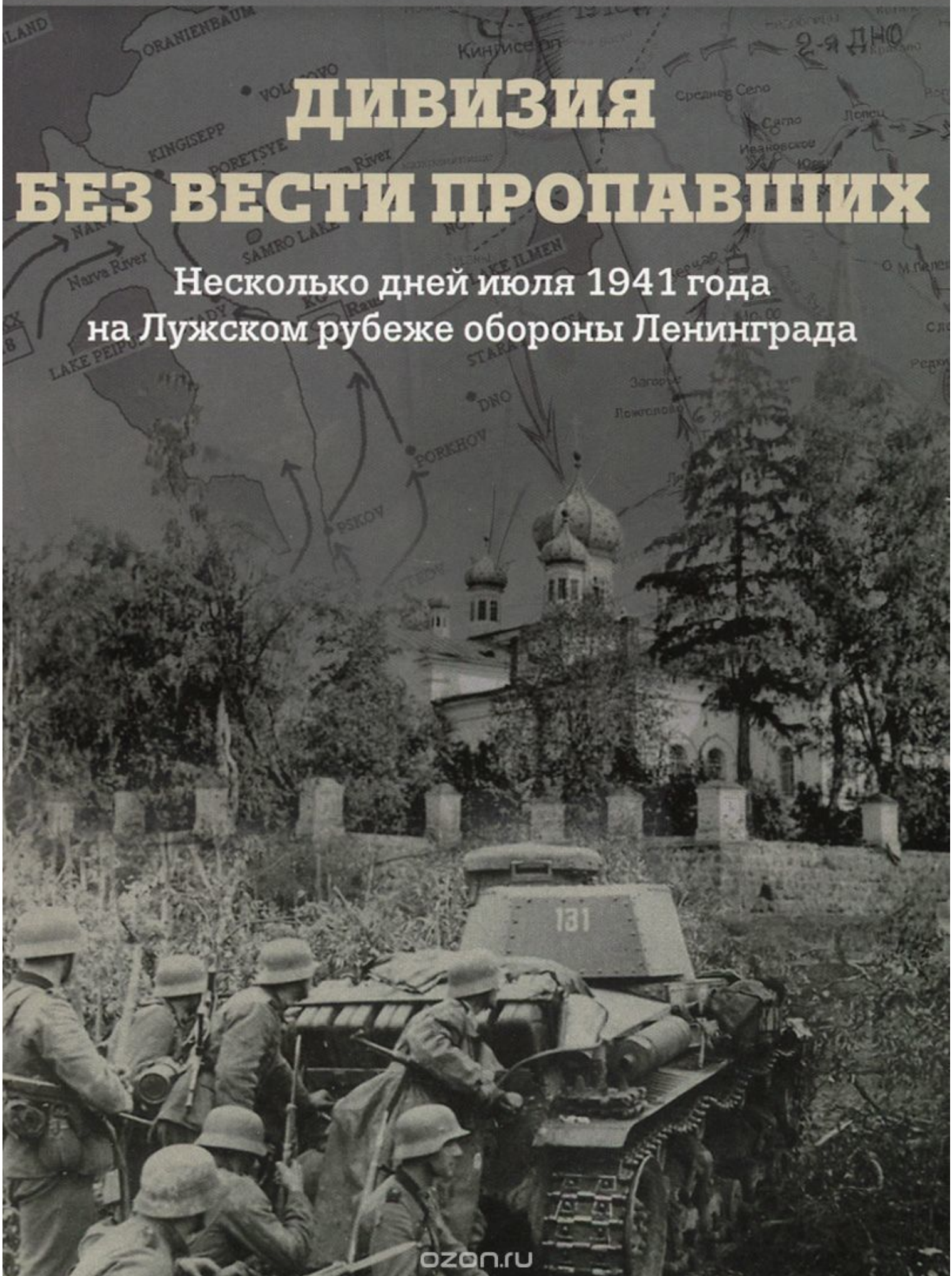
В. Г. Рохмистров



ДИВИЗИЯ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ

Несколько дней июля 1941 года на Лужском рубеже обороны Ленинграда

ozon.ru

Владимир Рохмистров

Дивизия без вести пропавших. Десять дней июля 1941 года на Лужском рубеже обороны

«Автор»
2018

Рохмистров В. Г.

Дивизия без вести пропавших. Десять дней июля 1941 года на Лужском рубеже обороны / В. Г. Рохмистров — «Автор», 2018

В последнее время в нашей стране появляется все больше исследований, посвященных трагическим событиям Великой Отечественной войны. Это неудивительно, после долгих лет господства коммунистической идеологии, не допускавшей никаких иных трактовок истории, кроме официально принятой, наступил период свободных высказываний и открытого доступа к документам. В предлагаемой вниманию читателя книге предпринята попытка насколько возможно подробнее на материале советских и немецких архивов, а также на свидетельствах современников, проследить один из драматичнейших эпизодов битвы за Ленинград – первые десять дней от 10 до 19 июля на Лужском рубеже обороны. В приложении дается перевод на русский язык писем немецкого ефрейтора Иоганна Генриха Вике, следовавшего в 1941 году с группой армий «Север» на Ленинград. Это своего рода уникальное свидетельство, раскрывающее характер восприятия происходивших событий глазами простого солдата.

© Рохмистров В. Г., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Предисловие к первому изданию 5
Из предисловия ко второму изданию 12
Пролог 17
Первая неделя войны 17
22.6.1941 – воскресенье 17
23.6.1941 – понедельник 21
24.6.1941 – вторник 26
25.6.1941 – среда 29
26.6.1941 – четверг 31
27.6.1941 – пятница 34
28.6.1941 – суббота 35
Вторая неделя войны 37
29.6.1941 – воскресенье 37
30.6.1941 – понедельник 38
1.7.1941 – вторник 38
2.7.1941 – среда 39
3.7.1941 – четверг 40
4.7.1941 – пятница 42
5.7.1941 – суббота 42
Третья неделя войны 44
6.7.1941 – воскресенье 44
7.7.1941 – понедельник 44
8.7.1941 – вторник 45
9.7.1941 – среда 46
Начало ленинградской оборонительной операции 53
10 июля 55
11 июля 69
12 июля 83
13 июля 103
Конец ознакомительного фрагмента. 106

В. Г. Рохмистров
Дивизия без вести пропавших

Посвящаю эту книгу простым ленинградцам, жарким летом 1941 года заслонившим родной город своими телами

Предисловие к первому изданию

История зарождения этой книги не совсем обычна.

В начале 2011 года волею судеб мне в руки попали письма немецкого ефрейтора Иоганна Генриха Вике, следовавшего в 1941 году с группой армий «Север» на Ленинград. Ефрейтор Вике с момента мобилизации в мае 1941 до окончательного возвращения домой в феврале 1942 года едва ли не каждый день писал жене обо всем, что ему казалось в «русском походе» примечательным. Вкратце ознакомившись с этим любопытным историческим документом, я связался с правообладателем текстов, чтобы узнать его намерения относительно этой семейной реликвии. Сын ефрейтора Петер Вильгельм Вике сообщил мне, что был бы не прочь увидеть эти письма изданными на русском языке.

Начав переводить письма Вике на русский, я по ходу дела стал подробнее интересоваться историческим контекстом, обусловившим их появление на свет. Пытаясь адекватно передать и откомментировать письма, я неожиданно для себя узнал, что в нашей истории первого года Великой Отечественной войны есть достаточно много запутанных и до сих пор непроясненных моментов. Это побудило меня углубиться в тщательное изучение как раз к этому времени открытых архивных документов Военнно-исторического музея Министерства Обороны РФ, к чтению обширной мемуарной литературы, к исследованию многочисленных посвященных этому периоду публикаций в интернете. Работа с интернетом дала свой неожиданный результат – множество немецких боевых документов. В результате этой кропотливой работы простые комментарии к письмам превратились практически в самостоятельную большую и даже главную часть книги, а письма стали лишь ее приложением.

По ходу своей работы я постоянно делился своими соображениясми с Петером Вике и из нашей активной переписки наконец узнал о его страстном желании посмотреть те места, о которых писал его отец. По словам Петера, отец никогда ничего не рассказывал дома о своей боевой юности, и сын узнал о том, что его отец воевал в России, только после смерти Иоганна Генриха в 1996 году, разбирая его архив. После долгих лет перевода архива из рукописного в машинописный вид, ему также очень много приходилось читать об этом периоде, изучать карты, сохраненные отцом, и фотографии, сделанные им в России, и вот – наши края сделались для него едва ли не второй родиной.

Петер Вике, родившийся 23 сентября 1941 года, летом 2011 приехал в Петербург, и мы вместе с ним осуществили его мечту – проехали «через 70 лет по следам отца». Это было незабываемое путешествие, о котором можно написать отдельную книгу. Но сейчас речь не об этом. Моя книга – это всего лишь попытка помочь читателю как можно яснее представить хотя бы несколько дней из тех, о которых писал когда-то давно, теперь уже в прошлом веке, молодой немецкий ефрейтор-радист Иоганн Генрих Вике своей жене.

* * *

В дореволюционном учебнике русской словесности П. Смирновского в разделе упражнений приводятся простые предложения: «Дуб – дерево. Роза – цветок. Олень – животное.

Воробей – птица…» Это всего лишь примеры, которые должны были помочь детям, начинающим изучать грамматику русского языка, освоить параграф – мужской, женский и средний род существительных. Однако последние два предложения этого ряда неожиданно приобрели значение подлинных сентенций: «Россия – наше отечество. Смерть неизбежна».

Судя по тому, что учившийся по этому учебнику Владимир Набоков привел их в качестве эпиграфа к самому русскому из своих романов, эти простые слова поражали сознание юных гимназистов и оставались у них глубоко в памяти на всю жизнь. Чрезвычайная простота и всеобщая известность этих истин удерживали русского образованного человека от постоянного поминания самих изречений. Но – и «Дар» Набокова тому свидетель – жизнь русского образованного человека проходила под глубинным гипнозом этих простых слов.

Воевавшие в Первую мировую войну, особенно после ее перехода в войну Гражданскую, полностью осознавали всю роковую суть этого приговора[1]. Вступившие же во Вторую мировую в момент ее перехода в Великую Отечественную, проживали единство этих двух неожиданно сведенных вместе сентенций в большинстве своем неосознанно.

В этой книге я хочу говорить о тех советских людях, кто, независимо от того, читали они роман Набокова или учебник Смирновского, либо же никогда ни о том, ни о другом ничего даже не слышали, с первых же дней войны на деле продемонстрировали роковую неразрывность двух этих предложений.

* * *

В последнее время в нашей стране появляется все больше и больше исследований, посвященных трагическим событиям Великой Отечественной войны. Это неудивительно, после стольких лет господства коммунистической идеологии, не допускавшей никаких иных трактовок истории, кроме официально принятой, наступил период свободных высказываний и открытого доступа к документам и информации. Но мы и здесь опять безнадежно отстали. Если американцы предварили этот момент открытия архивов серьезной аналитической работой крупных военных специалистов, то у нас анализ происходивших событий только лишь начинается. И производится он, увы, не силами грамотных военспецов из «Академии генерального штаба», а силами любителей-энтузиастов.

Командование американской армии сразу же после Второй мировой войны, в отличие от наших прагматиков, завладело немецкими военными архивами и пленило массу высокопоставленных военных специалистов. Американцы, не откладывая в долгий ящик, решили по горячим следам разобрать и проанализировать опыт немецких офицеров. В результате группа пленных под руководством генерал-полковника Франца Гальдера, бывшего начальника Главного штаба сухопутных войск гитлеровской Германии, написала серию докладов, аналитических статей и разборов. Одним из результатов этой работы стала замечательная книга Эрхарда Рауса «Танковые сражения на Восточном фронте», которая в 2005 году вышла на русском языке. Я сейчас не буду говорить о множестве других достоинств этой книги, отмечу лишь то, что она во многом перекликается с письмами следовавшего в фургоне радистов 6-й танковой дивизии, которой командовал Э. Раус, Иоганна Генриха Вике.

* * *

За прошедшие с начала Великой Отечественной войны 70 лет уже стало штампом при описании ее начала говорить о совершенно неожиданном, вероломном нападении Германии на

[1] Латинское слово «сентенция» можно перевести на русский язык не только как «мысль, изречение», но и как «приговор».

Советский Союз и этим объяснять все неудачи. Да, люди живут мифами. Однако подлинный миф по сути своей предназначен вовсе не для того, чтобы затуманивать сознание и успокаивать совесть, а как раз наоборот – для обретения большей ясности в понимании происходящего. Иными словами, никогда не следует подменять настоящий миф, стремящийся выявить и подчеркнуть главную суть события, сказкой, призванной утешить сознание простой верой в то, что все в конце концов исправляется само собой.

Сейчас уже ни для кого не нов вполне трезвый взгляд, подмечающий, что не таким уж безобидным и беспомощным был Советский Союз в июне 1941-го. Присоединение Прибалтики, аннексия части Польши, вероломное нападение на Финляндию ясно свидетельствуют о вполне откровенной военной активности советского государства. В архивах есть даже документы, свидетельствующие не только о тайных союзах и договоренностях с нацистами, но и о разработке военной кампании против самой Германии. Конечно же, существование таких разработок вовсе не свидетельствует о непременном, да еще и близком, намерении действительного нападения. Это обычная практика военных – разрабатывать планы возможных военных кампаний против потенциальных противников. В случае действительных приготовлений подобный процесс развивается совсем другим образом.

Как ныне хорошо известно, прежде чем разразилась Первая мировая война, германский план нападения на Францию и Россию готовился долгие годы, целые десятилетия. Еще М. Д. Скобелев предупреждал Александра III о начале этих приготовлений. План много раз изменялся и уточнялся, прежде чем был принят как руководство к действию. Также ныне прекрасно известно, что решение о нападении Германии на Советский Союз в июне 1941 года было окончательно утверждено уже в декабре 1940-го. Такие дела не затеваются в одну неделю, но готовятся долго и тщательно в режиме чрезвычайной секретности. Советский же план военной кампании с Германией разыгрывался вчерне только в начале 1941 года. Таким образом, говорить о подготовке нападения Советского Союза на Германию можно только условно. Сталин в этом случае откровенно проиграл Гитлеру, так же как проиграл Гитлеру и Черчилль в случае с Норвегией. Осуществить внезапность нападения – одно из важнейших слагаемых военного успеха – Германия смогла несомненно.

Начальник Главного штаба сухопутных войск вермахта генерал Франц Гальдер так и пишет в своем дневнике в первый день войны: «Утренние сводки свидетельствуют о том, что все армии (кроме 11-й) перешли в наступление согласно плану. Тактической внезапности, очевидно, удалось достичь на всей линии фронта».[2]

* * *

Существует предание, что Наполеон говорил своим маршалам: «Если я возьму Киев, я буду держать Россию за ноги. Если я захвачу Петербург, я возьму Россию за голову. Если я займу Москву, я поражу Россию в самое сердце». Как известно, Бонапарт выбрал Москву и направил именно на нее основные силы своей полумиллионной армии.

Свидетельств о том, что нечто подобное говорил своим генералам Адольф Гитлер, не существует. Однако осознанно или нет, немецкий штаб решил отбросить в сторону колебания великого полководца и направил по полумиллионной армии сразу на все три эти города. Странная уверенность в том, что после захвата трех разновременных столиц с Россией будет покончено, словно парализовала мышление генералов вермахта, и они совершенно терялись, когда кто-нибудь задавал им вопрос: «А что вы будете делать дальше, после того как дойдете до Урала?» Ведь грамотные генералы, закончившие Академию, прекрасно понимали, что устра-

[2] Франц Гальдер. Русская кампания. Хроника боевых действий на Восточном фронте 1941–1942. М.: Центрполиграф, 2007. С. 7.

ивать границу по реке Волге вряд ли разумно и надо дойти хотя бы до Урала. Немцы почему-то полагали, что когда они полностью захватят всю европейскую часть Советского Союза, Красная Армия будет полностью разбита и русские больше сопротивляться не будут.

Неверно употребленный малограмотным фюрером образ библейского «колосса на глиняных ногах» затуманил глаза всей нации. Все как будто забыли о том, что истинное пророчество в Книге Даниила касалось длительной многовековой истории, начинающейся с гибели золотой головы – Вавилонского царства, и кончая развалом могучей Римской империи, которая собственно и являлась глиняными ногами Царств. Но и эти глиняные ноги разваливались в течение четырех столетий, а не недель или месяцев, да и развалившись, к тому же поглотили своих победителей.

Однако даже до Урала, согласно первоначальному плану блицкрига, они доходить не собирались, конечной целью плана «Барбаросса» была линия Архангельск – Астрахань.

И поначалу продвижение немецких войск по советской территории было воистину стремительным. Этому способствовало множество факторов.

Во-первых, уже упоминавшийся фактор внезапности – важнейшее условие успеха всякого наступления.

Во-вторых, как минимум троекратное превосходство сил на каждом участке фронта. Также обязательное условие успеха любого наступления.

Уже этих двух факторов вполне достаточно для несомненного успеха в начальной стадии боевых действий. Тем более что был еще и третий, также игравший на руку наступавшей стороне. Немецкие армии были к этому моменту хорошо «разогреты» в предыдущей европейской кампании, а советские войска в большинстве своем еще не привыкли вести настоящие боевые действия, в которых необходимо решительно действовать, быстро ориентироваться и еще очень многое просто уметь делать «на автомате», что нарабатывается лишь ежедневной практикой.

Кроме того, против Советского Союза в данном случае сработало даже то, что должно было вне всяких условий иметь положительное влияние. Только что присоединенные государства Прибалтики должны были сыграть роль буфера на пути вторжения, но по горькой иронии судьбы сыграли роль как раз прямо противоположную. Эта противоположная роль изначально предполагавшегося стратегически положительного маневра, слагается из четырех факторов.

Фактор первый. Стремясь отгородиться от агрессора, наши стратеги ровно наоборот, оказались с ним нос к носу, избавив германскую сторону от необходимости решать вопрос прохода войск через территории сопредельных государств. А ведь этим как минимум ставился под большое сомнение фактор внезапности нападения.

Фактор второй. Строительство оборонительных сооружений на новой границе требовало в такой ситуации быстрых, решительных и оперативных действий, каковых, увы, не последовало. Новая граница в оборонительном отношении была не готова к моменту вторжения врага.

Фактор третий. Не успев создать надежной линии обороны вдоль новой границы Советского Союза на территории только что присоединенных прибалтийских государств, наши военные с завидным успехом успели забросить укрепления, находившиеся на прежней советской границе.

Командующий Ленинградским военным округом М. М. Попов позднее вспоминал: «Значительно хуже обстояли дела в Псковско-Островском УРе, созданном на старой границе с Эстонией, который с выносом нашей госграницы далеко на запад считался уже ненужным, в связи с чем на долговременные сооружения, рассчитанные на два батальонных района, был оставлен малочисленный гарнизон в составе одной пулеметной и одной учебной рот, которых

явно не хватало даже для охраны имевшихся сооружений. Кроме того, значительная часть вооружения и оборудования была демонтирована, а сами сооружения законсервированы…» [3]

Нельзя не сказать и еще об одном очень немаловажном аспекте, который вполне может быть признан четвертым фактором. Советское государство с большим подозрением относилось к своим собственным гражданам, а уж о населении насильно присоединенных прибалтийских республик и вовсе говорить не приходится. В результате в первые дни войны органы НКВД «громили» изнутри свои же соединения, созданные на территории ПрибОВО, что, естественно, еще более ослабляло возможности нашей обороны. Вопрос о том, что многие, возможно, были обижены этим недоверием совершенно незаслуженно, до сих пор остается неисследованным. Но эта безостановочная борьба со своими также немало способствовала успеху немецкого наступления, особенно в первые месяцы.

Однако я не стал бы придавать последнему фактору чрезмерно важное значение.

Конечно, были и такие, кто сознательно (или полусознательно) в первую же неделю войны сдался врагу, дабы впоследствии воевать против ненавистного сталинского режима. Таковым, например, оказался генерал П. В. Богданов, оставивший в первые дни войны без центрального руководства целую дивизию Красной Армии. Тем не менее, большинство из попавших в плен советских граждан и впоследствии влившихся в ряды антисталинистов, очень быстро поняли, что Родиной не торгуют. Доказательством тому служит прежде всего дальнейшая судьба того же Богданова. Сталины и Гитлеры приходят и уходят, а Россия и Германия остаются. Проблема Курбского должна быть давно уже раз и навсегда снята. Ты можешь распорядиться собственной жизнью по своему усмотрению. Но даже оказавшись «в бегах», не следует рядится в одежды Лжедимитрия. Благо Родины никогда не может быть принесено на штыках интервентов. Выберешь ты судьбу Андрея Курбского или Василия Шибаева – это твое личное дело. Но никогда не вставай на стезю Григория Отрепьева, потому что это касается уже не только тебя самого, это несет страдания и боль дорогому сердцу Отечеству.

А Отечество и в самом деле было в те дни в опасности.

В отличие от наполеоновского вторжения, согласно общему замыслу плана «Барбаросса» первоначально предполагалось захватить Ленинград.

«В районе предстоящих боевых действий, разделенном Припятскими болотами на южный и северный участки, основной упор должен быть сделан на северный участок. Здесь должны будут действовать две группы армий. Южной из этих групп – в центре общего фронта – ставится задача прорыва наиболее мощными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и к северу от нее на территорию Белоруссии и уничтожения дислоцированных там сил противника. Так, сильным подвижным частям должны быть созданы условия для поворота на север. Здесь в тесном взаимодействии с северной группой армий, наступающей с территории Восточной Пруссии на Ленинградском направлении, немецким войскам предстоит уничтожить силы противника в Прибалтийском регионе. Только после достижения вышеизложенных целей, за которыми предстоит захват Ленинграда и Кронштадта, следует продолжить наступательные операции по овладению важнейшими линиями коммуникаций и ключевыми оборонительными узлами на пути к Москве…»[4]

Немцы были настроены вполне серьезно. На Ленинград двинулась группа армий «Север» под командованием фельдмаршала фон Лееба.

Главным ударным кулаком группы армий «Север» была 4-я танковая группа под командованием генерал-полковника Гепнера.

---

[3] Оборона Ленинграда, С. 32.

[4] Поражение германского империализма…, С. 201.

ИЗ ПРИЛОЖЕНИЯ К ПРИКАЗУ КОМАНДУЮЩЕГО 4-й ТАНКОВОЙ ГРУППОЙ В СВЯЗИ С ПРЕДСТОЯЩИМИ БОЕВЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ НА ВОСТОКЕ

2 мая 1941 г.

«Война против России является важнейшей частью борьбы за существование немецкого народа. Это – давняя борьба германцев против славян, защита европейской культуры от московско-азиатского нашествия, отпор еврейскому большевизму.

Эта борьба должна преследовать цель превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью. Каждый бой должен быть организован и проводиться с железной волей, направленной на безжалостное и полное уничтожение противника. Никакой пощады прежде всего представителям сегодняшней русской большевистской системы…»[5]

Это воззвание подписал Гепнер. Эрих Гепнер – 56-летний генерал-полковник.

Выпускник Берлинской военной Академии (1914 г.) Человек вполне грамотный и вполне взрослый. Командующий 4-й танковой группы, брошенной на захват Ленинграда. Он видел в безжалостном сокрушении России едва ли не подлинно христианскую миссию.

Германская нация приняла христианство раньше русской на полтысячелетия.

Они старшие наши братья во Христе.

Риттер фон Лееб, главнокомандующий группы армий «Север», был искренним католиком и противником нацистских идей. Однако динамика большого размаха увлекла и его в русло совершенно бесчеловечной бойни.

И удивительным образом и та, и другая сторона – и лжехристианский Рейх, и откровенно атеистический СССР – наперегонки бросились возрождать Церковь в России…

* * *

Всем известно, что 22 июня 1941 года было воскресным днем. Но не столь многие знают, что это воскресенье было по церковному календарю днем всех святых по всему миру пострадавших…

И в первый же день войны, за 11 дней до сталинской речи, патриарший местоблюститель Сергий (Старгородский) митрополит Московский и Коломенский написал свое знаменитое «Послание пастырям и пасомым христианской Православной Церкви».

«Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству…

Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред Родиной и верой и выходили победителями.

Не посрамим же их славного имени и мы – православные, родные им по плоти и вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом…

Вспомним святых вождей русского народа… Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших души свои за народ и Родину…

[5] 1941 год. – М.: МФ «Демократия», 1998. Т. 2, с. 151.

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины.

Господь нам дарует победу».[6]

[6] 1941 год. Страна в огне. Документы и материалы. Кн. 2. СС. 84–85.

Из предисловия ко второму изданию
И дольше века длится жизнь…

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.
Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов…

Анна Ахматова

27 января 2014 года в Санкт-Петербурге отмечали 70-летие полного снятия блокады Ленинграда, длившейся 872 дня (с 8 сентября 1941 до 27 января 1944 года). Этот период, вошедший в историю как «900 дней», с тех пор не только не перестает беспокоить ленинградцев, петербуржцев, граждан сначала Советского Союза, а затем и России, но все более захватывает внимание людей, живущих за пределами нашей страны.

В дни празднования городом этого неординарного события мировой истории в крупной немецкой газете Sueddeutsche Zeitung (№ 15 от 20 января 2014 года) была опубликована большая статья о ленинградской блокаде «Отец, приди, расскажи о войне». А непосредственно 27 января в немецком Бундестаге с докладом, посвященным 70-летию снятия блокады Ленинграда, выступил участник обороны города писатель Даниил Александрович Гранин.

Несмотря на то, что ему совсем недавно (1 января) исполнилось 95 лет, Даниил Александрович все полчаса говорил стоя, отказавшись от стула, поднесенного ему по указанию Ангелы Меркель. А канцлер Германии Ангела Меркель, президент Германии Иоахим Гаук и члены Бундестага во главе с Председателем внимательно его слушали. И это выступление Гранина не осталось для них пустым звуком.

Блокада Ленинграда давно уже обсуждается немецкими историками. Этому событию посвящаются книги, статьи, фильмы, конференции и за рубежом и в нашей стране. Блокаду обсуждают, о ней спорят, и главное – никак не могут о ней забыть. А последнее выступление Даниила Гранина перед немцами вызвало в Германии новый всплеск воспоминаний. Последовала целая серия газетных статей.

Живых участников тех далеких событий осталось уже совсем мало, и вспомнить теперь они могут немногое. Но во многих немецких семьях вдруг обратили внимание на дневники и письма военных лет своих уже ушедших из жизни родных и близких и стали наперебой предлагать их немецким историкам, которые до сих пор интересовались лишь воспоминаниями крупных военных чинов. Теперь же выплыло на свет большое количество писем и воспоминаний младшего офицерского состава и простых солдат. В Германии назревает новая большая волна изданий и публикаций свидетельств той далекой истории.

Именно таким свидетельством являются и письма немецкого ефрейтора Иоганна Генриха Вике, следовавшего в 1941 году с группой армий «Север» на Ленинград… Замечательно то, что немалая часть этих писем была впервые опубликована не на немецком, а на русском языке в книге «Плацдарм “Ворота Ленинграда”», изданной при поддержке Роспечати как раз к 70-летию снятия блокады. Это издание подготовило издательство Санкт-Петербургской Русской Христианской Гуманитарной Академии, и эта публикация писем немецкого ефрейтора в России наряду с выступлением Даниила Гранина и появившейся после него прочувствованной статьей Президента Германии вызвала новую волну интереса к этой теме у немцев. Фрагменты писем ефрейтора Вике были впервые опубликованы в Германии в оригинальном критическом

исследовании, посвященном участию немецких пасторов в «русском походе», замечательным немецким историком церкви Дитрихом Кюсснером в 2014 г.

Книга же, которую читатель держит в руках в данный момент, практически является повторением «юбилейного» издания с небольшими, хотя в чем-то и весьма существенными изменениями.

* * *

Блокада Ленинграда – это и в самом деле особая история.

Прежде всего, здесь следует отметить, что выпущенное в 2005 году издательством ФЕРДИНАНД ШЁНИНГ (Падерборн, Мюнхен, Вена, Цюрих) посвященное этому событию фундаментальное исследование Йорга Ганценмюллера называется Das belagerte Leningrad 1941–1944 – буквально – Осажденный Ленинград. С военной точки зрения это название, вероятно, представляется многим более точным. Ведь в немецком языке есть слово – die Blokade, хотя оно и заимствовано в XVIII веке из английского. В этом же исследовании речь идет о военной операции, называющейся – осада.

Однако, осада осаде рознь.

Первая ставшая широко известной в истории человечества осада – это осада Трои, о которой рассказывается вот уже более трех тысяч лет. Это и в самом деле было величайшее в истории событие. Трою греки взяли только на десятый год. Более девяти лет шли бои вокруг города; были разорены все окрестные селения, однако Троя держалась. И это было возможно только потому, что город не был полностью блокирован.

Блокада, как способ взятия крепостей, была придумана позже. Но сразу же вслед за этим, как это всегда и бывает, были разработаны средства противостояния блокаде. Власти любого города-крепости должны были постоянно поддерживать годовой запас продуктов питания и независимый источник водоснабжения. Всегда считалось, что года вполне достаточно, ибо у такого способа взятия городов было много недостатков; одним из главнейших недостатков являлось то, что при долгом стоянии вокруг города неизбежно начинались сложности со снабжением и войска начинали разлагаться от длительного отсутствия результата. Поэтому слишком надолго затягивать блокаду не имело смысла. И завоеватели всегда стремились как можно быстрее взять город, для чего придумывали всевозможные средства разрушения и преодоления укреплений.

Интересна в этом смысле судьба греческого города-крепости Родос, расположенного на одноименном острове. Эту крепость безуспешно пытался взять еще в самом конце IV века до н. э. греческий стратег Деметрий, прозвище которого Полиоркет переводится с греческого как Осаждатель городов. Это прозвище он получил за то, что придумал осадные машины – таран длиной 60 метров, который приводила в действие тысяча воинов, и осадную башню высотой в 30 метров. Но даже несмотря на такие технические достижения, взять Родос он не смог.

Взять Родос смог только турецкий султан Сулейман I Великолепный в 1522 году. Однако для этого ему пришлось использовать не только все технические возможности разрушения крепостных стен того времени (уже существовавшие пушки, подкопы, именовавшиеся тогда минами и т. д.) и задействовать двухсоттысячное войско, но и простоять под стенами города почти пять месяцев. И это несмотря на то, что ему противостоял гарнизон, изначально насчитывавший не более шести тысяч защитников.

Наиболее важным для нас в этой истории является то, что сдать крепость великий магистр Ордена госпитальеров Филипп де Вилье де л'Иль-Адам решился только после того как к нему обратились с такой просьбой жители города, которые были не в силах больше выносить тяготы столь долговременной осады. Филипп де Вилье выторговал у турецкого султана самые почетные условия сдачи. Рыцари покинули крепость в полном вооружении, взяли с собой все

свое имущество, с ними последовали и многие жители Родоса, не пожелавшие оставаться под турецким владычеством. Сулейман предоставил им необходимое количество судов и военное сопровождение. Более того, город после занятия его турками против всякого обыкновения не был подвергнут разграблению, оставшиеся жители не притеснялись, и христианские храмы не были закрыты.

Со временем, благодаря развитию артиллерии, крепостные стены перестали быть не только надежным укрытием, но и вообще серьезным препятствием. В этом смысле интересна история наиболее известных осад в период наполеоновских войн. Именно в это время в военной практике крепко обосновалось понятие так называемого открытого города. В 1805 году Наполеон вошел в Вену (как в открытый город) триумфатором. Он остановился в королевском дворце в Шёнбрунне, по вечерам посещал оперу, а солдаты его свободно гуляли по городу и платили полновесной монетой в городских кафе. Сражения же происходили в полях, загородом. Городская публика наблюдала развитие боевых действий с балконов в бинокли.

Это была цивилизованная европейская война.

Однако те же наполеоновские маршалы в течение восьми месяцев не могли взять небольшого испанского города Сарагосы. В конце концов «славный» маршал Ланн все же взял город, вернее полные его развалины. Взял, положив на это огромное по масштабам тех войн количество своих солдат – около двадцати тысяч.

Это была кровопролитнейшая эпопея с уличными боями и резней, в результате чего большая часть жителей города погибла, а оставшаяся уже была изможена настолько, что оказалась не в силах сражаться далее. Но даже в таких условиях город капитулировал лишь после того как руководивший его обороной генерал-капитан Поллахос был взят в плен в бессознательном состоянии; он потерял сознание от голода и недосыпаний.

К эпохе наполеоновских войн относится и другой вариант – не Вена и не Сарагоса, но Москва. Наполеона пустили в город, но город сожгли, сделав фактически невозможной зимнюю стоянку войск.

Можно привести еще множество примеров осады городов, но главное заключается в том, что во всей истории войн осада Ленинграда имеет свое неповторимое лицо. Она стоит особняком в мировой истории. Это уже не просто осада, это самая настоящая блокада, ставшая одной из величайших трагедий Второй мировой войны. Она вполне сравнима с холокостом, ведь больше восьмидесяти процентов детей, стариков и женщин в блокаду погибли. И немецкое командование сознательно пошло на это, желая задушить, заморить город, не прилагая усилий для его взятия.

Достоверно известно, в том числе по документам из немецких архивов, что гитлеровское командование приняло решение уморить Ленинград голодом. Прекрасно, судя по всему, понимая, что Ленинград никогда не станет для гитлеровских войск открытым городом, немецкий главный штаб не захотел получить здесь что-то вроде второй Сарагосы и решил не брать город. Было принято решение просто блокировать его, заморить голодом, сжечь фугасами, разрушить тяжелой дальнобойной артиллерией.

И этот момент сам по себе чрезвычайно важен, потому что согласно общему замыслу плана «Барбаросса» Ленинград подлежал захвату и полному уничтожению в первую очередь. Именно в этом заключалось одно из важнейших условий плана молниеносной войны. В плане «Барбаросса» было однозначно зафиксировано: «Только после достижения вышеизложенных целей, за которыми предстоит захват Ленинграда и Кронштадта, следует продолжить наступательные операции по овладению важнейшими линиями коммуникаций и ключевыми оборонительными узлами на пути к Москве…».

Также из более поздних немецких документов известно, что Гитлер неоднократно подчеркивал необходимость первоочередного взятия Ленинграда, и только после этого должен был последовать поворот на Москву (Blockade Leningrad 1941–1944. Reinbeck, 1992; Die

Blockade Leningrad. Mainz, 1999 и др.) То, что Ленинград весь начальный период войны продолжал считаться важнейшим объектом на направлении главного стратегического удара немецкой армии, видно и из того, что 4 августа Гитлер посетил штаб группы армий «Центр» и разъяснил генералам, почему надо разделаться с северной столицей в первую очередь. В «Военном дневнике верховного командования вермахта» (ОКВ[7]) 4 августа помещен отчет о совещании с участием Гитлера в штабе группы армий «Центр». Применительно к планам предстоящих действий фюрером там было сказано следующее: «Для принятия решений о продолжении операций определяющей является задача лишить противника жизненно важных районов. Первой достижимой целью является Ленинград и русское побережье Балтийского моря в связи с тем, что в этом районе имеется большое число промышленных предприятий, а в самом Ленинграде находится единственный завод по производству сверхтяжелых танков, а также в связи с необходимостью устранения русского флота на Балтийском море. Следует занять Эстонию и русские острова на Балтийском море».[8]

Исторические факты свидетельствуют о том, что немцам не удалось выполнить эту волю Гитлера. Советские люди, несмотря на все трудности, несмотря на чудовищные потери, остановили врага и не сдали город. Именно здесь, под Ленинградом, впервые удалось поставить на пути немецкой машины неодолимую с ходу преграду и сломать блицкриг.

Здесь важно то, что немецкие генералы согласились на блокирование города, прекрасно понимая, что самым правильным решением является именно взятие города. Когда 16 августа командующий 18-й армией фон Кюхлер предлагает фон Леебу оставить пока Ревель (Таллин) просто под контролем, фон Лееб отвечает: «Так дело не пойдет. Ревель нужно брать…»[9] И Ревель 28 августа был взят.

Но Ленинград все-таки брать не стали! И это стало величайшей ошибкой немцев.

Город все годы войны оказывал колоссальное моральное влияние на всю страну, на страны оккупированной Европы уже только самим фактом того, что не сдается, стоит, сопротивляется. На праздновании 50-летия открытия второго фронта Ф. Миттеран признал: «Не было бы защиты Ленинграда, сапог немецких солдат до сих пор топтал бы Францию».

Просчет немецкого командования заключался в том, что город не сдался ни через месяц, ни через полгода, ни через год. А далее уже все не имело смысла; блицкриг не удался, военная кампания была потеряна.

Но что стоило городу это стояние. Согласно свидетельствам Гранина, у людей в городе даже возникали мысли о том, что надо бы пустить в город немецких генералов, чтобы они увидели, до чего довели людей. Тогда, быть может, они уйдут. Такие возникали странные мысли. Но никто не предлагал сдать город. Причем большая часть населения не только стоически выдержала этот ужас, но и сохранила человеческий облик и достоинство. Да именно о человеческом достоинстве надо вести здесь речь, ведь жители города, несмотря на голод и невероятные лишения сохранили зоопарк – после первой блокадной зимы более ста животных остались живы! Сохранили уникальную коллекцию семян в Институте имени Вавилова!

Более того, мало кто знает, что люди из блокированного города помогали отстоять Москву. На Кировском заводе делали пушки, тяжелые танки и на самолетах их отправляли под Москву. А сколько отправляли туда по Дороге жизни оружия и боеприпасов! Катюши, сделанные в блокадном Ленинграде, воевали под Сталинградом…

И во всем этом заключается несомненная героическая роль Ленинграда. В том, что он не сдался и все 900 дней, буквально умирая с голоду, удерживал около себя большие силы

---

[7] ОКВ (от нем. Oberkommando der Wehrmacht – OKW) – Верховное главнокомандование вермахта в 1938–1945 годах.

[8] Ю. Лебедев, СС. 146–147.

[9] Лебедев Ю. Ленинградский блицкриг. С. 188.

врага, сковывая свободу действий и движений вражеских армий, не позволяя им выйти на оперативный простор.

Ленинграду немецким главным командованием была уготована трагическая судьба, а город, вопреки всему стал героем.

И вот через 70 лет после его освобождения один из участников тех далеких событий Даниил Гранин в своей речи в Бундестаге высказал немцам свое недоумение по этому поводу. Как могли цивилизованные европейские люди морить голодом целый город не недели и не месяц-другой, а целых два с половиной года?!

Но это взгляд уже из наших дней. На Нюрнбергском процессе главнокомандующие группы армий «Север» фон Лееб и фон Кюхлер были осуждены лишь за отдельные приказы и их последствия. Например, за убийство душевнобольных в лечебнице Макарьевская под Сиверской. Но совсем не за то, что организовали эту чудовищную по своим масштабам блокаду. По нормам международного права, существовавшим на тот момент, полная блокада города считалась позволительным методом ведения военных действий. Только 8 июня 1977 года был принят Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, где в статье № 14 сказано: «Запрещается использовать голод среди гражданского населения в качестве метода ведения военных действий».

Ленинград заплатил за это решение полной мерой.

* * *

Но что же случилось в эти первые месяцы войны? Действительно ли немецкое командование вдруг передумало брать город? Или немецкая машина просто сломалась на подступах к Ленинграду и не смогла преодолеть сопротивление его защитников?

В предлагаемой вниманию читателя книге предпринята попытка, насколько возможно подробнее проследить один из драматичнейших эпизодов битвы за Ленинград – первые десять дней от 10 до 19 июля – неожиданный для нашего командования рейд немецких войск в обход Лужского рубежа обороны.

Почему 19 июля немцы остановились и не пошли дальше? Попробуем же понять это на материале множества документов того времени и свидетельств очевидцев с обеих сторон.

Пролог
Прибалтийская стратегическая оборонительная операция

Первая неделя войны

22.6.1941 – воскресенье

Боевой дневник Группы Армий (ГА) «Север»[10]

«03.00. В зоне группы армий “Север” 1-й воздушный корпус в составе 76 штурмовиков и 90 истребителей пересекает советскую границу с целью атаки 7 аэродромов.

Воздушное руководство восточного моря ставит минные заграждения на Красный Кронштадт; минирование морского канала Ленинград – Кронштадт.

03.05. Все войска группы армий “Север” выдвигаются на бой с Красной Армией…

11.15. Нач. ген. штаба сообщил… у врага бешеный радиообмен[11]…

11.30. 4-я ТГр 10.30 8-я ТД взяла Сяряджюс. Одна группа выдвинулась на Арегалу…

15.30. Летчики обнаружили западнее и юго-западнее Шауляя танковое соединение. Из 100 танков 40 разбито…

18.19. Нач. 4-й ТГр докладывает… Группа не надеется сегодня достичь Рассейняя…

Командование просит следующую за ней 290 ПД как можно скорее пересечь Дубиссу…

18.45. … Генерал-полковник Гепнер надеется, что 6-я ТД достигнет сегодня Рассейняя (при этом он, похоже, совсем потерял интерес к Шауляю) …»[12]

Журнал боевых действий Северо-Западного фронта (СЗФ)

«Оперативная сводка, принятая в 23.00 22 июня 1941.

НАЧАЛЬНИКУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КА

<…>

КОРПУС ГОТОВИТСЯ НАСТУПЛЕНИЮ ЗАНИМАЯ В ТЕЧЕНИЕ НОЧИ ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В РАЙОНЕ РАССИЕНЫ ТЧК СЛЕДСТВИЯ БОМБАРДИРОВКИ ПРОВОДНАЯ СВЯЗЬ С 8 А С 14–00 ОТСУТСТВУЕТ=ПОТЕРИ ВЫЯСНЯЮТСЯ <…>».[13]

---

[10] Я перевожу здесь немецкое Kriegstagebuch (КТВ) буквально. А. В. Исаев предпочитает употреблять название аналогичного русского документа Журнал боевых действий (ЖБД). Скорее всего, он делает правильно. Однако в контексте данного исследования мне представляется более целесообразным «развести» эти документы.

[11] Последняя фраза говорит о многом. Так и представляешь лихорадочные попытки наших командиров разобраться в происходящем и принять адекватные обстановке решения. Нетрудно догадаться о том, какие потоки вопросов, восклицаний и проклятий неслись в эфир. Немцы, должно быть, ужасно веселились. Дляних началась очередная «веселая война».

[12] T 311 R 53 1.f 7,065,769.

[13] ЦАМО, фонд 221, опись 1351, дело 57-1. СС. 22–26.

Дневник начальника генштаба сухопутных войск вермахта (ОКХ)[14]

Гальдер: «Все армии, кроме 11-й армии группы армий „Юг“ в Румынии, перешли в наступление согласно плану. Наступление наших войск, по-видимому, явилось для противника на всем фронте полной тактической внезапностью.[15] Пограничные мосты через Буг и другие реки всюду захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать… Командование ВВС сообщило, что за сегодняшний день уничтожено 850 самолетов противника, в том числе целые эскадрильи бомбардировщиков, которые, поднявшись в воздух без прикрытия истребителей, были атакованы нашими истребителями и уничтожены…

На фронте группы армий “Север” танковая группа Гепнера, ведя успешные бои, продвинулась до реки Дубисса и овладела двумя неразрушенными переправами. На этом участке в ближайшие дни следует ожидать появления свежих сил противника из глубины, которые будут пытаться приостановить наше наступление».[16]

Манштейн: «В первый день наступления корпус должен был продвинуться на 80 км в глубину, чтобы овладеть мостом через Дубиссу около Айроголы. Я знал рубеж Дубиссы еще с первой мировой войны. Участок представлял собой глубокую речную долину с крутыми, недоступными для танков склонами. В первую мировую войну наши железнодорожные войска в течение нескольких месяцев построили через эту реку образцовый деревянный мост. Если бы противнику удалось взорвать этот большой мост у Айроголы, то корпус был бы вынужден остановиться на этом рубеже. Враг выиграл бы время для организации обороны на крутом берегу на той стороне реки, которую было бы трудно прорвать. Было ясно, что в таком случае нечего было рассчитывать на внезапный захват мостов у Двинска (Даугавпилс). Переправа у Айроголы давала нам незаменимый трамплин для этого.

Какой бы напряженной ни была поставленная мною задача, 8 тд (командир – генерал Бранденбергер), в которой я в этот день больше всего был, выполнила ее. После прорыва пограничных позиций, преодолевая сопротивление врага глубоко в тылу, к вечеру 22 июня ее передовой отряд захватил переправу у Айроголы. 290 дивизия следовала за ним быстрыми темпами, 3 пд (мот.) в полдень прошла через Мемель (Клайпеда) и была введена в бой за переправу южнее Айроголы.

Первый шаг удался».[17]

Исаев в книге «Иной 1941» отмечает один характерный момент, свойственный этой немецкой кампании, особенно в начальный ее период. Интересующее нас направление экспансии «находилось в полосе наступления XXXXI моторизованного корпуса 4-й танковой группы. Пользуясь своей подвижностью, немецкие танковые и моторизованные части вышли на исходные позиции в последний момент перед началом кампании. В ночь на 22 июня 1-я и 6-я танковые дивизии XXXXI корпуса пересекли Неман и к 3.00 подошли к границе. Советской

---

[14] ОКХ – от нем.: Oberkommando des Heeres – Верховное командование сухопутными войсками вермахта.

[15] Здесь любопытно отметить расхождение оценок начальника генерального штаба и командующего группой армий «Север». Фон Лееб: «Общее впечатление: наше наступление не было неожиданностью дляпротивника, поскольку он, по всей видимости, отвел свои главные силы. Тем не менее на отдельныхучастках наши атаки в предрассветные часы оказались для него сюрпризом». (Ю. Лебедев, с. 20.)

[16] Гальдер, М. ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. С. 24

[17] Манштейн, С. 188.

разведкой, если опираться на разведсводки Прибалтийского военного округа, группировка механизированных частей противника вскрыта не была».[18]

Итак, одна из главных героинь этой истории – 6-я танковая дивизия – в этот день, следуя от Тильзита через Таураге, к исходу дня должна была занять Рассейняй. Изготовился к удару на Рассейняй и наш мехкорпус.

Но что могли сделать даже два наших мехкорпуса – 3-й и 12-й – против ударной части группы армий «Север» – 4-й танковой группы – имевшей к тому же мощную общевойсковую поддержку?

В состав группы армий «Север» входили следующие соединения:

– 18-я полевая армия под командованием генерал-полковника фон Кюхлера (начальник штаба – полковник Хассе), в которую входили 1-й, 26-й и 38-й армейские корпуса (7 пехотных и одна охранная дивизии);

– 16-я полевая армия под командованием генерал-полковника Буша (начальник штаба – полковник Вутман) включала 2-й, 10-й и 28-й армейские корпуса (8 пехотных к одна охранная дивизии);

– 4-я танковая группа под командованием генерал-полковника Гепнера, в составе которой действовали 41-й моторизованный корпус генерал-полковника Рейнгардта (1-я и 6-я танковые дивизии, 36-я механизированная дивизия, дивизия СС «Тотенкопф» и 269-я пехотная дивизия) и 56-й моторизованный корпус генерала пехоты фон Манштейна (8-я танковая дивизия, 3-я моторизованная дивизия, 290-я пехотная дивизия).

В резерве командования группы армий «Север» оставались 23-й и 50-й армейские корпуса.

Нас в этой книге, прежде всего, будет интересовать 6-я танковая дивизия.

Раус: «Тактическая организация 6-й танковой дивизии перед наступлением 22 июня 1941 года была следующей:

Боевая группа «фон Зекендорф»
Подполковник барон Эрих фон Зекендорф
114-й моторизованный полк
57-й танковый разведывательный батальон
Рота 41-го батальона истребителей танков
6-й мотобатальон (только утром)

Боевая группа «Раус»
Полковник Эрхард Раус
11-й танковый полк
I/4-го моторизованного полка[19]
II/76-го артиллерийского полка
Рота 57-го танкового саперного батальона
Рота 41-го батальона истребителей танков
Батарея II/411-го зенитного полка

[18] Исаев А. Иной 1941. М.: «Яуза», «Эксмо», 2011. С. 41

[19] Обозначение расшифровывается следующим образом: 1-й батальон 4-го моторизованного полка. И так же во всех остальных случаях. Сначала стоит номер отделения (Abteilung) – рота, батальон, батарея, затем – подразделения – армия, дивизия, полк.

6-й мотобатальон (вторая половина дня)

Главные силы дивизии
Генерал-майор Франц Ландграф
Штаб, II и III/4-го моторизованного полка
Штаб I и III/76-го танкового артиллерийского полка
57-й танковый саперный батальон (без одной роты)
41-й батальон истребителей танков (без двух рот)

Приданы
II/59-го артиллерийского полка
II/114-го зенитного полка (без одной батареи)»[20]

В этот день уже почувствовали свою судьбу и жители северной столицы.

Ленинград. Смольный

Антюфеев[21]: «22 июня было воскресенье, день отдыха. Но некоторые крупные предприятия работали. Кроме того, люди, услыхав по радио весть о вероломном нападении фашистских орд на нашу страну, устремились на свои предприятия, в учреждения, учебные заведения.

Мне удалось побывать на митингах у скороходовцев и электросиловцев… Всюду трудящиеся Ленинграда горячо и взволнованно говорили о своей решимости дать отпор ненавистному врагу.

Я был в кабинете А. А. Кузнецова, когда туда вошел заведующий военным отделом горкома партии И. А. Верхоглаз. Он сообщил, что десятки тысяч людей требуют немедленно отправить их на фронт, но согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР мобилизацию надлежит начать 23 июня. Алексей Александрович посоветовался с членами бюро горкома партии, затем позвонил в ЦК ВКП(б). Общее мнение сводилось к тому, чтобы начать в Ленинграде мобилизацию немедленно.

Вечером 22 июня работники большинства мобилизационных пунктов приступили к формированию команд…»[22]

Командование же Ленинградского военного округа пока еще не ощутило, откуда идет к нему реальная угроза.

Главком ВВС Ленинградского округа А. А. Новиков: «Согласно предвоенным планам, главные силы округа были сосредоточены на севере от Ленинграда, преимущественно на Карельском перешейке. Именно отсюда мы ожидали наибольшей опасности городу. Угроза Ленинграду с юго-запада, т. е. со стороны Восточной Пруссии, в расчет почти не принималась, и в плане нашей обороны возможность прорыва противника на этом направлении, по существу, не учитывалась. Наше высшее командование исходило из тех соображений, что с юго-запада Ленинград надежно прикрыт войсками Прибалтийского особого военного округа, а от границ Восточной Пруссии до Ленинграда более 750 км. Вот почему до войны в округе

[20] Раус, СС. 50–51.

[21] Антюфеев Леонтий Макарович с 1939 по 1944 год заведовал оргинструкторским отделом Ленинградского горкома партии. С июля по сентябрь 1941 года являлся членом Военного совета Ленинградской армии народного ополчения.

[22] Ополченцы, С. 13.

не проводилось сколько-нибудь серьезных оборонительных мероприятий для защиты города с юго-запада…»[23]

Командующий Северным фронтом М. М. Попов: «Оценивая происходящие события, мы приходили к выводу, что первый день войны оказался для наших Вооруженных Сил, да и для всей страны очень тяжелым, что немало встревожило и нас, проведших этот день в относительно спокойных условиях.

К. А. Мерецков порекомендовал приступить к выбору и рекогносцировке возможных оборонительных рубежей между Псковом и Ленинградом, с немедленным вслед за этим развертыванием на них оборонительных работ с привлечением свободных войск, а главное – местного населения.

Такой совет бывшего начальника Генерального штаба, бесспорно лучше кого-нибудь другого знавшего наши возможности и перспективы развития событий, заставил призадуматься. Мы опасались, не вызовет ли это нездоровых и упадочнических настроений. Конечно, будучи в принципе согласным с К. А. Мерецковым, с его советами и рекомендациями, я счел необходимым этот вопрос тщательно согласовать и обсудить с руководителем Ленинградской городской парторганизации А. А. Кузнецовым. Однако чтобы не терять времени, после беседы с К. А. Мерецковым я вызвал к себе своего заместителя, достаточно опытного генерала К. П. Пядышева, которому и была поручена подготовка рубежей на юго-западе Ленинграда…»[24]

23.6.1941 – понедельник

Боевой дневник ГА «Север»

> «07.50. Нач. 4-й ТГр докладывает: плохие дороги и разрушенный в Таураге мост замедляют продвижение танк. группы…
>
> 10.10. Нач. 4-й ТГр докладывает нач. ген. штаба: Между 09.00 и 09.30 в направлении Кидайняй и Рассейняй большие танковые силы и мотоколонна противника. Просьба обрушить на них удар воздушного флота. –
>
> Похоже, противник принял контрмеры против наших прорвавшихся вперед танков…»[25]

Дневник начальника генштаба ОКХ вермахта

Гальдер: «Утренние донесения за 23.6 и полученные в течение ночи итоговые оперативные сводки за 22.6 дают основание сделать вывод о том, что следует ожидать попытки общего отхода противника. Командование группы армий “Север” считает, что решение об отходе было принято противником еще за четыре дня до нашего наступления…»[26]

Только теперь пересеклись мнения Гальдера и его бывшего командира, а теперь просто старого друга фон Лееба.

Раус: «На второй день войны, уже уйдя на значительное расстояние от границы, обе боевые группы продолжали стремительно двигаться вперед, чтобы помешать противнику занять позиции вдоль высот Расейнай. Мы стремились как можно быстрее выйти в важный район Дубиссы. 6-я танковая дивизия получила приказ занять литовский город Расейнай, после чего

[23] Новиков, СС. 51–52.

[24] Оборона Ленинграда, СС. 43–44.

[25] T 311 R 53 f 7065776-7065777.

[26] Лебедев Ю., С. 24.

дивизия должна была наступать на восток и захватить два автомобильных моста через реку Дубисса в Бетигале и Кибарителиай[27]…»[28]

Журнал боевых действий СЗФ

«НАЧАЛЬНИКУ ГЕНШТАБА КА

Копии: КОМАНДУЮЩИМ ЗапВО, КБФ, 8, 11 и 27 А.

ОПЕРСВОДКА № 02 к 10.00.23.6.41. ШТАБ СЗФ ПАНЕВЕЖИС КАРТА 500.000 И 100.000.

1. Войска СЗФ с утра 23.6, продолжая сдерживать наступление противника как в Шауляйском, так и Каунас-Алитуском направлении, силами трех тд и одной мд (3 и 12 мк) наносят концентрический удар по основной группировке противника действующей в Шауляйском направлении с целью ее разгрома.

В течение минувшей ночи происходила артиллерийско-пулеметная перестрелка и действия авиации обеих сторон.

2. 8 А в течение дня 22.6 сдерживала натиск до шести пд, трех мд и боле одной тд противника <…>

48 сд под давлением танковых частей противника отходила на рубеж ст. ЭРЖВИЛКАС, КОЛНУЙ; ее два стрелковых батальона и два артиллерийских полка прибывшие последними эшелонами, распоряжением командования дивизии остановлены в районе РОССИЕНЫ, где подготавливают рубеж для обороны. Перед фронтом дивизии установлено не менее пятидесяти танков. По данным штарма танки неустановленной численности наступают вдоль северного берега р. НЕМАН.

Штадив 48 – в лесу южнее ВИДУКЛЕ.

11 сд продолжает выгрузку в районе РАДВИЛИШКИС, ШЕДУВА.[29]

Части 12 мк в ночь на 23.6 заняли исходное положение для наступления на СКАУДВИЛЕ:

23 тд – в районе ТВЕРЯЙ, ГАРЕНАЙ, имеет задачу наступать на ЛУКАВА, СКАУДВИЛЕ;

28 тд – РАУДЕНА с задачей наступать в направлении УЖВЕНТИС, КАЛТИНЕНАЙ, СКАУДВИЛЕ;

202 мд из района КЕЛМЕ в готовности наступать на СКАУДВИЛЕ

Данных о действиях частей корпуса с утра 23.6, ввиду отсутствия связи не имеется.

Приняты меры по восстановлению связи, одновременно высланы делегаты.

з)[30] 2 тд 3 мк с утра 23.6 во взаимодействии с 12 мк наносит удар противнику с направления РОССИЕНЫ на ТАУРОГЕН;

5 тд[31] и 84 мд (3 мк) в прежних районах расположения.

Штарм 8 – КУРТУВЕНАЙ.

6. Оперативная сводка от штаба 11 А не поступила.

---

[27] Скорее всего у Катаускяй. Раус далее пишет (с. 58), что этот мост находился по дороге на Шилуву.

[28] Раус, С. 53.

[29] Здесь вписано от руки и впоследствии вычеркнуто: «е) в частях ощущается недостаток боеприпасов, резины и запчастей. ж)»

[30] Буква приписана от руки.

[31] «5 тд» зачеркнуто и вписано от руки на полях слева: «По данным требующим поверки 5 тд 22.3 вела тяжелые бои с танками пр-ка на переправах через Неман и к наступлению темноты была оттеснена отпереправ».

<…>
Связь с авиационными дивизиями нарушена.
НАЧАЛЬНИК ШТАБА СЗФ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ (КЛЕНОВ)
ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ШТАБА СЗФ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР (ТРУХИН)
№ 08[32]
Отпечатан ОДИН экземпляр
23.6.41 г. А.С.»[33]

Далее в этой же папке документов подшита телеграфная выклейка, текст которой несколько отличается от распечатанной копии.

«ПО ДАННЫМ, ТРЕБУЮЩИМ ПОВЕРКИ, КОННИЦА НЕМЦЕВ СИЛОЮ ДО КБР ПРОСОЧИЛАСЬ ЮГО-ВОСТ. М. ШИЛАЛЕ НАПРАВЛЕНИИ М. КАЛТИНЕНАЙ. В ЧАСТЯХ КОРПУСА ОЩУЩАЕТСЯ НЕДОСТАТОК БОЕПРИПАСОВ, РЕЗИНЫ И ЗАП.ЧАСТЕЙ=

В) 11 СК 125 СД: 749 СП УДЕРЖИВАЕТ РУДУКИШКЯЙ, РЕПЕДАУБЕ, ЛЕС СЕВ. ЛАПСУРВАС., 675 СП, ПОТЕРЯВ ПОЧТИ ПОЛНОСТЬЮ 3-Й БАТАЛЬОН, УДЕРЖИВАЕТ РАЙОН ЛАПСУРВАС, ЮАПЕТРИ, БАЛЬЧИШКИ., 766 СП, ПОТЕРЯВ ДО 40 ПРОЦ. СВОЕГО СОСТАВА, ПРИВОДИТСЯ В ПОРЯДОК В РАЙОНЕ М. –СКАУДВИЛЕ, ПОСЛЕ ЧЕГО БУДЕТ ВВЕДЕН В ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ[34]

ПРОТИВНИКУ С НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЕНЫ НА ТАУРОГЕН.,

И) ШТАРМ 8 КУРТУВЕНАЙ.

=ТРЕТЬЕ.= ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ОТ ШТАБА 11 А НЕ ПОСТУПИЛА <…>[35]

УЧАСТОК: ЛОМЯЙ, ПОЕГЛОНЕ. ПРИДАННЫЙ ДИВИЗИИ 1/286 СП ЗАНИМАЕТ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ РАЙОН ЛЕС СЕВ. БАТАКЯЙ. ШТАДИВ 125 – ЛЕС ЮЖНЕЕ М. СКАУДВИЛЕ.

НА ФРОНТЕ ДИВИЗИИ 22.00 РУЖЕЙНО-ПУЛЕМЕТНАЯ ПЕРЕСТРЕЛКА.

ПО ДОНЕСЕНИЮ НАШТАРМА ТАНКИ ПР-КА 23.30 22.6 ПРОРВАЛИ ФРОНТ 125 СД НА КЕЛМЕ, СКАУДВИЛЕ.

Г) 48 СД: О ДВУХ БАТАЛЬОНАХ 328 СП СВЕДЕНИЙ НЕТ. ОТДЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ И ОБОЗЫ ЗАДЕРЖИВАЮТСЯ М. КОЛНУИ, М. РОССИЕНЫ. 19.00 ПОДОШЕДШИЙ: БАТАЛЬОНЫ 268 СП, БАТАЛЬОН 328 СП, 10 АП, 14 ГАП – ЗАНИМАЮТ ОБОРОНУ РУБЕЖЕ МИНЯНЫ, М. РОССИЕНЫ.

2/268 СП ПОД ДАВЛЕНИЕМ ДВУХ БАТАЛЬОНОВ ПЕХОТЫ И БАТАЛЬОНА ТАНКОВ ОТХОДИТ В ПОДГОТОВЛЕННЫЙ БАТАЛЬОННЫЙ РАЙОН ЛИБЕШКЯЙ. 301 СП ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ОТХОДИТ В РАЙОН РЕЙСТРАЙ ЮЖНЕЕ СТ. ЭРЖВИЛКИ. КОМАНДИРОМ 48 СЛ ОРГАНИЗОВАНА РАЗВЕДКА ВДОЛЬ ДОРОГИ РОССИЕНЫ, СКИРСТЫМОНИ. ШТАДИВ 48 – ЛЕС ЮГО-ВОСТ. М. ВИДУКЛЕ. <…>»[36]

---

[32] Номер вписан от руки.

[33] ЦАМО, фонд 221, опись 1351, дело 57-1. СС. 6–8.

[34] Здесь лист обрывается, далее с новой страницы, похоже, окончание другого текста.

[35] По всей видимости, 11 стр. вставлена раньше, чем следовало, так как на 12 стр., похоже, продолжение 10 стр.

[36] ЦАМО, фонд 221, опись 1351, дело 57-1. С. 10.

Я привожу здесь эти документы практически без сокращений, чтобы читатель мог ясно увидеть, что у командиров Красной Армии в первые дни войны не было полной растерянности и что гибли наши люди у границы не совсем беспомощно. Мост у Таураге был разрушен не Святым духом, и танковые дивизии изготовились к контрудару не наугад. Однако тройное превосходство сил наступающих делало свое дело.

Боевой дневник ГА «Север»

«14.30 6-я ТД 4-й ТГр взяла Рассейняй…»[37]

Журнал боевых действий СЗФ

«НАЧАЛЬНИКУ ГЕНШТАБА КА<…>
ОПЕРСВОДКА № 03 к 22.00 23.6.41. ШТАБ СЗФ ПАНЕВЕЖИС.
<…> 48 сд отошла севернее Россиены.[38]
12 мк и 2 тд (3 мк) с 11.45–12.00 должны были перейти в контратаку:
23 тд с направления ТВЕРАЙ, ЛАУКУВА, СКАУДВИЛЕ;
28 тд с направления РАУДЕНА, УЖВЕНТИС, КРАЖАЙ, СКАУДВИЛЕ;
202 мд из КЕЛМЕ на СКАУДВИЛЕ.
12 мк практически перешел в наступление (с опозданием) только в 13–15 часов[39]. В ходе марша подвергся 4 раза нападению авиации противника. Марш проходил медленно и только в 18.00 28 тбр развернулась для атаки танков, но танки противника после неудачной атаки ПТР отошли на СКАУДВИЛЕ.
2 тд 3 мк из РОССИЕНЫ должна была атаковать на СКАУДВИЛЕ. Ввиду отсутствия связи с мк, данные о результате атаки неизвестны <…>»[40]

Москва. Генштаб. Ватутину. 23.6.41 13.40

«Открытым текстом, из'ятием ленту
Одна наша часть районе Рассейняй уничтожила целиком 100 мотополк, 40 танков, 18 орудий противника. Атаку развиваю. Прошу направить одну авиадивизию бомбардировщиков удара морскому dessanту[41] немцев Либава».[42]

А. Исаев: «Оценка противником действий 12-го мехкорпуса 23 июня была невысокой: "Перед фронтом [1-я тд. – А. И.], очевидно, сражаются части двух мотомеханизированных бригад, предполагавшихся у Тельшая. Руководство этими бригадами, похоже, неорганизованное и вялое". В качестве бригад числились, судя по всему, 28-я и 202-я дивизии. В итоге в журнале боевых действий 1-й танковой дивизии ехидно констатировалось: "Поскольку противник использует свои моторизованные силы, находящиеся на левом фланге дивизии, нерешительно и бессвязно, и до сего момента состоялось боевое соприкосновение, похоже, только с передовыми частями, для прикрытия левого фланга хватит усиленного 1-го батальона мотоциклистов и 4-го разведбата".[43] Впрочем, если бы Черняховский смог атаковать в первой половине дня 23 июня, его дивизию бы ждало избиение силами новейших немецких танков, почти неуязви-

[37] T 311 R 53 f 7,065,778.

[38] Вписано от руки.

[39] В приведенной на стр. 56 той же папки телеграфной расклейке «в 13.15 часов».

[40] ЦАМО, фонд 221, опись 1351, дело 57-1. СС. 37–39.

[41] Так в документе.

[42] ЦАМО, фонд 221, опись 1351, дело 57_1, с. 66. Написано от руки. На следующей странице приводится телеграфная выклейка. Передал плк Киносян…

[43] NARA T315 R16 f 939.

мых для 45-мм орудия БТ. Такие случаи в ходе Приграничного сражения тоже имели место, например под Пружанами и Войницей…

Во второй половине дня продолжавшие наступление две боевые группы 6-й танковой дивизии вышли к Дубиссе. Группа Рауса захватывает мост через реку ниже по течению от железнодорожного моста в Лидувенае, ставшего жертвой “бранденбуржцев”. В соседней группе Зекедорфа, несмотря на тяжелые условия местности, лидером наступления становятся мотоциклисты. Они же первыми сталкиваются с советскими мотомеханизированными частями, о которых старательно предупреждала разведка. Рота мотоциклетного батальона обходным путем через лес вышла к мосту через Дубиссу. Почти одновременно к тому же мосту вышел советский передовой отряд (около 40 грузовиков) из 2-й танковой дивизии. Скорее всего, это было подразделение 2-го мотострелкового полка. Типичным решением советских командиров подвижных соединений в Приграничном сражении было выбросить вперед мотострелковый полк для прикрытия развертывания танков для контрудара. Однако немцам удается отбросить мотострелков из дивизии Солянкина и занять оборону. Обычно в подобных случаях разыгрывалось кровавое сражение за плацдарм. В данном случае силы немцев оказались чересчур слабы, всего одна рота. Прибывшие с востока на выручку мотострелкам танки 2-й танковой дивизии охватывают плацдарм с двух сторон (по 5 танков на каждом берегу). Немецкие мотоциклисты были вынуждены, понеся тяжелые потери, оставить ценный мост. Взрывать его никто не собирался – он был нужен обеим сторонам».[44]

Ленинград. Смольный

Антюфеев: «Военком Московского района И. В. Галковский сказал, что на призывные пункты, не ожидая повесток, явилось более девяноста процентов всех военнообязанных…

Когда мы ночью подводили итоги первого дня работы военкоматов, А. А. Кузнецов сказал, что их осаждают добровольцы – пожилые и молодые люди, не подлежащие по тем или иным причинам мобилизации в Красную Армию и Военно-Морской Флот.

– Надо отобрать добровольцев, – заключил Алексей Александрович, – в отряды для охраны предприятий, военных объектов, борьбы с вражескими лазутчиками и диверсантами…»[45]

Начальник инженерного управления Ленинградского фронта Б. В. Бычевский:

«…утром 23 июня меня вызывает командующий, вернувшийся из Мурманска, и предупреждает:

– Будем создавать дополнительные оборонительные рубежи на псковском направлении в районе Луги. Подробные указания получите у генерал-лейтенанта Пядышева.

К вечеру стало известно, что войска Прибалтийского особого военного округа, теперь Северо-Западного фронта, отходят с тяжелыми боями к Западной Двине.

Вместе с заместителем командующего генерал-лейтенантом К. П. Пядышевым мы засели за разработку схемы новых рубежей.

Константина Павловича за десять лет службы в Ленинградском округе я узнал довольно хорошо. В тридцатых годах он руководил военно-учебными заведениями. Проводил много учений, маневров. Во время рекогносцировок укрепленных районов часто возглавлял комиссии, и мы вместе исходили пешком не одну сотню километров вдоль границы. Его грудь украшали два ордена Красного Знамени, полученные за боевые подвиги во время гражданской

[44] Исаев, Иной 1941, СС. 82–84.

[45] Ополченцы, СС. 13–14. Еще до конца июня в Ленинграде было создано 168 добровольческих истребительных батальонов, в которые вошло свыше 36 тысяч человек.

войны. Богатая военная эрудиция, ровный характер и большой такт в обращении с подчиненными тоже вызывали к нему симпатию у окружающих.

Пядышев проводит на карте линию от Кингисеппа на Лугу и к озеру Ильмень.

– Это будет лужская позиция. Видимо, придется выделять отдельную группу войск для ее обороны…»[46]

24.6.1941 – вторник

Дневник начальника генштаба ОКХ вермахта

Гальдер: «Войска группы армий “Север” почти на всем фронте (за исключением 291-й пехотной дивизии, наступающей на Либаву (Лиепаю), отражали танковые контратаки противника, которые, предположительно, вел 3-й танковый корпус русских при поддержке нескольких мотомеханизированных бригад. (3-й танковый корпус дислоцировался здесь еще в мирное время). Несмотря на это, усиленному правому крылу группы армий удалось продвинуться до Волькомира (Укмерге). На этом участке фронта русские также сражаются упорно и ожесточенно.

В общем, теперь стало ясно, что русские не думают об отступлении, а, напротив, бросают все, что имеют в своем распоряжении, навстречу вклинившимся германским войскам. При этом верховное командование противника, видимо, совершенно не участвует в руководстве операциями войск».[47]

Документы СЗФ

«ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА № 05 К 22 ЧАСАМ 24 ИЮНЯ 1941 г. О ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВОЙСК ФРОНТА ЗА 23 И 24 ИЮНЯ 1941 г.

<…> 1. По всему фронту частей Северо-Западного фронта противник продолжает атаки танками, пехотой, одновременно высадкой во многих районах авиационных десантов, расстраивает связь и организует террористические группы.

Наши части, ведя упорные бои, в ряде направлений отходят. Во многих соединениях управление и связь нарушены.

<…> 3. 8-я армия в течение 24.6.41 г. ведет оборонительные бои на своем правом фланге, одновременно выполняя контрудар 12-м механизированным корпусом и 2-й танковой дивизией (3-го механизированного корпуса).

10-й и 11-й стрелковые корпуса с 9-й артиллерийской бригадой противотанковой обороны в течение дня удерживали ранее занимаемый рубеж, отражая атаки противника.

Вследствие нерешительности и неактивности командира корпуса [генерал-майора] Шестопалова результатов действий 12-го механизированного корпуса не ощущается.

2-я танковая дивизии (3-го механизированного корпуса) 23.6.41 г. разгромила 100-й моторизованный полк – до 40 танков и 40 орудий противника. 2-я танковая дивизия к 16.00 24.6.41 г. – в районе Россиены

[46] Бычевский, С. 7.

[47] Гальдер, М. ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. С. 33.

(без горючего). Противник подтянул резервы и в 16.00 24.6.41 г. перешел в наступление. Принимаются меры доставки горючего самолетами».[48]

«ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ОТ 24 ИЮНЯ 1941 г. НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СССР ОБ ОБСТАНОВКЕ НА ФРОНТЕ К 22 ЧАСАМ 45 МИНУТАМ 24 ИЮНЯ 1941 г.

МОСКВА НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СССР

КП – ПАНЕВЕЖИС 24.6.41 22.45

НА № 016/Ш

12-й механизированный корпус в районе Калтиненай медлит атаковать 120–200 танков и до пехотной дивизии противника в районе Келме. Виновен Шестопалов.

2-я танковая дивизия 23.6.41 г. разгромила 100-й моторизованный полк (до 40 танков и 40 орудий противника). 2-я танковая дивизия – Россиены, нет горючего.

В 16.00 24.6.41 г. противник от Скаудвиле перешел в наступление на Россиены.

5-я танковая дивизия в 14.00 23.0.41 г. вела бой с противником в районе Родзишки.

Положение и местонахождение дивизии 24.6.41 г. неизвестно».[49]

«ПРИКАЗАНИЕ ШТАБА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ОТ 24 ИЮНЯ 1941 г. НАЧАЛЬНИКАМ ШТАБОВ АРМИЙ И МЕХАНИЗИРОВАННЫХ КОРПУСОВ ФРОНТА ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ГРУППИРОВКИ И НУМЕРАЦИИ ВОЙСК ПРОТИВНИКА ПЕРЕД ВОЙСКАМИ ФРОНТА

Начальникам штабов 8, 11, 27-й армий

Начальникам штабов 5-го и 12-го механизированных корпусов

Несмотря на то, что войска Северо-Западного фронта уже двое суток ведут бои на всем фронте, до сего времени почти ни в одном из звеньев командования нет сведений о силе и группировке противника.

Поступающие сведения и сводки разноречием, путаны и вследствие этого мало ценны.

Это объясняется тем, что начальствующий состав забыл о необходимости вести тщательную разведку всеми средствами в процессе всего боя и вне его.

До настоящего времени на фронте захвачены единицы пленных, к тому же о нумерации частей, к которым они принадлежат, штабу армии до сего времени неизвестно.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Принять немедленно меры к установлению группировки и нумерации частей противника перед фронтом армии.

Систематически организовывать разведку боем, поиски, засады, высылку лазутчиков с целью захвата в плен.

Организовать тщательное и постоянное наблюдение во всех звеньях, ведущих бой.

[48] ЦАМО, Ф. 221, оп. 2467сс, д. 39, лл. 286–293.

[49] ЦАМО, Ф. 221, оп. 2467сс, д. 39, лл. 320–323.

О взятых в плен, нумерации частей, к которым принадлежат пленные, о выявленных группировках противника немедленно доносить, не дожидаясь очередной сводки, в вышестоящий штаб.

Все личные документы убитых, тяжелораненых и пленных немедленно направлять в Разведывательный отдел штаба фронта.

Разведывательные органы полностью использовать для выполнения их непосредственной задачи.

Заместитель начальника штаба Северо-Западного фронта

(подпись)

Начальник Разведывательного отдела полковник Сафронов»[50]

«НАЧАЛЬНИК ШТАБА 8 АРМИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ЛАРИОНОВ

Оперативная сводка

МОСКВА. ВАТУТИНУ

1. Районе основных группировок противника:

а) КВЕДАРНА, РОССИЕНЫ, ТАУРОГЕН – не менее четырех[51] пд, до одной (испр. – одна) танковой одивизии, одной бронедивизии и кавбригада. В конце дня 24.6 установлено в движении на РОССИЕНЫ с юга не менее танковой бригады;

б) на направлении КАУНАС действовали свыше шести пд и не менее одной (испр. – двух) танковой (– ых) дивизии.

2. Рубежи занимаемые противником к исходу 24.6:

а) САЛАНТАЙ, КУЛЕЙ, РЬЭТАВАС, ТВЕРАЙ, КРАЖАЙ, КЕЛМЕ, р. ДУБИССА. Около 18.00 мото-механизированные части (до одной дивизии) прорвали фронт 8А в направлении ШАУЛЯЙ. Данных о результате (– ах) этого (зачеркнуто и надписано карандашом – прорыва) еще (зачеркнуто) не установлено (испр. – известно);

б) по западному берегу р. НЕВЯЖИС противник вышел фронт: КОМПЫ до устья реки. На остальных участках фронта точной группировки противника дать невозможно по причине отсутствия связи с частями 11А. <…>

Ф. КУЗНЕЦОВ

П. КЛЕНОВ»[52]

Дневник командующего ГА «Север»

Фон Лееб: «16.30. Разговор с генерал-полковником Гепнером: южный передовой отряд 6-й танковой дивизии увяз в ожесточенных боях с противником у реки Дубисса восточнее Расейняй, продвижения не имеет, несет большие потери. Левое крыло 6-й танковой дивизии и 1-я танковая дивизия наносят удар в северном направлении…

21.30… Танковые атаки велись также и на правом фланге 18-й армии, однако их удалось отразить. Все это свидетельствует о том, что противник не намерен беспорядочно отступать, а делает это поэтапно. Какую цель он преследует, пока непонятно…»[53]

Ленинград. Смольный

[50] ЦАМО, Ф. 221, оп. 2467сс, д. 39, л. 324.

[51] Зачеркнуто и вписано цв. карандашом – семи.

[52] ЦАМО, ф. 221, оп. 1351, д. 57-2, л. 560.

[53] Лебедев Ю., СС. 25–26.

Попов: «Уже утром следующего дня (24 июня) К. П. Пядышев доложил о составе, порядке и сроках работ рекогносцировочных групп, о примерной организации и последовательности оборонительного строительства. Основным рубежом намечалась река Луга почти на всем ее протяжении и далее Мшага, Шимск до озера Ильмень, с развитым и укрепленным предпольем, бравшим свое начало от реки Плюссы. Второй рубеж обороны предполагалось создавать по линии Петергоф, Красногвардейск (Гатчина), Колпино. И, наконец, завершающий рубеж намечался по линии Автово, окружная железная дорога до ст. Предпортовая, Средняя Рогатка и поселок Рыбацкое на Неве. При взгляде на карту с нанесенными на ней рубежами, конечно, бросались в глаза большие разрывы между ними. Однако отсутствие необходимого числа свободных войск и недостаточная уверенность в возможности массового привлечения населения на работы вынудили согласиться с предложенной схемой. В тот же день, когда еще на границе с Финляндией было по-прежнему спокойно и наши войска там продолжали совершенствовать оборону, немцы продолжали наступление в Прибалтике и их передовые части на ряде участков уже подошли к Западной Двине, которая находилась примерно на полпути между госграницей и Псковом. Дальше уже откладывать было нельзя, и мы собрались на Военный совет фронта с участием А. А. Кузнецова и Т. Ф. Штыкова, где К. П. Пядышев подробно доложил схему оборонительных рубежей на псковском направлении, а также некоторые расчеты, связанные с необходимостью привлечения рабочей силы и механизмов. После ряда вопросов и обмена мнениями схема обороны была утверждена. Также было решено немедленно приступить к работам сперва саперными и даже понтонными частями, которые предложил начальник инженерного управления фронта Б. В. Бычевский. Однако, несмотря на то, что все члены Военного совета высказались единогласно за мобилизацию населения как области, так и самого Ленинграда, мы с А. А. Кузнецовым, понимая всю политическую значимость этого вопроса, решили все же посоветоваться с А. А. Ждановым, срочно возвратившимся из отпуска.

Выслушав нашу информацию об обстановке на Северо-Западном фронте и решении об укреплении подступов к Ленинграду с юго-запада, А. А. Жданов в принципе согласился с нами, хотя и обратил внимание на все неприятности, связанные с привлечением ленинградского населения на оборонительные работы в первые же дни войны. Учитывая значение этих мероприятий, А. А. Жданов решил все же посоветоваться с И. В. Сталиным и сразу же доложил ему об этом по телефону. Разговор носил несколько затяжной характер. По фразам Жданова чувствовалось, что ему приходится убеждать Сталина, а по окончании переговоров, положив трубку, он сказал, что Сталин дал свое согласие, указав одновременно на необходимость провести большую разъяснительную работу среди населения…»[54]

25.6.1941 – среда

Дневник начальника генштаба ОКХ вермахта

Гальдер: «Противник организованно отступает, прикрывая отход танковыми соединениями, и одновременно перебрасывает большие массы войск с севера к Дюне на участок между Ригой и Якобштадтом (Екабпилсом)…»[55]

Раус: «После того как единственный тяжелый танк в течение 2 дней блокировал дорогу, она начала-таки действовать. Наши грузовики доставили на плацдарм снабжение, необходимое для последующего наступления. Войска получили свободу передвижения и смогли участвовать в концентрической атаке XLI танкового корпуса против советского 3-го механизированного

[54] Оборона Ленинграда, СС. 44–45.

[55] Лебедев Ю., С. 29.

корпуса. До тех пор, пока наши коммуникации оставались перерезанными, было бы ошибкой пытаться ввязаться в бой, который вел полковник фон Зекендорф…»[56]

Исаев: «Несмотря на обескураживающее столкновение с новыми танками противника, немцы поначалу не хотели отказываться от наступательных действий. Получив поддержку с воздуха, группа Зекендорфа попыталась перейти в наступление. Главным препятствием оказываются советские танки, в первую очередь тяжелые. Разыгрался танковый бой. Одно из классических его описаний выглядит следующим образом:

“Чтобы остановить основные силы противника, были введены в действие 114-й моторизованный полк, два артдивизиона и 100 танков 6-й танковой дивизии. Однако они встретились с батальоном тяжелых танков неизвестного ранее типа. Эти танки прошли сквозь пехоту и ворвались на артиллерийские позиции. Снаряды немецких орудий отскакивали от толстой брони танков противника. 100 немецких танков не смогли выдержать бой с 20 дредноутами противника и понесли потери. Чешские танки Pz.35(t) были раздавлены вражескими монстрами. Такая же судьба постигла батарею 150-мм гаубиц, которая вела огонь до последней минуты. Несмотря на многочисленные попадания даже на расстоянии 200 метров, гаубицы не смогли повредить ни одного танка. Ситуация была критической. Только 88-мм зенитки смогли подбить несколько КВ и заставить остальных отступить в лес”.

Нельзя не отметить, что количество тяжелых танков на поле боя возрастает. Если утром их было всего 7–8, то теперь уже 20. Скорее всего, они вводились в бой по мере прибытия, заправки или устранения мелких поломок. Танкист из 2-й танковой дивизии Д. И. Осадчий вспоминал тот бой: “Когда боевые порядки смешались, пришлось вести огонь с коротких остановок. Противник отвечал тем же, горели БТ и Т-26. Неуязвимыми оказались КВ с их мощной броневой защитой, от снарядов на их броне оставались лишь вмятины. А ведь плотность танков была так велика, что практически любой выпущенный снаряд достигал цели»”[57]».[58]

Как бы скептически ни оценивали немцы возникшее на их пути в первые дни войны противодействие, тем не менее, потери они несли. За первые четыре дня боев одна только 6-я танковая дивизия, согласно Боевому дневнику, потеряла 73 человека убитыми 209 ранеными, к тому же 20 человек пропавшими без вести, что фактически можно приравнять к убитым. Итого почти целых три роты.

Конечно же, наши войска несли несравнимо большие потери. Однако нападая из расчета как минимум трое на одного можно было и вообще никого не терять. А теряя почти роту в день только из одного боевого соединения, в конце концов, можно лишиться и преимущества.

Ленинград. Смольный

Бычевский: «25 июня немецко-фашистские войска прорвались на подступы к Даугавпилсу. Возникла реальная угроза падения города и выхода передовых отрядов противника к Западной Двине. К этому времени определилось направление главных ударов вражеских армий в Прибалтике: они нацелились на Ригу и Псков. Напряженная обстановка требовала быстрых решений и действий.

В тот же день состоялось заседание Военного совета фронта. Кроме генерал-лейтенанта М. М. Попова и корпусного комиссара Н. Н. Клементьева на нем присутствовали секретарь горкома партии А. А. Кузнецов и секретарь обкома Т. Ф. Штыков.

---

[56] Раус, С. 77.

[57] ВИЖ. 1988. № 6. С. 54.

[58] Исаев, Иной 1941, С. 96.

Военный совет заслушал и утвердил доложенную генерал-лейтенантом К. П. Пядышевым принципиальную схему обороны на юго-западном фасе фронта. Было решено немедленно начать инженерные работы на намеченных рубежах силами населения ближайших районов и одновременно приступить к мобилизации на оборонительное строительство трудящихся Ленинграда.

Генерал-лейтенанту Пядышеву предстояло возглавить командование будущей Лужской группы войск. Он предложил сразу же перебросить на юг две-три дивизии с Карельского перешейка. Командующий в принципе против этого не возражал, но хотел посоветоваться с наркомом обороны. Хотя на границе с Финляндией пока царила тишина, активных действий там можно было ожидать с часу на час.

Саперных частей для работ на Лужском рубеже у нас было крайне мало, и Военный совет разрешил использовать курсантов Военно-инженерного училища. Начальника училища подполковника А. Д. Цирлина назначили начальником инженерных войск Лужской группы. Майору М. М. Зязину, работавшему в училище, поручили сформировать управление военно-полевого строительства.

Михаил Матвеевич – старый сапер. Мы знакомы давно и понимаем друг друга с полуслова.

– Сколько человек будет работать на строительстве? – спрашивает он.

– Сколько сумеете мобилизовать с помощью Лужского райкома партии. Указания туда даны. От нас приедут майор Иванов и подполковник Лисовский с саперами и понтонерами.

– Какие войска будут занимать оборону, с кем согласовывать места сооружений?

– Еще не известно. Пока начинайте рыть противотанковые рвы и готовить огневые позиции для артиллерии перед Лугой.

Зязин уехал, а мы с подполковником Пилипцом и майором Ивановым принялись обсуждать порядок минирования Лужского предполья…»[59]

26.6.1941 – четверг

Документы СЗФ

«ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ОТ 26 ИЮНЯ 1941 г. НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СССР ОБ ОБСТАНОВКЕ НА ФРОНТЕ К 20 ЧАСАМ 35 МИНУТАМ 26 ИЮНЯ 1941 г.

ОСОБО СЕКРЕТНО

Народному комиссару обороны СССР

26.6.41 20.35

Докладываю положение войск Северо-Западного фронта.

1. Противник продолжает окружение Либава.

2. 8-я армия – 12-й механизированный корпус и 5-я танковая дивизия в тылу противника без горючего. Командир 3-го механизированного корпуса донес открыто 25.6.41 г.: “Помогите, окружен”. Стрелковые соединения на фронте Плателяй, Кражай, Келме, Шиауленай, Шедува. В ночь на 27 июня начнет отход [на] р. Лиелупе и далее на северный берег Зап. Двина до Екабпилс. Соединения армии понесли потери и нуждаются в их немедленном пополнении, которое начало по мобилизации поступать, но не может быть одето, так как обмундирование двух стрелковых дивизий осталось в бывших пунктах дислокации. Соединения потеряли часть оружия, что уточняется.

[59] Бычевский, СС. 7-10.

11-я армия – штаб и Военный совет армии, по ряду данных, пленен или погиб.

Немцы захватили шифрдокумент. 5, 33, 188, 128-я стрелковые дивизии неизвестно в каком состоянии и где находятся. Много отставших и убежавших, задерживаемых [на] направлении Двинск. Много брошено оружия.

11-я армия не является организованным боеспособным соединением.

На вильнюсском направлении необходимо развертывание новой армейской группировки немедленно. За счет пополнения, видимо, погибших дивизий, прошу разрешить формирование новых четырех стрелковых дивизий.

Прошу усилить фронт десятью артиллерийскими полками [в] счет погибших. 11-я стрелковая дивизия свежая, но ее гаубичный артиллерийский полк разбит авиацией.

Военно-воздушные силы фронта понесли тяжелые потери [вследствие] малого количества аэродромов. Данное время эффективно поддерживать, прикрывать наземные войска и нападать на противника не способны.

Экипажей сохранено 75 %. Потери материальной части 80 %.

Прошу усилить фронт тремя смешанными авиационными дивизиями. Пополнить части военно-воздушных сил фронта материальной частью в первую очередь и летным составом.

Прошу об отпуске 200 тысяч комплектов обмундирования и снаряжения для обеспечения отмобилизованных и для новых четырех стрелковых дивизий оружия. 22-й, 24-й стрелковые корпуса отмобилизовываются на зимних квартирах. 29-й стрелковый корпус отошел восточнее Вильнюс. Положение уточняю.

Двинское направление. Двинск заняли танки противника. Потребовал восстановить положение. Ввиду бомбежки противником узлов связи и разрушения их враждебными нам элементами связь плохая. \68\

Прошу 26.6.41 г. передать в мое распоряжение три бомбардировочные и две истребительные дивизии на усиление военно-воздушных сил.

Прошу включить в состав фронта новых шесть стрелковых дивизий вместо бывших территориальных, передислоцируемых для переучивания.

[Командующий войсками Северо-Западного фронта генерал-полковник] Ф. Кузнецов

[Член Военного совета фронта корпусный комиссар] Диброва.

[Начальник штаба фронта генерал-лейтенант] П. Кленов»[60]

«БОЕВОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ СЕВЕРОЗАПАДНОГО ФРОНТА ОТ 26 ИЮНЯ 1941 г. КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 8-й АРМИИ, КОМАНДИРАМ 12-го и 3-го МЕХАНИЗИРОВАННЫХ КОРПУСОВ НА ОРГАНИЗАЦИЮ ВЫХОДА 2-й ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

СОВ. СЕКРЕТНО

Командующему 3-й армией, командирам 12-го и 3-го механизированных корпусов

25.6.41 22.00

2-я танковая дивизия находится в окружении без горючего и может погибнуть.

[60] ЦАМО, Ф. 221, оп. 2467сс, д. 39, л. 269.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Подготовить один крепкий танковый батальон из ваших дивизий и вместе с ним взять горючее и снаряды; тщательно подготовить этот батальон; ударом на Россиены по тылу противника, к которому подобраться внезапно, обеспечить дивизию горючим и помочь выбраться из окружения.

Куркину после заправки организовать выход из окружения в направлении Шавли, связавшись с дивизией Черняховского.

Батальону начать действия утром 27.6.41 г.

[Командующий войсками Северо-Западного фронта генерал-полковник] Ф. Кузнецов

[Член Военного совета фронта корпусный комиссар] Диброва.

[Начальник штаба фронта генерал-лейтенант] П. Кленов»[61]

«БОЕВОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ СЕВЕРОЗАПАДНОГО ФРОНТА ОТ 26 ИЮНЯ 1941 г. КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 8-й АРМИИ НА ОТХОД И ОРГАНИЗАЦИЮ ОБОРОНЫ НА РУБЕЖЕ р. ЛИЕЛУПЕ, ВИЕСИТЕ, ЕКАБПИЛС

Рига, генералу Сафронову

Немцы в 9 часов 40 минут заняли Двинск и распространяются на северо-восток и северо-запад. Данных о положении 11-й армии нет.

Приказываю передать Собенникову, использовав все для этого средства, следующее: 1) отойти и организовать оборону по р. Лиелупе, Виесите, Екабпилс. Крепко прикрывать рижское направление, особенно прочно обеспечить свой левый фланг Виесите, Екабпилс;

2) всеми мерами обеспечьте выход 12-го механизированного корпуса из окружения и направьте его в район Иецава. По выходе 2-й танковой дивизии, отвести ее за свой левый фланг – Екабпилс;

3) штаб армии иметь в Рембате;

4) генералу Сафронову доложить мое решение Народному комиссару обороны и просить утвердить.

[Командующий войсками
Северо-Западного фронта
генерал-полковник] Ф. Кузнецов
[Член Военного совета фронта
корпусный комиссар] Диброва.
[Начальник штаба фронта
генерал-лейтенант] П. Кленов»[62]

Дневник барона фон Грисенбека, ординарца Командующего ГА «Север» фон Лееба

«Группа армий “Север” добилась сегодня большого успеха: 200 танков русских уничтожены перед фронтом 18-й армии. В этом заслуга 1-й и 6-й танковых дивизий из состава 41-го механизированного корпуса. Из этих 200 танков 29 были сверхтяжелыми».[63]

[61] ЦАМО, Ф. 221, оп. 2467сс, д. 39, лл. 346–348.

[62] ЦАМО, Ф. 221, оп. 2467сс, д. 39, л. 339.

[63] Лебедев Ю., С. 30.

27.6.1941 – пятница

В немецких штабах

Гальдер: «…Группа армий “Юг”. Войскам фон Клейста удалось не только отразить все атаки противника на южном фланге танковой группы, но и продвинуться дальше на юго-восток своим правым флангом…

Брошенные против нашего южного фланга силы русских, очевидно, представляют собой наспех сколоченные формирования…

После этого нашими войсками будет смято все, что русское командование на Украине (которое, надо отдать ему должное, действует правильно) может противопоставить группе армий “Юг”…

На фронте группы армий “Центр” все развивается, как и ожидалось…

Группа армий “Север” сильными подвижными группами продолжает движение в сторону Двинска, в то время как танковый корпус Рейнгардта продвигается на Екабпилс. Левое крыло пехотного корпуса наступает на Ригу. Таким образом, все идет по плану…»[64]

Барон фон Грисенбек: «Настроение у Лееба просто великолепное. Он полагает, что противник, противостоящий нам, уже разбит. Успех, которого никто спустя неделю даже не мог ожидать. Лееб еще держит под Дюнабургом две свои танковые дивизии (1-ю и 6-ю), но как только к Дюнабургу подойдет пехота, то 56-й моторизованный корпус тотчас же рванется вперед. Через четыре-пять недель русская армия будет разбита. Сложности, возникающие в полосе ответственности групп армий “Центр” и “Юг”, будут быстро устранены благодаря нашим успехам. Лееб говорит, что наши следующие штаб-квартиры – это Ковель (с 1.7), затем Дюнабург, потом Псков, затем Петербург! Многие среди нас полагают, что мы продвинемся вплоть до Урала».[65]

Гальдер: «На всех участках фронта характерно небольшое число пленных наряду с очень большим количеством трофейного имущества (в том числе горючего)…»[66]

Ленинград. Смольный.

Попов: «27 июня на заседании Военного совета фронта после всестороннего обсуждения предложений, внесенных секретарями горкома и обкома партии, было принято постановление о прекращении строительства Ленинградского метро, электростанций и других объектов с передачей всей высвобождающейся рабочей силы, техперсонала, механизмов и автотранспорта на оборонительные работы.

…Это широкое привлечение общественности оказало не поддающуюся оценке помощь войскам фронта.

В тот же день было принято и другое важное решение – об организации на добровольных началах дивизий народного ополчения (ДНО)…»[67]

[64] Гальдер, Русская кампания. СС. 25–26.

[65] Лебедев Ю., С. 35.

[66] Лебедев Ю., С. 36.

[67] Ополченцы, С. 45.

Антюфеев: «… речь шла о срочном возведении оборонительных сооружений на южных, юго-западных и западных подступах к Ленинграду, откуда могут угрожать войска группы армий “Север”. Так как войска Северо-западного фронта вели тяжелые оборонительные бои в Прибалтике, несли большие потери, а войска Северного фронта занимали оборону вдоль наших границ в Заполярье, Карелии, на Карельском перешейке, то встал вопрос о том, какие соединения и части могут защищать Ленинград на тех линиях, где будут возведены новые укрепленные районы. Еще до совещания у нас, работников горкома партии, родилась идея о создании добровольческой армии. О ней и шла сейчас речь…

В Ставку был послан запрос о разрешении сформировать армию добровольцев…»[68]

Как видим, наши власти не могли предпринять ни одного серьезного шага без согласования с Москвой и с центральным партийным руководством. Этот чрезвычайный паралич местной воли продолжается в России и по сей день. Москва хочет руководить всем, никому не оставляя возможности на самостоятельные решения. Хорошо это или плохо? История показывает…

28.6.1941 – суббота

Документы СЗФ

«ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ОТ 28 ИЮНЯ 1941 г. НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СССР О ПОЛОЖЕНИИ ВОЙСК ФРОНТА

К 28 ИЮНЯ 1941 г.

Серия “Г”

Народному комиссару обороны СССР

Положение фронта.

8-я армия, понесшая 40 % и более потерь, отходит на северный берег Зап. Двина. 2-я танковая дивизия, видимо, погибла. 11-я армия как соединение не существует. Положения 5, 33, 188, 128, 23 и 126-й стрелковых дивизий, 5-й танковой дивизии и 84-й моторизованной дивизии не знаю. Военно-воздушные силы фронта ввиду понесенных потерь неспособны противостоять противнику, но ежедневно ведут борьбу.

Управление 27-й армии выдвинуто на место управления 11-й армии.

Поступивший в состав фронта 21-й механизированный корпус – организационно не законченное и совершенно не имеющее материальной части соединение.

41-й стрелковый корпус – состояния не знаю.

Связи для твердого управления не имею. Военный совет фронта отдает себе полный отчет в значении рубежа Зап. Двина.

Для чего прошу утвердить:

1) оставление для реорганизации в течение 2 дней 181-й и 183-й стрелковых дивизий в составе фронта;

2) срочно дать пополнение для укомплектования войск фронта;

3) пополнить мобилизационные запасы обмундирования, снаряжения и оружия на двести тысяч человек;

4) помочь восстановить 12-й механизированный корпус, 9-ю и 10-ю артиллерийские бригады противотанковой обороны;

[68] Ополченцы, СС. 14–15.

5) обеспечить фронт формированиями военного времени;

6) обязать тов. Ершакова помочь частью сил фронту;

7) ввиду недостатка сил и средств в районе Двинск контрудар начну 1–2 июля.

[Командующий войсками
Северо-Западного фронта
генерал-полковник] Ф. Кузнецов
[Член Военного совета фронта
корпусный комиссар] Диброва.
[Начальник штаба фронта
генерал-лейтенант] П. Кленов»[69]

Дневник начальника генштаба ОКХ вермахта

Гальдер: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего солдата. Лишь изредка сдаются в плен, в первую очередь там, где в войсках большой процент монгольских народностей. Часть русских сражается, пока их не убьют, другие бегут, сбрасывают с себя форменное обмундирование и пытаются выйти из окружения под видом крестьян. Моральное состояние наших войск всюду оценивается как очень хорошее, даже там, где им пришлось вести тяжелые бои…»[70]

Любопытное свидетельство о преобладании среди пленных монгольских народностей. Вике в своем письме от 27 июня (накануне!) также обращает на это внимание. Гальдер не случайно обратил столь пристальное внимание на этот факт. Он, вероятно, наглядно подтверждал их представление о «колоссе на глиняных ногах».

[69] ЦАМО, Ф. 344, оп. 2759сс, д. 4, л. 44.

[70] Лебедев Ю., С. 38.

Вторая неделя войны

29.6.1941 – воскресенье

Дневник ОКВ:

«Наряду с усилением войск группы армий “Север”, которое непременно следует провести, на севере предстоит решить:

а) либо немедленное продолжение наступления на Москву;

б) либо нанесение удара на Ленинград.

Фюрер пока склоняется к тому, чтобы повернуть фронт на Ленинград, чтобы тем самым как можно скорее очистить от русских Балтийское море (обеспечение подвоза), оказать поддержку финским войскам и высвободить левое крыло для обеспечения удара на Москву…

Генерал Йодль обращает внимание на то, что движение танковых соединений через

Петербург может превысить их моторесурс…»[71]

Одна из главных заповедей видного немецкого военного теоретика Карла фон Клаузевица гласит, что главный удар по противнику всегда должен быть один, наряду с которым должны наноситься лишь вспомогательные удары. Согласно плану «Барбаросса» первоначально следовало взять Ленинград, а затем развернуть силы, освободившиеся после взятия Ленинграда на Москву. Однако, как видим, в Верховном главнокомандовании вермахта уже после первой недели войны начинают возникать разногласия. Гитлер склонялся к тому, чтобы следовать первоначально разработанному замыслу. А генералитет вермахта, по всей видимости, увлекшись быстрым продвижением на московском направлении, уже начал искать причины для перенесения главного удара на Москву.

Как бы там ни было, на этот момент немецкое наступление пока еще развивалось в основном согласно плану, и к началу июля немцы уже вышли к советской границе 1940 года. В первые дни войны немецкие войска стремительно поглощали расстояние. В среднем они продвигались почти на 50 км в сутки.

Ленинград

В этот день в Ленинград из Ставки верховного командования пришло сообщение о разрешении формирования армии добровольцев.

В этот же день во всех пятнадцати районах города началась запись добровольцев.

Даниил Гранин[72]: «В ополчение шли известный артист Николай Черкасов и учитель Леонид Попов, профессор Огородников и заместитель парторга судостроительного завода Александр Ермолаев. Не было ни заслуженных, ни великих, никто не думал о том, как лучше использовать свои знания. Может быть это было бесхозяйственным, безрассудным, но все же это было выше любых соображений о пользе – стать солдатом! В этом был высший смысл тех дней, это считали самым нужным».[73]

---

[71] Лебедев Ю., С. 39.

[72] Писатель, бывший боец 1-й дивизии народного ополчения.

[73] Ополченцы, С. 7.

Антюфеев: «Таких примеров было очень много. Не только рабочие, но и инженеры, преподаватели, деятели науки и культуры не хотели мириться с отказом местных и районных комиссий. Известно, например, что выдающийся советский композитор Д. Д.

Шостакович принимал самые энергичные меры, чтобы записаться добровольцем в ополчение».[74]

30.6.1941 – понедельник

Дневник ОКВ:

«Фюрер намерен повернуть крупные силы танковой группировки, действующей на фронте группы армий “Центр”, на север, на Ленинград, чтобы быстро овладеть Ленинградским промышленным районом. Затем танковые соединения должны наступать из района Ленинграда в направлении Москвы…»[75]

Дневник начальника генштаба ОКХ вермахта

Гальдер: «Фюреру представляется особенно важным ускорить наступление пехотных соединений группы армий “Север” на Ленинград, но одновременно с этим следует продолжать наступление подвижными соединениями, не ожидая подтягивания пехоты. Он не уверен в том, что сил, имеющихся в моем распоряжении, будет достаточно для выполнения этой задачи (особенно это касается подвижных соединений)…»[76]

Гитлер не склонен был разделять оптимизм своего начальника штаба Гальдера по поводу постоянного поддержания быстрого темпа продвижения вперед пехотных соединений. Моторизованные ударные кулаки, на его взгляд, начинают все больше и больше отрываться от основной массы войск. Это становится опасным. Гальдер, как видим, не разделяет его опасений. Кроме того, он не видит пока причин отказываться от столь же динамичного наступления на Москву.

Москва

Образован Государственный комитет обороны (ГКО) под председательством И. В. Сталина.

Началась эвакуация из Москвы населения, предприятий и учреждений.

1.7.1941 – вторник

Дневник командующего ГА «Север»

Риттер фон Лееб: «4-я танковая группа намерена продвигаться по двум дорогам: севернее озера и северо-восточнее Дюнабурга (Даугавпилса). Дано согласие на это, так как танковая группа тем самым сможет направить по каждой из дорог по одной дивизии и, таким образом, не возникнет опасений, что обе армии задержат ее продвижение…»[77]

Риттер фон Лееб тоже не считает, что танковые авангарды должны сдерживаться продвижением вперед пехотных армий. Ему не терпится скорее взять Ленинград и выполнить свою основную задачу в этой военной кампании.

---

[74] Ополченцы, С. 17.

[75] Лебедев Ю., С. 41.

[76] Лебедев Ю., С. 41.

[77] Лебедев Ю., С. 42.

Совинформбюро

«На МУРМАНСКОМ направлении наши войска ожесточенными боями задерживают продвижение превосходящих сил противника.

На КЕКСГОЛЬМСКОМ направлении противник в нескольких местах перешел в наступление и пытался углубиться в нашу территорию. Решительными контрударами наших войск атаки противника были отбиты с большими для него потерями.

На ДВИНСКОМ направлении наши части ведут упорные бои с танками и пехотой противника, противодействуя его попыткам прорваться к переправам на р. Западная Двина.

На МИНСКОМ направлении продолжаются бои с подвижными частями противника. Наши войска, широко применяя заграждения и контрудары, задерживают продвижение танковых частей противника и наносят ему значительное поражение.

На ЛУЦКОМ направлении наши войска остановили наступление крупных соединений противника. В многодневных боях на этом направлении противник понес большие потери в людском составе и материальной части.

Осуществляя планомерный отход, согласно приказу наши войска оставили Львов».[78]

2.7.1941 – среда

Дневник начальника генштаба ОКХ вермахта

Гальдер: «4-я танковая группа должна, выставив заслоны южнее и севернее Чудского озера, оцепить Ленинград…»[79]

Здесь исследователь Юрий Лебедев замечает: «2.7.1941 г. впервые в дневнике Гальдера прозвучало слово, определяющее судьбу Ленинграда как блокадного города. О захвате он речи не ведет, а определяет применительно к Ленинграду слово umstellen – “оцепить”, “окружить”…»[80]

4-я танковая группа Гепнера нанесла удар в стык между 8-й и 27-й армиями Северо-Западного фронта. 27-я армия стала отходить на северо-восток в направлении на Опочку, открыв дорогу на Остров и Псков. К исходу дня немецкие части вышли в район 20–25 километров южнее Резекне.

Исаев: «Главную работу по прорыву к Пскову и Острову выполнили соединения XXXXI танкового корпуса Рейнгардта. Обе его дивизии наступали с плацдармов на Западной Двине, сбивая сопротивление попадавшихся на пути советских частей, иногда довольно упорное. В ЖБД 6-й танковой дивизии отмечается: “Продвижение останавливается перед Велозеном. Упорный противник с противотанковыми средствами и используемыми в качестве огневых точек 52-тонными танками оказывает яростное сопротивление. 3-я рота 4-го сп находит на

[78] Сводки, сообщения Совинформбюро и Приказы Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР. 1941–1945 гг.

[79] Лебедев Ю., С. 45.

[80] Лебедев Ю., С. 45.

поле боя после атаки более 60 убитых врагов, но не может взять ни одного пленного”.[81] Скорее всего, это были последние танки 2-й танковой дивизии Солянкина – больше в этом районе танкам КВ было взяться неоткуда. Сейчас тяжело даже представить себе, через что прошли экипажи этих танков. Марш от Ионавы, бои под Расейняем, отступление неведомыми путями к Западной Двине, переправа через нее и бои уже на ее северном берегу. При этом только мастерство механиков-водителей позволило КВ не остаться “скульптурой” на обочине где-то по дороге».[82]

Ленинград. Смольный.
Первое заседание военного совета ЛАНО[83]

Антюфеев: «Решался вопрос о принципах формирования дивизий. После обмена мнениями решили: формировать их по районам, каждую численностью десять тысяч человек; срок готовности – несколько дней; присвоить им порядковые номера…»[84]

3.7.1941 – четверг

В немецких штабах

Гальдер: «…уже сейчас можно сказать, что задача по разгрому главных сил армии русских по эту сторону Западной Двины и Днепра в целом выполнена. Я не подвергаю сомнению заявление захваченного в плен русского командира корпуса о том, что восточнее Западной Двины и Днепра нам будут противостоять не более чем разрозненные силы противника, которых явно недостаточно, чтобы помешать выполнению оперативных планов германской армии. Таким образом, не будет преувеличением заявить о том, что Русская кампания была выиграна в течение двух недель…»[85]

Начальник генерального штаба Франц Гальдер фактически констатирует здесь, что первая часть общего замысла плана «Барбаросса» – за двадцать дней достигнуть рубежа: Днепр (до района южнее Киева), Мозырь, Рогачев, Орша, Витебск, Великие Луки, южнее Пскова, южнее Пярну – выполнена. После этого предполагалась оперативная пауза продолжительностью двадцать дней, во время которой следовало, согласно второй части общего замысла – захвата Ленинграда и Кронштадта, – сосредоточить и перегруппировать соединения. Для этой цели центральная группировка войск должна была частично присоединиться к группе армий «Север», дабы в дальнейшем, быстро покончив с Ленинградом, накрыть обратной волной Москву с тыла.

Однако логика развития боевых действий затмила сознание высшего руководства вермахта. Гальдер же, по всей видимости, уцепившись за имеющуюся в общем замысле плана «Барбаросса» лазейку, звучавшую следующим образом: «только неожиданно быстрое крушение сопротивления русских может послужить оправданием попытки достигнуть двух главных целей одновременно» – в безудержном азарте решил превзойти самого Наполеона – пустился сразу в трех направлениях. Ему на руку сыграло то, что каждый командующий группы армий

---

[81] Исаев цитирует фрагмент записи в КТБ 6-й тд от 2 июля 1941 г. (NARA T 315 R 323 f 52). Только речь в этом фрагменте идет не о Велозене, а о небольшом латышском городке Виляны. В самом начале цитируемого документа так и сказано: «В 4.10 57 полк выступил по левой дороге на Велонен. Около мостана Малте в 5.00 вражеское сопротивление, мост взорван…»

[82] Исаев А. Иной 1941. М.: «Яуза», «Эксмо», 2011. СС. 191–192.

[83] ЛАНО – Ленинградская армия народного ополчения.

[84] Ополченцы, С. 18.

[85] Гальдер, Русская кампания. СС. 49–50.

в не меньшем азарте тянул одеяло на себя. Даже Гитлер не смог преодолеть жадного упрямства своего начальника штаба. Что уже говорить о его старом друге Риттере фон Леебе.

Гальдер: «Таким образом, не будет преувеличением заявить о том, что Русская кампания была выиграна в течение двух недель. Конечно, не следует считать, что она уже закончена. Огромные географические просторы и упорное сопротивление противника всеми средствами потребуют еще много недель наших усилий…».[86]

Командующий группы армий «Север» смотрит на дело гораздо более сдержанно и реалистично.

Риттер фон Лееб: «Из-за сильных дождей дороги разбиты. Основные силы дивизий 16-й и 18-й армий можно будет направить через реку Дюна (Даугава) лишь 5 июля.

4-й танковой группе приказано освободить трассу Якобштадт (Екабпилс) – Модон (Мадонна) для прохода 18-й армии.

В 11.00 к нам прибыл полковник Шмундт, главный адъютант фюрера. Фюрер в высшей степени доволен тем, как развиваются боевые действия. Он придает большое значение скорейшей нейтрализации русского флота, с тем чтобы немецкие транспорты снабжения вновь могли курсировать по Ботническому заливу. Исходя из этого, так важен быстрый захват Петербурга и Ревеля (Таллин)…»[87]

Однако Гальдер явно преследует какие-то другие цели.

Гальдер: «Вчера вечером в штаб группы армий “Север” были посланы по телеграфу приказы, согласно которым танковая группа Гепнера должна овладеть районом между Великими Луками, озером Ильмень и Псковским озером и обеспечить себя заслоном с востока. И только по получении нового приказа ОКХ она должна продолжать наступление за линию озера Ильмень, Псковское озеро на север с двоякой целью: закрыть проход между Финским заливом и Чудским озером и блокировать (abzuschliessen) Ленинград в районе между Финским заливом и Ладожским озером…»[88]

Москва. Кремль

Иосиф Сталин обратился к народу: «Братья и сестры…»

Ленинград. Смольный

Антюфеев: «3 июля А. И. Субботина и меня вызвал командующий Северным фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов. В его кабинете был в это время А. А. Жданов.

– Обстановка на фронте резко ухудшилась, – сказал командующий фронтом, – наши войска ведут тяжелые оборонительные бои на подступах к Пскову и Острову. Необходимо ускорить отправку ополченских дивизий на фронт.

– Как это сделать оперативнее и лучше? – спросил у нас А. А. Жданов.

Мы ответили, что надо отказаться от формирований по строго территориальному принципу, а брать сформированные полки из разных районов и сводить их в дивизии…

---

[86] Гальдер, Русская кампания. СС. 49–50.

[87] Лебедев Ю., С. 46.

[88] Лебедев Ю., СС. 47–48.

Во 2-й Московской дивизии народного ополчения уже были сформированы первый полк из добровольцев электросиловцев, второй – преимущественно из скороходовцев. Военный совет ЛАНО влил в это соединение третий полк из добровольцев Ленинского района…»[89]

4.7.1941 – пятница

4-я танковая группа заняла Резекне, достигла южной окраины Острова, с ходу форсировала реку Великая и захватила Остров.

4 июля в командование Северо-Западным фронтом вступил генерал-майор П. П. Собенников.

Раус: «Непосредственно позади русской границы находилась “Линия Сталина”, о прочности укреплений которой мы не знали ничего. Этот оборонительный пояс глубиной до 3 километров состоял из бетонных дотов. Мы предполагали, что их качество может быть различным, так как 1-я танковая дивизия утром 4 июля уже вышла к дороге возле железнодорожной станции Бранчаниково[90], таким образом вклинившись в эту оборонительную позицию… После тщательной разведки мы нашли большое количество дотов по обе стороны дороги. Эти доты были заняты советскими солдатами, в частности – на высотах к юго-востоку от противоположного берега реки Лиа[91]. Генерал Ландграф решил тщательно подготовить прорыв и нанести удар 5 июля, а не пытаться наступать сегодня прямо с марша. Главной причиной такого решения была необходимость сосредоточить войска, так как за время стремительных переходов в последние 2 дня и боев в районе Балтинавы дивизия сильно растянулась. Кроме того, уже начало темнеть, и мы опасались, что русские будут упорно сопротивляться…»[92]

5.7.1941 – суббота

В районе Остров советские войска контратаковали противника и выбили немецкие войска из города.

Раус: «Готовить этот удар было ничуть не проще, чем нанести его. Наступать предстояло по узкой полоске между реками Лиа и Удража. Русские сопротивлялись очень упорно и защищали каждую позицию до конца. Первое наступление захлебнулось на линии дотов, после чего каждый из них пришлось штурмовать отдельно. Завязался ближний бой, в котором мы использовали тактику штурмовых частей при поддержке саперов и противотанковой артиллерии. Прорвать оборону удалось только к вечеру 6 июля, после того, как в ходе непрерывного 15-часового боя были захвачены около 20 дотов. Это были самые ожесточенные бои с начала русской кампании, и еще ни разу за целый день дивизия не продвигалась на столь малое расстояние. Именно здесь 6-я танковая дивизия приобрела первый опыт борьбы с русскими укреплениями, который в самом ближайшем будущем принес много пользы…»[93]

Шостакович: «Я вступил добровольцем в ряды народного ополчения. До этих дней я знал лишь мирный труд. Ныне я готов взять в руки оружие. Я знаю, что фашизм и конец культуры,

---

[89] Ополченцы, СС. 18–19.

[90] Ж.д. станция Брянчаниново находится на ветке Пыталово – Остров (примерно посередине).

[91] Река Лжа, левый приток реки Утроя.

[92] Раус, С. 87.

[93] Раус, С. 88. Оборону против 6-й тд держала только что прибывшая из Костромы свежесформированная 118-я стрелковая дивизия. За оставление позиций «без приказа» командир дивизии Николай Михайлович Гловацкий был расстрелян 3 августа 1941 г. Реабилитирован 8 декабря 1958 г.

конец цивилизации – однозначны. Исторически победа фашизма нелепа и невозможна, но я знаю, что спасти человечество от гибели можно только сражаясь».[94]

[94] Из интервью газете «Ленинградская правда», 1941 г. 5 июля, № 158.

Третья неделя войны

6.7.1941 – воскресенье

4-я танковая группа вновь захватила Остров. Немецкая 16-я армия прикрывает правый фланг 4-й танковой группы, а 18-я армия заходит левым крылом на север с целью занятия Эстонии.

Дневник начальника генштаба ОКХ вермахта

Гальдер: «Тактика наступления русских. Трехминутная артиллерийская подготовка, затем пауза, после чего атака пехоты в боевом порядке до 12 волн, поддержка тяжелым вооружением отсутствует. Солдаты начинают кричать ура, находясь на большом удалении от наших войск. Невероятно высокие потери среди личного состава русских…»[95]

7.7.1941 – понедельник

В немецких штабах

Риттер фон Лееб: «С 9 часов утра до обеда у нас находился главнокомандующий сухопутными войсками (ОКХ). Группа армий “Север” должна овладеть Петербургом, по возможности высвободив при этом части для ведения боевых действий в районе озера Ильмень…»[96]

Гальдер перетягивает всех. Он не только убедил Гитлера в необходимости отказаться от передачи 3-й танковой дивизии фон Леебу, но еще и начинает оттягивать от фон Лееба части к востоку, предполагая, вероятно, все более и более усиливать давление на Москву.

Риттер фон Лееб: «Выдвижение 4-й танковой группы из района южнее озера Ильмень и Псковского озера запланировано на 10 июля».[97]

В этот день 4-я танковая группа прорвалась через боевые порядки 41-го стрелкового корпуса И. С. Кособуцкого и наступает на Псков.

14-я армия Северного фронта остановила продвижение противника на мурманском направлении.

Началась Киевская стратегическая оборонительная операция войск Юго-Западного фронта М. П. Кирпоноса против главных сил группы армий «Юг».

По итогам дня 7 июля командование 41-го моторизованного корпуса немцев сделало следующую оценку действий советских войск: «Оценка противника – упорно сражающиеся при поддержке артиллерии и танков арьергарды пытаются держать дефиле между Псковом и озером Пейпус открытым для отходящих с запада частей».[98] Такая стратегия была для советского командования вполне логичной: нужно было отвести 111-ю и 118-ю стрелковые диви-

[95] Гальдер, Русская кампания. С. 57.

[96] Лебедев Ю., С. 53.

[97] Лебедев Ю., С. 53.

[98] NARA T 314, R 979, f 356.

зии, чтобы они не попали в окружение. Однако этот планомерный, хотя и несколько хаотично исполненный отход, был расценен следствием как паникерство и бегство.

Ввиду упорного сопротивления советских войск, оседлавших шоссе Остров – Псков, командование направило боевую группу Вестховена из 1-й танковой дивизии на захват переправы через р. Череху у Будника, к востоку от Лопатино. Считалось, что Лопатино и мост на шоссе будут упорно обороняться, и их захват будет стоить больших жертв. Однако и на подступах к Буднику немцам пришлось преодолевать сопротивление советских частей в полевых укреплениях. В девятом часу утра переправа у Будника была захвачена, образован плацдарм. Тем временем шоссейный мост у Лопатино был взорван.

Все эти маневры потребовали затрат времени, и в итоге на Псков вышли не 1-я и 6-я танковые дивизии от Острова, а 36-я моторизованная дивизия по другому берегу реки Великой. Она фактически оттесняла главные силы советского 41-го стрелкового корпуса на Псков и по мере их отхода смогла выйти к городу. Во второй половине дня 8 июля 36-я моторизованная дивизия захватила западную часть Пскова. Однако, несмотря на использование группы диверсантов полка «Бранденбург-800», взрыв мостов через р. Великую немцам предотвратить не удалось. После переправы на восточный берег р. Великой на надувных лодках был образован лишь плацдарм.

Из донесения 4-й танковой группы: «Потери танковой группы на 7.7.1941 включительно составили: убитых офицеров – 108, раненых офицеров – 208, убитых унтер-офицеров и рядовых – 1413, раненых унтер-офицеров и рядовых – 4115, пропавших без вести – 209, в том числе 4 офицера…»[99]

Итого танковая группа теряла примерно по 400 человек в день, как видим, темп потерь в немецких войсках в первые две недели войны не снижался.

8.7.1941 – вторник

В немецких штабах

Риттер фон Лееб: «4-я танковая группа вчера продолжила свое успешное продвижение. Противник, судя по всему, отходит все дальше на восток и в направлении Ленинграда.

С целью дальнейшего продвижения отдано следующее распоряжение: 4-я танковая группа выходит в район между озером Ильмень и Псковским озером с задачей развернуться на Ленинград. Ленинград должен быть блокирован между Ладожским озером и Кронштадтской бухтой…»[100]

4-я танковая группа вышла к реке Великая и заняла западную часть Пскова. Войска Северо-Западного фронта перешли к обороне на рубеже Псковского укрепрайона – река Великая – река Череха.

В своем дневнике Гальдер оставил запись о совещании в Ставке Гитлера 8 июля 1941 г., на котором «Фюрер принял твердое решение уничтожить Москву и Ленинград и сделать места, где они расположены, необитаемыми. Это избавит нас от необходимости кормить население этих городов в течение зимы. Москва и Ленинград будут разрушены силами авиации. Танки не должны применяться для выполнения этой задачи». И далее Гальдер приводит собствен-

[99] Лебедев Ю., С. 68.

[100] Лебедев Ю., С. 55.

ные слова фюрера немецкой нации: «Такая национальная катастрофа лишит своих центров не только большевизм, но и московитский (русский) национализм».[101]

На том же совещании 8 июля, на котором Гитлер пообещал сровнять Ленинград с землей, он сформулировал свое видение дальнейшего наступления группы армий «Север». Гальдер пометил в дневнике, что «в качестве новой идеи подчеркнута необходимость блокировать территорию, примыкающую к Ленинграду с востока и юго-востока, сильным правым крылом танковой группы Гепнера».[102] В этом начальник генштаба Сухопутных войск был согласен с фюрером, далее он написал: «Такая идея является правильной».[103]

Во всех этих свидетельствах следует отметить, что речь идет уже только о блокаде. Фон Лееб пишет о блокипрвании, Гитлер говорит о том, что танки не должны участвовать в уничтожении города, т. е. брать город не нужно. И Гальдер полностью согласен с этим.

«В ЖБД 1-й танковой дивизии по итогам дня 8 июля отмечается: “Противнику несомненно удалось, хотя и с большими потерями, прикрыть отход основной массы своих войск”».[104]

Это так же немаловажное свидетельство, отмечающее скрытые мотивы перемены первоначальных планов немецкого верховного командования. Тактика немецкого наступления заключалась в стремительном окружении наших войск фланговыми обходами и уничтожении живой силы Красной армии. На успешности выполнения этой задачи фундировалась успешность и всех последующих.

9.7.1941 – среда

В немецких штабах

Гальдер: «4-я танковая группа выходит на рубеж Порхов – Псков, однако она не выйдет за него и не начнет наступление на Ленинград, прежде чем LVI моторизованный корпус, совершив маневр на северо-восток, подтянется ближе к XXXXI армейскому корпусу».[105]

Риттер фон Лееб: «На основании телеграммы от ОКХ, предписывающей 4-й танковой группе продвигаться главными силами на юго-восточном и южном фланге в направлении Ленинграда, 4-я танковая группа получила распоряжение, переданное по телефону: правым крылом обогнуть район западнее озера Ильмень, направив туда свой основной удар. Ей же предоставляется возможность начать наступление 41-м моторизованным корпусом через Псков в направлении Луги. Кроме того, она должна в максимально короткие сроки освободить дорогу вдоль восточного берега Псковского озера для прохода 18-й армии…»[106]

Боевой дневник ГА «Север»

«01.30 Нач. ген. штаба нач. 4-й Т. Группы, 16-й и 18-й ОАК:

---

[101] Гальдер, Русская кампания 1941–1942. М.: Центрполиграф, 2007. С. 63.

[102] Лебедев Ю., С. 58.

[103] Гальдер, Русская кампания 1941–1942. М.: Центрполиграф, 2007. С. 64.

[104] Исаев, «Иной 1941», с. 228.

[105] Гальдер, с. 68.

[106] Лебедев Ю., СС. 59–60.

09.25 4-я ТГр стоит между оз. Ильмень и Псковом и готова к броску на Ленинград. Выступает 10.7. Она замыкает Ленинград между Ладожским оз. и Кронштадтской бухтой так плотно, как только ее силы позволят. Заняв Нарвское дефиле между Нарвской бухтой и оз. Пейпус предотвращает отход врага из Эстонии…

10.40 Нач. ген. штаба майору Шадтке: …

3. Главком спрашивает, насколько серьезны опасения насчет левого фланга ТГр XXXXI АК и позволяют ли они двинуться на Лугу, пока не подошел LVI АК.

ТГр отклоняет предложение нач. штаба перебросить пехотный полк 16-й АК на грузовиках ТГр на защиту левого фланга. Войска не должны подвергаться опасности, что могло бы привести к потери мобильности…

11.00…

3. ТГр наконец-то дала возможность XXXXI АК двинуться к Пог. Горе[107] Приказ ТГр двинуться на Лугу будет одобрен Главкомом тотчас же, как только подтянется LVI АК…

19.15 доклад в ОКХ: 4-я ТГр с XXXXI АК наконец-то выдвинута к линии Порхов – Пог. Гора, чтобы с этой линии двинуться на Ленинград тотчас, как только LVI АК подтянется на северо-восток и примкнет ближе к XXXXI АК…»[108]

41-й моторизованный корпус 4-й танковой группы обошел Псков с востока и начал развивать наступление на Лугу.

9 июля войска Северо-Западного фронта оставили Псков, чем завершилась Прибалтийская стратегическая оборонительная операция.

Далее 4-я танковая группа изготовилась к броску на Ленинград по Киевскому шоссе.

Исаев: «Использование крупного шоссе в качестве оси наступления было типичным решением для немецких “блицкригов”. Также традиционно для немецкой практики боевых действий 1-я танковая дивизия была разбита на боевые группы, наступавшие по параллельным маршрутам. Первая, так называемая боевая группа Вестховена, была “мотопехотной”. Она строилась вокруг мотопехотного полка, и ей была придана всего рота танков. Соответственно вторая группа была “танковой”. Она называлась боевой группой Крюгера и объединяла танковый и мотопехотный полки. Лидером каждой боевой группы была “бронегруппа” из танков и батальона на БТР. Только в одном случае это была рота (18 машин), а в другом – почти два батальона. Впереди группы Крюгера наступала ударная группа Кнопфа (37-й саперный батальон). Саперы расчищали дорогу танкам. Инженерное обеспечение действий танков стало одним из “ноу хау” Второй мировой… Крюгером был сформирован передовой отряд из 10 Pz.III, 2 Pz.IV, мотопехоты на 16 БТРах, двух самоходных 20-мм зенитных автоматов и батареи легких гаубиц».[109]

Таким же образом была разделена и 6-я танковая дивизия.

– Боевая группа подполковника Эриха Фридриха барона фон Зекендорфа состояла в начале июля из 2-х батальонов стрелкового полка и артбатареи 75-мм орудий;

– Танковый разведбатальон майора Линбрунна включал батальон истребителей танков и мотоциклетный батальон;

– Боевая группа полковника Эрхарда Рауса включала танковый полк (239 танков) майора Колля, два батальона мотопехоты, артбатарею 105-мм пушек (12 орудий), а к моменту марш-броска на Лугу ей была придана зенитная батарея из 4-х 88-мм зенитных орудий;

---

[107] Возможно, Бор-Гора.

[108] NARA T 311 R 53 f 065847-065848.

[109] Исаев А. Иной 1941. М.: «Яуза», «Эксмо», 2011. С. 41.

– Саперный танковый батальон лейтенанта Гебхарта;

– Батальон истребителей танков лейтенанта Венгенрота.[110]

Таким образом, немецкие танковые дивизии представляли собой весьма самостоятельные подвижные соединения, способные выполнять многообразные боевые задачи. Благодаря этому момент внезапности продолжал работать и далее.

Разделение боевых групп между несколькими маршрутами позволяло эффективнее использовать имеющиеся силы. Если одна боевая группа натыкалась на заслон, успешнее наступавшая боевая группа могла нанести удар во фланг и тыл противника, занявшего оборону перед фронтом ее соседа.

Время от времени германские генералы выбирали наступление по двум неравноценным маршрутам, с использованием ударной мощи сразу двух дивизий. Именно по такому сценарию была использована 6-я танковая дивизия в первые недели войны с СССР. В ее распоряжении не было крупных шоссе, дивизия двигалась по проселкам.

Группе армий «Север» предстояло пройти около 750 км. Это вполне реальное расстояние для двух-трех недель активных боевых действий хорошо накатанной мощной военной машины.

И поначалу немецкий блицкриг развивался согласно планам Верховного главнокомандования вермахта. Территория буферных государств была поглощена в считанные дни. В начале июля немецкие войска уже преодолели и старую границу России, а 9 июля – на девятнадцатый день войны – достигли Пскова. Теперь 520 км были позади, и осталось пройти всего 230. Однако дальше продвижение немецких войск начало на всех направления замедляться.

Официальная советская трактовка, представленная в изданной в 70-х гг. XX века Военным издательством Министерства обороны СССР «Истории Второй мировой войны», выглядит следующим образом:

«В середине июля 1941 г. обстановка на фронте для Советской Армии продолжала оставаться неблагоприятной. Боевые действия проходили в 120 км от Ленинграда, в районе Смоленска и на подступах к Киеву…

Большого напряжения достигла борьба на северных и северо-восточных подступах к Ленинграду…

Наступление на Ленинград в середине июля вела немецкая 4-я танковая группа. Ее левофланговый 41-й моторизованный корпус наносил удар по кратчайшему направлению – через Лугу, а другой, 56-й мотокорпус, – в обход с востока через Новгород. На подходе к Лужской линии они встретили упорное сопротивление советских войск. Боевые действия Лужской оперативной группы поддерживала авиация Северного и Северо-Западного фронтов.

Дивизии немецкого 41-го корпуса, не сумев отбросить передовые отряды Лужской оперативной группы, повернули на северо-запад, рассчитывая прорваться к Ленинграду через Кингисепп. Но и здесь попытки врага преодолеть Лужскую линию обороны закончились неудачей…

Таким образом, возросшее сопротивление Советской Армии во второй половине июля сорвало планы немецко-фашистского командования завершить захват Прибалтики и сходу овладеть Ленинградом…»[111]

Эта официальная оценка событий представлена и в предисловии к книге Ю. Кринова «Лужский рубеж», написанном доктором исторических наук Ю. Перечневым. Согласно ей, немцы стали искать обходные пути, наткнувшись на крепкую оборону, созданную защитниками Ленинграда в районе Луги. Но и на обходных путях у них ничего не получилось. В офи-

[110] ANNEX A: Task Organization to Operation BARBAROSSA.

[111] «История второй мировой войны 1939–1945». М.: Воениздат, 1975. Т. 4, СС. 60–66.

циальной истории осторожно не сказано о том, что немцев при обходном маневре задержали на рубеже реки Луги 2-я дивизия народного ополчения и курсанты, но и не дается точного определения, почему обходной маневр закончился неудачей.

В нашей историографии всеми возможными средствами создается ощущение, что именно и только героизм и самоотверженность защитников города остановили немцев в июле на дальних подступах к Ленинграду и не позволили им сходу захватить город.

Немецкая сторона с этим не согласна.

Высокая мобильность немецких соединений в июле месяце все еще продолжала приносить плоды. Немецкие механизированные соединения раз за разом форсированными маршами выходили в новые районы сосредоточения и наносили сокрушительные удары. Советская разведка не успевала отслеживать эти перемещения, а советское командование, соответственно, реагировало на них с запаздыванием. Но теперь это происходило уже не в первые дни войны, когда еще вовсю работала порожденная внезапностью нападения «растерянность» личного состава и командования Красной Армии, и носило немного иной характер – характер постоянно запаздывающей реакции. Мобильность немецких соединений воистину была чрезвычайно высока. Никто не ожидал тогда столь быстрого появления вражеских войск на псковщине.

Представление о тактике действий немецких соединений у наших командиров к этому моменту уже были вполне отчетливые, что можно видеть по докладной записке начальника артиллерии 11-й армии генерал-майора артиллерии Соловьева с описанием боевых действий с 22 июня по 9 июля 1941 года:

«4. В Результате боевых действий выявлено, что действия противника являлись разрозненными, т. е. небольшими колоннами (подвижными отрядами – мотоциклисты, броневики, мото-пехота и небольшая группа танков). Бой, как правило, завязывают мотоциклисты, в дальнейшем огонь ружейный заменяется губительным минометным огнем (55-мм минометы и меньших калибров). Живая сила – пехота – атаки не принимает и боится этих атак. Массированные действия танков и артиллерии – основа…

5. По части отхода наших частей еще с границы отрицательно сказался не вооруженный по сути дела отряд строителей, они начали в беспорядке отходить и за ними подверглись панике часть (мало устойчивая комначсостава и рядового состава кадра). В основном бойцы и командиры дрались с упорством…»[112]

Как видим, с упорством дрались бойцы и в Прибалтийской оборонительной операции. И к этому в последнее время выявляется все больше и больше подтверждений. Однако громадный перевес в живой силе и технике делал свое неизбежное дело, фактически сводя на нет самые героические усилия.

Что же случилось после вступления немецких войск на псковскую землю?

Только ли возросли сопротивление войск Красной Армии и мощь оборонительных сооружений? Вряд ли. Официальная трактовка слаба уже в том отношении, что в событиях такого размаха никогда не следует объяснять что-либо какой-то одной причиной, даже если ее определять как главную среди множества других. Ведь там, где сталкиваются интересы двух крупных противоборствующих соединений, такую главную причину, как минимум, каждая из сторон будет определять, исходя из своих интересов и представлений.

События, происходившие в июле 1941 года между Псковом и Ленинградом, служат отчетливым доказательством этого правила. Здесь даже на первый беглый взгляд выявляется сразу несколько факторов, объясняющих замедление дальнейшего продвижения немецких войск.

[112] 1941 год. Страна в огне…, С. 120.

Во-первых, продвигавшиеся вперед немецкие войска расходились «веером», все больше увеличивая ширину фронта, а тем самым и ослабляя силу ударных кулаков. При таком растягивания сил ослабление натиска происходит неизбежно, и мы увидим в дальнейшей, что это также может претендовать на роль главной причины.

Во-вторых, перестал работать в полную силу фактор внезапности, что тоже немаловажно во всех военных кампаниях, поскольку ведет ко все большей уверенности и осмысленности в действиях обороняющихся. Недаром Гальдер в своем дневнике все чаще начинает отмечать, что «продвижение вперед замедлилось» и, как правило, добавлять самоуспокоительное – «из-за плохих дорог», что уже является явным лукавством, поскольку именно мобильность и оперативность продвигавшихся вместе с передовыми танковыми группами инженерных войск была одним из величайших достижений в организации немцами этой военной кампании. Кстати, этот «колыбельный припев» Гальдера указывает на то, что во всяком событии есть не только действительные причины тех или иных действий, но еще и выступающие в роли причин их объяснения. Такие объяснения только сбивают с толку и ничему не учат, поэтому нам и следует разобраться в происходивших тогда событиях как можно более беспристрастно, чтобы не подменить действительных причин объяснениями.

Мало ли кто что чем объясняет – нам надо понять действительные причины.

В поисках же действительных причин не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что сражения все более и более начинали разворачиваться на собственно русских территориях. Ведь если мы посмотрим на карту современной России, то увидим, что от самой по себе России немцам тогда удалось занять не так уж и много территорий.

Теперь присмотримся к происходившему между Псковом и Ленинградом более пристально, чтобы отчетливее понять, а, может быть, даже и прочувствовать, что именно случилось, и почему именно случилось так, а не иначе.

И для начала отметим исходные позиции прежде всего интересующего нас в группе армий «Север» соединения – 6-й танковой дивизии.

Согласно Боевому дневнику, 6-я танковая дивизия немцев в этот день находилась перед Болдино.[113] Здесь имеется в виду не знаменитое село, а деревня километрах в 50-ти севернее.

Боевая группа Рауса при содействии 269-й пехотной дивизии к 8-ми утра захватила мост и обеспечивала продвижение основных сил дивизии.

К 11-ти утра дивизия уже прошла Болдино и находилась в 2-х километрах юго-восточнее. Затем к 11.30 боевая группа Колля вышла к дороге Псков – Порхов, до которой чуть более 5-ти километров. Здесь немцы натолкнулись на упорное сопротивление и плотный артиллерийский заслон. Развернулось сражение за важный в стратегическом значении перекресток дорог.

Боевая группа Зекендорфа, совершавшая обходной маневр, потеряла от огня нашей артиллерии два танка, и немцы приостановили наступление до подхода 90-й пехотной дивизии.

Погода в этот день была жаркой, до 32 градусов. Дивизия потеряла 15 человек убитыми и 13 было ранено.

Ленинград. Штаб Северного фронта

Маркиан Михайлович Попов, генерал-лейтенант, командующий войсками фронта

«За высокими окнами, скрытыми плотными светомаскировочными шторами, отступала короткая июльская ночь.

[113] NARA T 315 R 323 f 073.

Начальник штаба фронта генерал Д. Н. Никишев, член Военного совета корпусной комиссар Н. Н. Клементьев, командующий Лужской оперативной группой генерал К. П. Пядышев и я подытоживали дела за минувшие сутки.

Обсудили положение на севере, и вновь разговор пошел о событиях на псковском направлении. Под ударами сильных танковых группировок противника войска Северо-Западного фронта, измотанные в приграничных сражениях, с тяжелыми боями отходили на восток.

Несколько дней назад Ставка усилила нашего соседа свежим 41-м стрелковым корпусом. И нас интересовало, сумеет ли командующий Северо-Западным фронтом генерал Ф. И. Кузнецов восстановить положение под Псковом.

Еще и еще анализируем оперативную карту. Хочется точнее предусмотреть возможные варианты развития боевых действий. Где, какими силами противник будет наносить главный удар? От Финского залива по берегам рек Луга, Мшага и Шелонь до озера Ильмень на карте красная ниточка – Лужская оборонительная позиция. Почти 250 километров. Рубеж, на котором мы должны остановить врага.

А сил мало. Под Кингисеппом, на правом фланге, пока лишь 194-я стрелковая дивизия и Ленинградское пехотное училище имени С. М. Кирова. У курсантов на 18-километровом фронте только пять орудий. Сверхголодная норма. Спрашиваю у начальника штаба, решил ли генерал Свиридов вопрос об усилении кировцев артиллерией? Он отвечает, что начальник артиллерии фронта обещал выделить один дивизион из 1-го Ленинградского артиллерийского училища.

Под Лугой, на Псковском шоссе, заняла позиции 177-я стрелковая дивизия полковника Машошина, усиленная артиллерийской группой полковника Одинцова. Обоих командиров знаю. Толковые, энергичные люди, с богатым опытом.

Комдив 177-й не теряя времени выдвинул один стрелковый полк в предполье на рубеж реки Плюссы. Это довольно сильный заслон, прикрывающий главную полосу обороны Лужской позиции.

А что на левом фланге? Где 70-я стрелковая дивизия? Позавчера мы вернули ее с псковского направления. На вопрос отвечает генерал Пядышев:

– 70-я выходит в район Медведя и заполнит промежуток между 1-й дивизией народного ополчения и 1-й горнострелковой бригадой…

А сколько у нас останется еще не занятых войсками промежутков, открытых флангов?! И снова кроим-перекраиваем, ищем, откуда можно взять хотя бы батальон.

С сортавальского направления сняли 237-ю стрелковую дивизию и из 10-го мехкорпуса взяли две танковые дивизии –21-ю и 24-ю.

Итак, реально четыре стрелковые и две танковые дивизии. Есть надежда, что подойдут еще две дивизии народного ополчения.

Не ошиблись ли мы, полагая, что противник пойдет на Лугу? А если ударит на флангах? И все же я почему-то уверен: фон Лееб должен пойти на Лугу. Ведь это кратчайший путь до Ленинграда.

Генерал Пядышев отправляется к себе. Еще раз напомнил Константину Павловичу, что Лугу надо держать всеми силами. Она – ключ к Ленинграду!

Телефонный звонок из Москвы. Говорит Василевский: – Немцы взяли Псков! Слышите, немцы взяли Псков…

Василевский повесил трубку. Я взглянул на товарищей. Они, видимо, уловили, что речь шла о чем-то чрезвычайном.

– Псков пал. Немедленно звоните Пядышеву.

– Он, вероятно, еще не доехал, – заметил Никишев.

– Каупфельдту, Краснопевцеву, Крылову, Машошину. Всем быть в боевой готовности!

Да, сообщение не из приятных. Инженерные работы еще не закончены, хотя на строительстве оборонительных сооружений день и ночь трудятся десятки тысяч ленинградцев. Не накопили еще нужного количества вооружения и боеприпасов. Дивизии народного ополчения, новые артполки еще только развертываются. Словом, падение Пскова поставило нас в тяжелые условия.

Звоню Андрею Александровичу Жданову. С первого дня войны мы, командование фронта, работаем в полном контакте с Ленинградской партийной организацией.

Трудно переоценить ту помощь, которую получаем от областного и городского комитетов партии. Радует четкость, оперативность в решении любых задач. Примером служат товарищи А. А. Жданов и А. А. Кузнецов.

Жданов выслушал мой доклад. Несколько минут в трубке было слышно его астматическое дыхание.

– Что ж, товарищ Попов, будем драться! В Ленинграде им не бывать…»[114]

[114] Кринов, СС.15–18.

Начало ленинградской оборонительной операции

Лужский Оборонительный Рубеж

Создание Лужского оборонительного рубежа (ЛОР) фактически началось 23 июня 1941 года, ибо проводившиеся там до этого работы носили чисто подготовительный характер геодезического обследования местности.

Распоряжение о начале работ по созданию дополнительного рубежа обороны на псковском направлении в районе Луги было отдано командующим Ленинградского военного округа генерал-лейтенантом М. М. Поповым[115], по совету заместителя наркома обороны генерала армии К. А. Мерецкова. Работами руководил генерал-лейтенант К. П. Пядышев.

Уже на второй день войны, несмотря на то, что линия фронта находилась очень далеко от Ленинграда, начались рекогносцировки позиций, составивших вскоре Лужский оборонительный рубеж. Чрезвычайно интенсивная работа шла одновременно по многим направлениям: планирование, подготовка к строительству, формирование строительных подразделений и многое другое.

25 июня силами воинских частей были начаты строительные работы. Только на устройстве заграждений были заняты пять саперных, один инженерный, два понтонных и восемь строительных батальонов.

Помимо строительства оборонительного рубежа инженерные части и подразделения действовали в отрядах заграждения, которые были созданы командованием Северного фронта с целью выиграть время на подготовку обороны на Лужском рубеже и направлены главным образом на шоссе Луга – Псков.

Для невиданного по размахам строительства требовалось мобилизовать все возможные и невозможные ресурсы: были задействованы многие гражданские строительные организации, 27 июня к ним подключается не только местное население, но и жители Ленинграда. Например, известно, что из Ленинграда прибыло 60 тысяч человек.

Оборонительные сооружения Лужского рубежа строились руками в основном женщин и подростков (мужчины уходили в армию и ополчение). В общей сложности в строительстве оборонительных сооружений приняло участие свыше полумиллиона человек гражданского населения.

Для руководства оборонительными работами 28 июня 1941 года было сформировано Управление строительства № 1, которое возглавил старший преподаватель фортификации Военно-инженерного училища майор М. М. Зязин. Общее руководство и планирование работ осуществлялось Инженерным управлением Северного фронта, возглавляемым Б. В. Бычевским.

Лужский Оборонительный Рубеж состоял из двух полос обороны протяженностью около 250 км и глубиной 10–12 км. Перед передним краем и в глубине обороны устанавливались мины, отрывались противотанковые рвы, устраивались лесные завалы, производилось искусственное заболачивание местности. Основная линия Лужского оборонительного рубежа, в состав которого вошли и позиции Кингисеппского УРа, правым флангом упиралась в берег Финского залива и шла по берегам реки Луги до озера Ильмень полукольцом охватывая Ленинград с запада и юго-запада по реке Луге, и от ее верховий через болота и по рекам Мшага и Шелонь.

В большинстве своем фортификационные сооружения этого рубежа относились к полевым и временным типам. Одновременно было создано немало капитальных построек: бутобе-

[115] С 24.7.1941 г. – М. М. Попов стал командующим Северного фронта.

тонные, бутовые пулеметные и орудийные ДОТы, сборные железобетонные огневые точки и многое другое. Следует особо отметить большое число орудийных казематированных сооружений.

10 июля

10 июля 1941 года был четверг. Накануне, 9 июля, немцы захватили старый русский город Псков, а в этот день, девятнадцатый день войны, ускоренными темпами продвигавшийся вперед враг, не собираясь давать нам роздыху, рванул к Ленинграду!

Подступы к северным территориям России прикрывали Северный и Северо-Западный фронты. Северный фронт был создан 24 июня 1941 года и прикрывал территорию Кольского полуострова и Карелии, защищая Ленинград с севера. Фронтом командовал генерал-лейтенант М. М. Попов, начальником штаба был генерал-майор Д. Н. Никишев. Северо-Западный фронт, созданный на базе Прибалтийского Особого военного округа, с началом войны вел бои на территории Прибалтики.

2 июля немецкие войска нанесли удар в стык 8-й и 27-й армий СЗФ и прорвались в направлении Острова и Пскова. За неумелое управление войсками командование Северо-Западного фронта в полном составе было снято со своих постов. С 4 июля в командование фронтом вступил генерал-лейтенант П. П. Собенников. Членом военного совета был назначен корпусной комиссар В. Н. Богаткин, а начальником штаба стал генерал Н. Ф. Ватутин – заместитель начальника Генерального штаба, находившийся на фронте с 22 июня 1941 года.[116]

Вражеская экспансия осуществлялась по уже отработанной схеме – основной удар наносился по центру, а с левого и правого фланга проводились вспомогательные удары, в перспективе имевшие целью обход одним из флангов центрального сектора обороны противника с последующим взятием противостоящих сил в кольцо. Так было и на этот раз. Центральная группа немецких войск устремилась по прямой дороге Псков – Луга (кратчайшему пути к Ленинграду), часть войск устремилась в направлении Гдова и далее к Кингисеппу, а другая часть – на Новгород.

8 июля 1941 года главное командование германских вооруженных сил поставило войскам группы армий «Север» следующую задачу: продолжать стремительное наступление на ленинградском направлении, разгромить войска Северо-Западного и Северного фронтов, отрезать во взаимодействии с финской армией Ленинград с востока и юго-востока от остальной территории СССР и уничтожить город. Финская армия, реализуя элементы плана «Голубой песец»[117], получила задачу перейти 10 июля в наступление на Онежско-Ладожском и Карельском перешейках. Таким образом, с самого начала битвы за Ленинград приоритетное направление удара в группе армий «Север» предполагалось на правом фланге с первоочередной задачей перерезать дорогу Москва – Ленинград и тем самым отсечь от Москвы северную столицу.

В этих условиях главная задача советских войск на данном театре военных действий состояла в том, чтобы не допустить прорыва противника к Ленинграду и Новгороду, а также прикрыть Таллин, являвшийся главной базой Балтийского флота.

Потеря Ленинграда могла резко ухудшить положение советских вооруженных сил не только на северо-западном направлении, но и на всем советско-германском фронте. В этот период Государственный Комитет Обороны (ГКО) издал распоряжение о реорганизации в управлении фронтами. Кроме командований Западного и Юго-Западного направлений, для объединения усилий вооруженных сил по обороне Ленинграда Ставка Верховного Главнокомандования (преобразованная из Ставки Главного Командования) директивой от 10 июля создала главное командование Северо-Западного направления во главе с Маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым с подчинением ему Северо-Западного и Северного фронтов, а

---

[116] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. М.: Библиотека / Мосгорархив, 1995, кн. 1, с. 118.

[117] Thomas L. Jentz. Panzertruppen 1942–1945. Schiffer Military History, 1996, p. 43–44.

также Балтийского и Северного флотов. Начальником штаба направления стал генерал-майор М. В. Захаров, а членом Военного совета А. А. Жданов. Одновременно войскам Северо-Западного направления была поставлена задача: активной и упорной обороной не допустить прорыва противника к Ленинграду и на коммуникации, связывающие этот город со страной, прикрыв в то же время частью сил главную базу Балтийского флота – Таллин.

В Эстонии продолжала сражаться 8-я армия. На правом фланге Ленинградского фронта наседавших немцев сдерживала 118 СД, с боями отходившая на Гдов. На этом направлении в Кингисеппе уже был выставлен заслон, там заняла оборону 191-я стрелковая дивизия.

Сдерживали наступление немцев, отходя от рубежа к рубежу вдоль Новгородского шоссе, наши 70-я стрелковая дивизия и остатки 3-й танковой дивизии 1-го мехкорпуса. В составе дивизии оставался только 6-й танковый полк (27 танков), 5-й танковый полк действовал отдельно. Именно сюда в этот день и устремился 56-й моторизованный корпус Манштейна, основу ударного кулака которого составляли 8-я танковая и 3-я моторизованная дивизии. Поддерживала прорыв 290-я пехотная дивизия. В резерв придавались моторизованная дивизия СС «Мертвая голова» и две дивизии 16-й армии. Сила вполне приличная.

Несмотря на то, что главный удар немецких войск был нацелен на Новгород, а бои в этот день происходили в основном на территории Псковской области, 10 июля считается днем начала битвы за Ленинград. Именно в этот день впервые вступил в бой против прорвавшейся немецкой танковой группы отряд заграждения 177-й стрелковой дивизии, которая по распоряжению командующего Лужской оперативной группой (ЛОГ) генерал-лейтенанта К. П. Пядышева заняла оборонительные позиции в предполье Лужского рубежа обороны – между Псковом и Лугой. Дивизия представляла собой полноценное свежее боевое соединение, возглавляемое решительным и опытным командиром-орденоносцем полковником Андреем Федоровичем Машошиным. Начальником штаба дивизии был также опытный военный Иван Семенович Павлов.

Дивизии была придана переброшенная из-под Кандалакши 24-я танковая дивизия, а также значительное количество артиллерии (до 150 орудий разных калибров) под руководством опытных артиллерийских офицеров.

Для прикрытия войск группы с воздуха привлекалась авиация Северного фронта под командованием генерал-майора авиации А. А. Новикова.

10 июля три немецких дивизии, две танковые (1-я и 6-я) и 36-я моторизованная 41-го моторизованного корпуса 4-й танковой группы немецких войск при поддержке авиации сначала нанесли удар севернее Пскова по частям 118-й стрелковой дивизии. Вынудив ее отойти к Гдову, они устремились на Лугу. Через день немцы достигли р. Плюссы и уже вплотную завязали бои с войсками прикрытия Лужской оперативной группы.

Командный пункт 177-й стрелковой дивизии находился около Луги в парке на Лангиной горе. Оттуда и поступали все приказы на передовую. На рубеж Плюссы были выдвинуты 483-й полк и 710-й гаубичный артиллерийский полк. В их задачу входило прикрытие Киевского шоссе и железной дороги. Другие полки 177-й дивизии заняли оборону южнее Луги по линии Корпово – Бараново – Раковичи – Наволок; 486-й полк закрепился правее шоссе, на участке Лесково – Ильжо; слева от дороги до Черменецкого озера стоял 502-й полк. Здесь же развернули боевые порядки 706-й артиллерийский полк и 49-й танковый полк 24-й танковой дивизии.

10 июля утром на реке Плюсса Псковской области вступил в первое боевое соприкосновение с 41-м моторизованным корпусом немцев заградотряд 177-й дивизии. К нему присоединились остатки дивизий, отступавших от д. Лудони.

Тем временем 1-я и 6-я танковые дивизии 4-й танковой группы немцев, за которыми во втором эшелоне следовала 36-я моторизованная и 269-я пехотная дивизии, начали быстрое продвижение от Пскова.

1-я танковая дивизия вермахта продвигалась по шоссе Псков – Луга, 6-я танковая дивизия двигалась параллельно через Порховский район: Лопатово – Ямкино на Павы.

Во второй половине дня, после того как все боевые подразделения боевой группы Вестхофена – авангарда 1-й танковой дивизии вермахта – проехали перекресток на д. Углы, бойцы нашей 111-й стрелковой дивизии, не имевшие тяжелого вооружения, неожиданно атаковали следовавшие за ними моторизованные колонны. Основные силы группы Вестхофена пришлось разворачивать и организовывать контрудар в направлении обратном движению. К 17:00 остатки подразделений 111-й стрелковой дивизии были разбиты и отступили.

Начальник штаба дивизии Сорокин вспоминал: «Дивизия, организовав оборону на рубеже 30 километров северо-восточнее Пскова, 10 июля 1941 года под сильным нажимом противника была вынуждена отойти в направлении Луги. Командир дивизии полковник И. М. Иванов, находясь во время отхода дивизии с одним из батальонов 532-го стрелкового полка, оказался отрезанным от дороги Псков – Луга и вместе с батальоном передвигался лесом параллельно дороге. Впоследствии этот батальон соединился с частями дивизии, но тов. Иванов не вернулся»[118]…

Данный батальон возле д. Мараморка Псковского района оказался застигнутым врасплох превосходящими по численности и вооружению наступающими частями танковой дивизии вермахта, красноармейцы под командованием полковника Ивана Михайловича Иванова, приняли неравный бой, в котором погибло около 40 человек, в том числе и командир дивизии. Остатки батальона отступили. Хоронили погибших уже местные жители.

Где же в этот день находилась 6-я танковая дивизия? Проследим ее путь за несколько последних дней.

Раус: «Полученный нами приказ на 8 июля требовал лишь незначительного продвижения в направлении Порхова, чтобы в дальнейшем наступать на север. Вероятно генерал Рейнхардт принял такое решение, чтобы передвинуть 6-ю танковую дивизию ближе к 1-й танковой, а также потому, что LVI танковый корпус перемещался в район Порхова.

Выполнение этого приказа требовало синхронных действий всей дивизии. Справа боевая группа “Раус” встретила только слабое сопротивление, когда наш авангард подошел к Славковицам. Левый фланг должна была обеспечивать 269-я пехотная дивизия, однако она не прибыла вовремя, поэтому мы были вынуждены перейти к обороне, чтобы отразить сильные контратаки русских танков. Несмотря на это давление, мы удержали всю занятую территорию. Тем временем боевая группа “фон Зекендорф” с боем продвигалась на север и сумела захватить плацдарм на реке Черекла[119], к северу от города Осиповец. Ночью 8/9 июля боевая группа “Раус” была переброшена на этот плацдарм.

После того как 6-я танковая дивизия пересекла железную дорогу, связывающую Псков и Порхов, она снова повернула на восток. Во главе наступления снова шли наши две боевые группы. Боевая группа “Раус”, наступающая севернее, быстро добилась успеха и заняла Загоску, повернув на восток через Лопатово. Находившаяся южнее боевая группа “фон Зекендорф” прошла высоту 148 и лишь после этого встретила сопротивление русских. К вечеру темп наступления дивизии замедлился, так как она столкнулась с большими силами пехоты,

[118] Из материала, подготовленного Алексеем Федоровым (Поисковый отряд "ПОИСК") (http://sledpantera.ru/page/111/).

[119] Река Череха.

поддержанной танками. Русские решили удержать дорожный треугольник в Ямкино. Генерал Ландграф решил, что эту атаку тоже следует подготовить более тщательно».[120]

Из Боевого дневника дивизии следует, что 9 июля она все еще находилась в районе деревни Болдино. Дивизионная разведка всю ночь выясняла окружающую обстановку, добираясь вплоть до Ямкино. В результате разведки было принято решение в 7.00 провести рейд Боевой группы Колля на Большое Загорье. К этому времени разрушенный нашей авиацией мост севернее Болдино был восстановлен немецкими саперами.

В районе Ямкино разведка отметила угрозу флангу в виде двух сверхтяжелых танков, а с другого фланга – даже трех. Поскольку в дивизии не имелось 88-мм зениток, задействовали против этих танков все имеющиеся в наличии средства. К полудню оба танка, находящиеся справа у Ямкино были расстреляны 105-мм пушками дивизионной батареи. Оставшиеся три из-за тумана не обстреливались. Но под прикрытием того же тумана немцы подтащили к ним 105-мм пушки на расстояние прямого выстрела.

Кроме этих танков в радиусе 10-ти километров немцы не обнаружили никаких других наших войск. В этом была несомненная слабость нашего прикрытия. Танки, не обеспеченные поддержкой пехоты сплошь и рядом оказывались в эти дни и недели беспомощными мишенями для немецкой артиллерии.

Впрочем, на этот раз наши удара не проспали, когда к 8.00 туман рассеялся, немецкие артиллеристы не обнаружили наших сверхтяжелых танков.

Любопытно, что Раус рассказывает об этом несколько иначе.

Раус: «10 июля 6-я танковая дивизия впервые после перехода границы потерпела тактическую неудачу. Атака против дорожного треугольника Ямкино не привела к успеху. Противник умело и упорно сопротивлялся, укрываясь в лесах, и наносил контрудары при поддержке танков. Однако главной причиной приостановки наступления стало появление тяжелых русских танков, которые мы встретили впервые после Расейная. Эти танки стали появляться все чаще, так как завод, выпускающий их, находился под Ленинградом. Возле Ямкино русские очень умело использовали КВ-1 в качестве “самоходных дотов”. Каждый 52-тонный танк сопровождали 2–3 легких танка и взвод пехоты, главной задачей которых было обеспечение безопасности тяжелого танка. Поэтому наши штурмовые отряды просто не могли подобраться к КВ и были вынуждены сражаться на большом расстоянии.

В Ямкино 6-я танковая дивизия не имела 88-мм зениток, так как штаб XLI корпуса накануне забрал приданные нам батареи, несмотря на протесты генерала Ландграфа. Поэтому нам пришлось начать эксперименты прямо под огнем противника, чтобы найти хоть какой-то способ уничтожать эти “52-тонные доты”. 76-й танковый артиллерийский полк использовал 100-мм орудия на прямой наводке, хотя передвигать их было очень тяжело. Наши саперы безуспешно попытались повторить свой успех под Балтинавой, используя тяжелые реактивные минометы. 41-й батальон истребителей танков майора Ремхильда даже обстрелял КВ-1 из 50-мм пушек. (После Расейная мы решили, что при самых благоприятных условиях эти пушки с близкого расстояния все-таки могут пробить броню 52-тонного танка. Пробоина получалась диаметром с карандаш.) С помощью этих мер нам удалось заставить тяжелые танки несколько раз сменить позицию, но подбить ни один из них мы не сумели.

Решение генерала Ландграфа приостановить наступление и попытаться обойти Ямкино не повлияло на результат операции. Более того, оно в некоторых отношениях оказалось удачным…»[121]

---

[120] Раус, СС. 90–91.

[121] Раус, СС. 90–91.

По поводу немецких 50-мм пушек здесь следует отметить следующее. Они в основном были беспомощны против наших танков и немцы сами называли их армейские колотушками.

Вот свидетельство о тех днях немецкого солдата: «Русские, знакомые с непросматриваемой местностью, показали здесь свое умение воевать изощренными способами. Они применяли свои танки там, где с учетом всего опыта войны это считалось до сих пор невозможным. Бронебойность наших противотанковых орудий была недостаточна для того, чтобы колоть броню тяжелых танков. В лексику солдат вошло понятие „Heeresanklopfgerätes"».[122] Последнее слово, имеющее в виду противотанковые пушки немцев, можно приблизительно перевести как войсковые или армейские колотушки.

Однако к двум этим свидетельствам (Эрхарда Рауса и Хельмута Рэмхилда) здесь следует добавить замечание нашего выдающегося артиллериста, командовавшего на Лужском рубеже артиллерийской группой Г. Ф. Одинцова.

«В 1941 г. наши танки от ударов этих снарядов загорались. Тогда думали, что у немцев имеются “термитные” снаряды. Когда, наступая, мы захватили эти снаряды, то оказалось, что они являются подкалиберными с вольфрамовым сердечником, который пробивал броню танка, а внутри его раскаленными осколками вызывал пожар. Подкалиберным он был назван потому, что сердечник был меньше, чем калибр снаряда».[123]

Что же касается трех наших исчезнувших на рассвете сверхтяжелых танков, скорее всего, это были танки лейтенанта Кайтукова, действовавшие отдельным самостоятельным подразделением.

«В первые же дни боев в 24-й танковой дивизии появились танки КВ. Каким образом это произошло, видно из датированного 13-м июля документа, направленного начальнику штаба Северного фронта, копия начальнику АБТУ Северного фронта: “В районе Николаево во взаимодействии со стрелковыми частями 41 ск действует 3 танка "КВ". В какую часть эти танки входят, никто не знает. Командует этими тремя танками лейтенант Кайтуков. С начала войны эти танки участвуют в боях, отработав по 60 часов без осмотра мат. части. Танки требуют хозяина и ремонта. Поэтому я решил 3 танка "КВ" с экипажем (под командой лейтенанта Кайтукова) подчинить себе и просить Вас утвердить мое решение. Для приведения их в порядок прошу из Кировского завода в район 24 тд выслать бригаду для ремонта. Танки 12.7.41. были заправлены специально высланным для этой цели горючим. Командир 10 мк генерал-майор Лазарев”».[124]

В этот день, не ведя, согласно Боевому дневнику, никаких особо серьезных боев 6-я танковая дивизия потеряла 6 человек убитыми, 8 были ранены и двое пропали без вести. Возможно, нашим удалось взять языка.

Одной из главных трудностей обеих танковых дивизий было отмечено отсутствие в этих местах асфальтовых дорог.

Дивизия оставалась на высоте 102.[125]

Как видим, в отличие от 1-й танковой дивизии, 6-я в этот день занимала в основном выжидательную позицию.

Тем временем общее немецкое наступление развивалось согласно ранее разработанному плану.

---

[122] Helmut Römhild, Geschichte der 269. Infanterie-Division. Podzun-Verlag, Bad Nauheim, Dorheim, 1967. С. 126.

[123] Оборона Ленинграда, С. 105 (Прим.)

[124] И. Хомяков, «История 24-й танковой дивизии». Макет книги.

[125] Возможно, имеется в виду высота 103, которая находится как раз между Болдино и Ямкино в 5 км южнее Большого Загорья около Кононопово.

В немецких штабах

Фон Лееб: «11.40 4-я танковая группа намерена повернуть 56-й моторизованный корпус (дивизия СС “Мертвая голова”) и 8-ю танковую дивизию на Остров, так как на прежнем направлении у них имеются значительные трудности. Трасса Опочка – Остров должна быть закрыта на двое суток для продвижения колонн 10-го армейского корпуса. Эго предложение отклонено. 10-й корпус должен продолжать наступление. Командиры 10-го армейского и 56-го моторизованного корпусов на месте согласуют свои действия. 4-я танковая группа намерена как можно быстрее оставить Псков, чтобы дать возможность разместиться в нем соединениям 18-й армии. Ей предписано ускорить продвижение подвижных подразделений». [126]

Гальдер удовлетворенно записал в этот день в своем дневнике: «Финны перешли в наступление…»[127]

И дальше:

«Группа армий «Север». Сопротивление противника перед северным фронтом 41-го моторизованного корпуса усилилось. В остальном операции развиваются согласно плану…

План остается прежним: наступление на Ленинград и к портам Эстонии…»[128]

Фон Лееб: «Обстановка на вечер 10 июля: 16-я армия встречает постоянное сопротивление противника, поэтому повсеместно ведет бои. 4-я танковая группа овладела городом Порхов, подтягивает дивизию СС “Мертвая голова” от Опочки и 8-ю танковую дивизию через Остров».[129]

Ленинград. Штаб Северного фронта

Александр Александрович Новиков, главком ВВС Северного фронта

«Еще до падения Пскова ОКВ (верховное главное командование вермахта) на совещании 8 июля обязало группу армий “Север” быстрее покончить с Ленинградом. С этой целью войска фон Леeба было решено усилить 3-й танковой группой, но переброска ее на ленинградское направление намечалась после выхода войск группы армий “Центр” в район восточнее Смоленска.

Согласно этому замыслу план наступления группы армий “Север” на вторую и третью декады июля был такой. Правофланговая 16-я полевая армия наносит поражение нашей 27-й армии и выходит на рубеж Великие Луки – Холм – Старая Русса. 4-я танковая группа правофланговыми соединениями захватывает Порхов, Новгород и Чудово, перерезает Октябрьскую железную дорогу и обходит Ленинград с юго-востока, а левофланговыми соединениями наступает на Лугу и сходу врывается в Ленинград. Основные силы 18-й полевой армии, находившейся во втором эшелоне, развертываются севернее Пскова, подвигаются вдоль восточного берега Псковского и Чудского озер и овладевают Нарвой. Ее левофланговые войска захватывают Эстонию и по южному побережью Финского залива выходят в район Нарвы. Одновременно с гитлеровскими войсками действуют и финские. Карельская армия, наступавшая на петрозаводском и олонецком направлениях, отбрасывает нашу 7-ю армию на рубеж реки

[126] Лебедев Ю., С. 63.

[127] Гальдер, с. 69.

[128] Лебедев Ю., С. 64.

[129] Лебедев Ю., С. 64.

Свирь. Юго-восточная армия, развернутая на Карельском перешейке, врывается в Ленинград с севера…

Стремясь извлечь как можно больше выгод из ситуации, гитлеровцы сразу же после захвата Пскова утром 10 июля повели наступление во всей полосе действий 4-й танковой группы и 16-й армии – от Идрицы до Псковского озера. Основной удар враг нанес на Лугу и Новгород.

На Лугу двинулся 41-й моторизованный корпус в составе четырех полнокровных дивизий – двух танковых, моторизованной и пехотной. Под ударом его наша 118-я стрелковая дивизия была отброшена на северо-запад к Гдову. Дорога на Лугу оказалась неприкрытой, и подвижные части врага устремились на север. Переброшенная сюда 90-я стрелковая дивизия в районе Струги Красные, Лудони попала под сосредоточенный удар танков и авиации противника и отошла назад…

До 10 июля основная масса авиации, действовавшей на юго-западе от Ленинграда, помогала войскам Северо-Западного фронта сдерживать врага на рубеже реки Великой. Экипажи 2-й и 41-й бад непрерывно бомбили соединения 4-й танковой группы. В это время резко ухудшилась погода – несколько дней стояла сплошная низкая облачность, часто шли дожди. Непогода сильно мешала бомбардировщикам, и они летали на задания в одиночку или парами и бомбили боевые порядки и колонны противника с небольшой высоты. Наши потери от огня зенитной артиллерии неприятеля были весьма значительны. За шесть суток дивизии П. П. Архангельского и И. Я. Новикова лишились 60 самолетов. Однако большинство экипажей уцелело и вернулось в свои части. Но и враг понес весьма ощутимый урон. За неделю на противника было сброшено 4 тысячи бомб. Действия ленинградских летчиков были столь эффективны, что 10 июля штаб группы армий “Север” вынужден был донести в Берлин о больших потерях в 1-й танковой дивизии от ударов нашей авиации.

Непрерывные бомбардировки танков и мотопехоты сильно тормозили продвижение фашистов, мешали развитию успеха. Поддерживаемые авиацией, наши бойцы и командиры сражались с еще большим упорством и героизмом. Тогда, чтобы ослабить наши удары с воздуха, противник часть своих бомбардировочных сил переключил на борьбу с советской авиацией. С 5 по 9 июля немцы совершили серию сильных налетов на основные аэродромы, расположенные в районах Пскова, Луги и Старой Руссы. Однако поставленной цели враг не достиг. Наша авиация хотя и понесла потери, вызванные в основном чрезвычайной слабостью зенитного прикрытия аэродромов, что было нашим уязвимым местом до конца 1941 г., но ударов своих по противнику не ослабила. В эти дни ленинградские летчики вписали в свой боевой счет еще два тарана. 10 июля таким способом сбили врага командир эскадрильи 161-го иап коммунист старший лейтенант Н. В. Терехин и командир звена 154-го иап комсомолец лейтенант С. А. Титовка. Сергей Титовка повторил подвиг Николая Тотмина – уничтожил самолет лобовым тараном».[130]

Борис Владимирович Бычевский, подполковник, начальник Инженерного управления фронта

«На рассвете 10 июля комбриг Евстигнеев сообщил мне, что неприятель занял Псков, а в сторону Луги лавиной катятся перемешавшиеся войска Северо-Западного фронта.

Не успел я положить телефонную трубку, как меня вызвал командующий фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов:

[130] Новиков А.А., СС. 81–82.

– О падении Пскова слышали? Чувствуете, как сразу осложнилась обстановка? Так вот, немедленно отправляйтесь в лужское предполье. Надо во что бы то ни стало ускорить там постановку минных заграждений. Кстати, где у вас рота специального минирования?

– В Красногвардейске, товарищ командующий. В полной готовности. Радиостанция укрыта в парке.

– Радиостанцию держите там, а команду с приборами возьмите с собой. Лично организуйте постановку крупных фугасов в районах Струги Красные, Городище, Николаево. Немецкие танки могут подойти туда завтра.

Я доложил, что в предполье уже поставлено много минных заграждений и меня сильно беспокоит, как бы на них не подорвались войска нашего левого соседа.

Маркиан Михайлович пустил черта в чей-то адрес и резко спросил:

– Мы же сообщили штабу Северо-Западного фронта зоны минирования?

– Сообщили. Но штаб-то у них, по-видимому, не имеет связи со многими отходящими соединениями.

– Тем более вам надо поспешить туда, – подчеркнул командующий. – А я тем временем передам генералу Пядышеву, чтобы он незамедлительно принял все возможные меры предосторожности…

И вот мы уже на шоссе между Псковом и Лугой. Со мной команда минеров и радистов из роты старшего лейтенанта В. С. Яковлева, майор Николай Иванов, лейтенанты Евгений Гуляницкий и Александр Шелков.

Ох, как тяжело уничтожать созданное народом добро! Ощущение этой горечи усиливают картины бедствия на дорогах отступления. Семьи, оставшиеся без крова, горящие дома, плачущие на руках у матерей дети, страдающие от жары и жажды. Тут и там вперемешку с беженцами бредут разрозненные группы бойцов. Нескончаем поток машин, всевозможных тележек. II над всем этим пестрым водоворотом стоит угнетающий гул, в воздухе висит едкая пыль.

Горе людей, гонимых пожаром войны, леденит сердце.

Над шоссе только что пронесся на бреющем полете ”мессершмитт”. Пулеметная очередь скосила двух девочек и трех женщин.

Вот-вот вернется с завывающим свистом вражеский истребитель. Измученные люди шарахнутся по канавам, а на шоссе опять останутся лежать несколько бездыханных тел. Мы советуем беженцам уходить с дороги в поле. А сами продолжаем свое дело: взрываем мосты, шоссе, ставим минные поля. Кое-где сохраняем проходы для отступающих войск. Их потом закроют саперы, которых мы здесь оставим.

Взрываемые по радио фугасы в сотни килограммов весом закладываем в местах возможного скопления вражеских войск и техники. Старший лейтенант Владимир Яковлев, высокий, смуглый, угрюмый, проверяет каждый радиоприбор, сам маскирует его.

Минеры молчаливы. Многие из них не так уж давно, в советско-финляндскую войну, в одиночку подползали со взрывчаткой к амбразурам железобетонных дотов. Побывали под пулеметным огнем, пережили гибель друзей. Но то в атаках, во время штурма вражеских укреплений, а здесь приходится взрывать свое, народное добро. Временами слышны проклятия и крепкое словцо.

Николай Сергеевич Иванов уже не выглядит добродушным, как несколько дней назад. Глаза его мрачно поблескивают за стеклами очков.

Лейтенант Гуляницкий, плотный коротыш-украинец, которого товарищи зовут просто Женей, отдает саперам резкие, короткие команды.

Встречи наших людей с бойцами, бредущими от Пскова, ограничиваются короткими перебранками:

– А ну, проходи! Раз драпаешь, нечего глаза пялить!

Попытки огрызнуться слабые, больше для виду:

– Ладно, герой! Посмотрим, каков сам будешь перед танком… Невысокий минер, вытирая пилоткой пот с лица, зло укоряет:

– И куда только прете? Там же Ленинград!

– Сами, что ль, идем? Ведут. На Луге, говорят, рубеж занимать будем.

– Во-во, правильно. Пока вы маршируете, ленинградские женщины окопы для вас роют, руки в кровь рвут. Они вас встретят там лопатой по спине. А ну топай быстрее, пока на свои мины не напоролся!..

К вечеру меня вместе с другими начальниками родов войск вызвали в Ленинград. Командующий собирался на доклад в Смольный к А. А. Жданову и только что прибывшему Главкому Северо-Западного направления К. Е. Ворошилову. Перед этим он хотел уточнить обстановку…»[131]

Южная окраина города Луги. Лангина гора. Штаб 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии

«В начале июля еще теплилась надежда, что враг будет остановлен на подступах к Пскову, на линии Псковско-Островского укрепленного района. Но события последних двух-трех дней внесли в обстановку изменения. Начальник штаба Лужской оперативной группы полковник Каупфельдт сообщил, что противник обнаружен в Стругах Красных, его отдельные группы движутся по шоссе Псков – Луга. Значит, судьба Ленинграда будет решаться под Лугой. В дивизии это хорошо понимали.

Я посмотрел на карту, мысленно сказал себе: “Встречай, Иван Семенович, свою третью войну. Гражданскую и финскую прошел, теперь всенародную, Отечественную” – и отправился к командиру дивизии. Андрей Федорович Машошин был, как говорят, в полном боевом.

Обстановку он уже знал, говорил как обычно, по-командирски четко:

– Предупредите командира 483-го полка и артиллеристов. Немец может выскочить на плечах отступающих.

– Вчера сказал об этом подполковнику Харитонову.

– Напомните! Впрочем, я сам поеду к нему.

В этот день Машошин с утра собирался поехать в 502-й стрелковый полк, где медленно оборудовались позиции. Но обстановка изменилась. И командир переменил решение. Я понимал его: первый бой, первые испытания во многом определят дальнейшее поведение бойцов и командиров. Выстоят – считай, успех обеспечен и в дальнейшем. Покатятся… Нет, об этом даже страшно подумать. Командир решил быть поближе к переднему краю. Бойцы крепче стоят, храбрее дерутся, когда знают, что командир рядом. Его воля, твердое управление придают войскам силу.

Помимо служебных характеристик с подписями и печатями у бойцов о каждом командире есть еще свои суждения и довольно меткие характеристики, которые передаются из уст в уста. О храбрости Машошина, его крутом нраве, боевом опыте ходили легенды. Он, правда, никогда не распространялся о том, как стал полным георгиевским кавалером в империалистическую, за что награжден орденом Красного Знамени в гражданскую.

Но каждый боец знал эти истории, да с такими подробностями, что Андрей Федорович только руками разводил.

Проводив комдива, мы с начальником артиллерии полковником Фоминым, начальником штаба артиллерийского полка АККУКС капитаном Визигиным занялись уточнением вопросов взаимодействия. Наша задача – создать сильный огневой заслон перед главной полосой

[131] Бычевский, СС. 23–26.

обороны дивизии. Занятие прервали частые удары в рельс. Со всех сторон неслись возгласы: “Воздух, воздух!..” На город шло около полутора десятков фашистских самолетов. Тихая дачная Луга принимала первый бой…»[132]

Город Луга. Огневые позиции отдельного курсантского зенитного артиллерийского дивизиона

Всеволод Чехович, воентехник 1-го ранга, начальник артвооружения дивизиона

«Первый массированный налет авиации противника на Лугу был 10 июля. Вначале над городом покружился самолет-разведчик. Командир дивизиона приказал огонь не открывать: сбить самолет мало вероятности, а себя обнаруживать нам невыгодно. Пришлось, стиснув зубы, смотреть, как ползает над нами фашистский шпион.

Вскоре с юга и юго-запада появились “мессершмитты” и “юнкерсы”. Они шли четким строем, выдерживая интервалы и дистанции между машинами, направляясь в центр города, где находились райком партии, узел связи, вокзал.

– Видал? – спросил я командира батареи 85-миллиметровых пушек старшего лейтенанта К. П. Валиту.

В этот момент расчет прибора управления артиллерийским зенитным огнем – ПУАЗО – выдал данные.

Залп! В июльском светло-синем небе запрыгали, словно мячики, черные облачка разрывов снарядов батареи 85-миллиметровых пушек. Рядом появились белые дымки. Это открыла огонь батарея 76-миллиметровых пушек старшего лейтенанта Д. И. Петина. Присоединила свой голос и батарея 37-миллиметровых пушек. Она стреляла трассирующими снарядами. Вражеским “юнкерсам” и “мессершмиттам” стало жарко в лужском небе. Интенсивный огонь курсантского дивизиона разогнал фашистских стервятников, и они, сбрасывая беспорядочно свой смертоносный груз, стремились побыстрее уйти восвояси.

– Товарищ воентехник, смотрите, что выделывают фашисты! – оторвал меня от наблюдения лейтенант Гордеев. – На батарею Петина пикируют…

Из-за домов не просматривались огневые позиции батареи. Но именно в том направлении, словно сорвавшись с крутой горки, один за другим пикировали два Ю-87. Я представил себе, как нелегко теперь курсантам, но они продолжали вести огонь. Ребята не дрогнули, стойко отражали атаку врага. А это был их первый бой:

“Ура! Ура!” – раздались над огневой радостные возгласы.

Один Ю-87, выходя из пике, потянул за собой черный шлейф дыма и, неуклюже ныряя, удалялся в сторону леса. Это был третий по счету самолет, который подбили курсанты-зенитчики».[133]

Также в этот день следует поместить воспоминания Рогинского, которые Кринов помещает в 13 июля.

Лужское направление. Район деревни Похонь. Штаб 111-й стрелковой дивизии

Сергей Васильевич Рогинский, подполковник, командир дивизии

[132] Кринов, СС. 19–21.

[133] Кринов, СС. 21–22.

«10 июля я с группой командиров прибыл в штаб 41-го стрелкового корпуса. Нам было приказано ознакомиться с обстановкой, принять все самые решительные меры к тому, чтобы остановить отход частей корпуса и закрепиться на выгодном рубеже. К сожалению, сделать это было уже невозможно. Штаб корпуса потерял управление войсками и не знал, где находятся штабы 111-й, 235-й и 90-й дивизий.

Генерал Астанин, помощник командующего Северо-Западным фронтом, приказал мне разыскать 111-ю стрелковую дивизию. Вероятнее всего, она могла находиться в районе Струги Красные. Действительно, здесь мы начали встречать отдельные группы бойцов и даже подразделения дивизии. По указанию генерала Астанина останавливали их, сводили в роты и батальоны, назначали командиров. Бойцы были рады, что наконец-то обрели свои подразделения и получили боевые задачи.

Я заметил, что вышедших из окружения людей не столько угнетало отсутствие питания, сколько неопределенность положения.

Продолжая поиски штаба дивизии, я встретил в районе Щирска[134] заместителя комдива по политчасти полкового комиссара Г. С. Емельяненко и начальника особого отдела дивизии Бойченко. Они раскрыли передо мной весь драматизм обстановки, в которую дивизия попала в боях под Островом и Псковом. Фактически соединение вводилось в бой разрозненными подразделениями без достаточно мощного артиллерийского обеспечения. Люди сражались ожесточенно, до последней возможности.

Командиры и политработники находились в боевых порядках, и многие из них пали на поле боя. В боях под Псковом геройски погиб командир дивизии полковник Иванов.

Обсудив с товарищами обстановку, я решил организовать оборону восточнее Лужского шоссе, объединив собранные подразделения в отряд. О своем решении доложил генералу Астанину. Он одобрил действия и приказал принять командование дивизией».[135]

Документальная строка

> «Ленинградцы горячо откликнулись на призыв партии выступить на защиту родного города. К 10 июля в Ленинградскую армию народного ополчения было зачислено около ста тысяч человек.
>
> Из донесения начальника отдела политической пропаганды ЛАНО Верхоглаза начальнику Управления политической пропаганды Северного фронта: “10 июля 1941 года 1-я дивизия Кировского района выбыла из г. Ленинграда. Последний батальон отгрузился в 1 час. 00 мин. 11.7.41… Настроение бойцов и командиров бодрое и приподнятое. Многие бойцы выражали желание как можно скорее влиться в действующую армию…”»[136]

Здесь следует сказать о том, что формирование дивизий народного ополчения в Ленинграде было начато с 30 июня на основании решения Ленинградского горкома партии и постановления Военного Совета Северного фронта от 27 июня 1941 г. Намечалось создать 15 стрелковых дивизий общей численностью в 200 тысяч человек.

Первая дивизия народного ополчения (1-я ДНО) уже в этот день отправилась на прикрытие новгородского направления.

Нас в нашей истории будет прежде всего интересовать 2-я ДНО.

И здесь самое время поместить основные сведения об этой дивизии.

---

[134] Деревня между Теребуни и Лудони.

[135] Кринов, СС. 40–41.

[136] Кринов, С. 22.

Но прежде чем дать основные сведения о дивизии, приведу выдержку из воспоминаний, заканчивавшей летом 1941 года медицинский институт в Ленинграде Риммы Ивановны Нератовой.

> «Ленинградское ополчение начало создаваться еще в начале июля, называлось оно демократической армией по обороне Ленинграда, но вскоре стало называться по-русски понятно – ополчение. Создавалось ополчение – детище партийных органов – после речи Сталина. Не той, в которой он обратился после начала войны 3-го июля к своим вассалам:
>
> – Дорогие братья и сестры…
>
> В теперешнем обращении Сталин потребовал учреждения ополчения. Прежде всего, московского. И так же во всех городах, к которым подступали немцы. Ополчение, народное, должно своими силами защищать города, сражаться за его пределами на подступах и на баррикадах внутри города и должно, если того потребуют обстоятельства, сражаться за каждый дом! И назвал цифру – количество ополченцев, которых должна дать Москва. Цифра была громадная! Партийные организации Москвы со всей поспешностью стали создавать ополчение с целью во много раз превзойти цифру, названную Сталиным, и выслужиться! Людей хватали на улицах, в учреждениях, не слушали никаких доводов, не считались с протестами. На все был один ответ:
>
> – Товарищ Сталин сказал!
>
> Попробуй – поспорь! В Москве “ударный план” партийных организаций дал очень высокую цифру “добровольных” ополченцев. Но мобилизационный план города Москвы был сорван! В военкоматах хватались за голову, но ничего сделать не могли: всех людей призывного возраста (многие ждали повесток из военкоматов со дня на день), на которых падал взор и ложилась рука партийных организаторов ополчения, буквально заметали, отправляли в “казармы” для ополченцев (часто помещения средних школ с охраной у ворот), чтоб вскоре, иногда даже без всякого обучения, отправить на фронт.
>
> В Ленинграде “добровольное” вступление в ополчение носило менее трагичный характер и было менее необратимым, чем в Москве. И хотя ленинградцев “добровольно” записывали в ополчение (у нас все делалось “добровольно” и с “большим энтузиазмом”, как только поступал в партийные организации или приказ или только “намек” сверху – и никто не осмеливался открыто возражать), не считаясь ни с профессией, часто нужной для военных же нужд, ни с возрастом, ни с состоянием здоровья, но все-таки все происходило менее беспощадно и бездумно…»[137]

Я привожу здесь это свидетельство в противовес «документальной строке» Кринова не затем, чтобы очернить ленинградских ополченцев. Нет, я верю, большинство из них действительно являлись настоящими добровольцами. Однако люди, жившие при советской власти, прекрасно поймут, о чем именно идет здесь речь. Партийные функционеры своим неуемным и порой плакатным рвением подчас не столько способствовали, сколько мешали настоящему проявлению патриотических чувств. Тотальное недоверие к своим гражданам, наверняка, многих глубоко ранило в те дни, и ситуация – а ну-ка попробуй не пойти добровольцем – скорее лишала людей энтузиазма, чем подогревала его. Кого-то же могла и просто оттолкнуть если и не в активную, то хотя бы в пассивную оппозицию. Но это отдельная, больная и далеко не изученная тема.

---

[137] Нератова Р. В дни войны. Семейная хроника. СПб, Ж-л «Звезда», 1996. С. 32.

Фрагмент речи Сталина от 3 июля:

> «Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину в нашей Отечественной войне с германским фашизмом…»[138]

2-я дивизия народного ополчения (2-я ДНО)

Это подразделение ведет отсчет своей истории с 4 июля 1941 г., когда военный совет ЛАНО постановил из полков Московского и Ленинского районов создать 2-ю дивизию народного ополчения (2-ю ДНО), а так как она формировалась в основном в Московском районе, назвать ее «Московской».

Дивизия первоначально состояла из 1-го, 2-го и 3-го стрелковых полков, артиллерийского полка, отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, развед. роты, самоходно-артиллерийского полка, отдельной роты связи, медико-санитарного батальона, отдельной роты химзащиты и автотранспортной роты.

Для удобства комплектования полков, каждый из них формировался из добровольцев, прикрепленных к ним предприятий и учреждений.

1-й стрелковый полк комплектовался в основном из рабочих, ИТР и служащих завода «Электросила» им. С. М. Кирова и получил название «Электросиловский», хотя туда же вошли трудящиеся других заводов: карбюраторного, «Красный нефтяник», «Госметр», студенты и преподаватели институтов холодильной промышленности, ветеринарного и других предприятий района. Для размещения полка отводились общежитие институтов ветеринарного (Черниговская ул.), холодильной промышленности (Московский пр.) и другие помещения.

2-й стрелковый полк комплектовался на базе обувных предприятий-фабрик «Скороход», «Пролетарская Победа» № 1 и № 2, обувного техникума. Он получил название «Скороходовский». Туда вошли также добровольцы машиностроительного завода им. Егорова, 1-й ГЭС, добровольцы из городов Пушкин, Павловск и Кронштадт. Полк размещался в школах № 7, 11, 12, 15, 16, 23 и 364.

3-й стрелковый полк состоял из добровольцев Ленинского района, работавших на заводах «Красный треугольник», Резино-технических изделий, Шинного завода, «Металлист», завода ПТО им. С. М. Кирова, Пивоваренного завода им. Степана Разина, Гознак, а также преподавателей и студентов институтов Военно-механического и Инженерно-строительного. Под размещение полка были отведены общежития военно-механического института и школ № 17, 18, 25, 30 и 31 Ленинского района.

Более 30 предприятий Московского района участвовали в снаряжении своей дивизии.

10 июля состоялось собрание командно-политического состава 2-й ДНО.

[138] 1941 год. Страна в огне…, С. 116.

Командиром дивизии был назначен Герой Советского Союза полковник Н. С. Угрюмов, заместителем командира дивизии по политчасти – полковой комиссар П. И. Балкин, начальником штаба дивизии – полковник В. В. Скворцов.

Командиром 1-го стрелкового полка был назначен майор ветслужбы П. Г. Добряков, заместителем командира полка по политчасти – старший политрук А. С. Константинов.

Командиром 2-го стрелкового полка стал старший техник-лейтенант В. С. Лифанов, заместителем командира полка по политчасти – старший политрук Г. Е. Гродзенчик.

Командиром 3-го стрелкового полка был назначен майор П. П. Бедрицкий, заместителем командира полка по политчасти – полковой комиссар И. П. Хамармер.

Командиром артполка был назначен капитан И. Г. Хачатурян, заместителем командира полка по политчасти – батальонный комиссар А. А. Гусев.

В ближайшие дни предполагалось начать обучение ополченцев.

В этот день – 10 июля – на других участках боевых действий:

Севернее Ладожского озера войска финской Карельской армии развернули наступление на Петрозаводск и Олонец. Оборонявшаяся здесь 7-я армия Северного фронта под командованием Ф. Д. Гореленко не смогла отразить наступление противника и начала медленно отходить на восток и юго-восток. Началась оборона Карелии 1941–1944 годов войсками Северного фронта, Северного и Балтийского флотов, Беломорской, Онежской и Ладожской военных флотилий.

2-я и 3-я танковые группы 4-й немецкой танковой армии перешли в наступление из района Витебска в сторону Духовщины и из района южнее Орши в общем направлении на Ельню. Одновременно левофланговые соединения 3-й танковой группы развернули наступление с плацдармов на Западной Двине на великолукском направлении, а правофланговые соединения 2-й танковой группы – из района южнее Могилева в сторону Рославля.

Началось **Смоленское сражение**, продолжавшееся с 10 июля по 10 сентября 1941 г.

Советские 31-й стрелковый, 9-й, 19-й и 22-й механизированные корпуса 5-й армии Юго-Западного фронта нанесли контрудар со стороны Коростенского укрепленного района во фланг 1-й танковой группы и перехватили шоссе Новоград-Волынский – Житомир, затруднив снабжение передовых подразделений 3-го моторизованного корпуса противника.

Советские 15-й и 16-й механизированные корпуса нанесли удары южнее Бердичева по войскам 11-й танковой дивизии и вышли в район Холодки северо-западнее города.

11 июля

Неожиданный поворот

Итак, битва за Ленинград началась.

Немцы были полны энтузиазма. От Восточной Пруссии до реки Луга шестьсот километров, их они уже почти прошли с боями за двадцать дней. До Луги от Пскова – рукой подать. А от Луги до Ленинграда чуть больше ста километров… Ударная 1-я танковая дивизия в этот день уже должна подкатить к Плюссе. Конечно же, оставшиеся 150 км будет пройти несколько труднее, поскольку сопротивление наших войск все возрастает. Однако уж за неделю-то это точно удастся сделать. Так что осталось им воевать всего-навсего неделю, ну, максимум дней десять. И можно будет предаться триумфу и торжествам.

Однако именно в этот день, двадцатый день войны, все неожиданно пошло по-другому.

Раус: «Разведка ночью и утром 11 июля обнаружила, что давление 6-й танковой дивизии и наступление LVI танкового корпуса на Порхов вынудило русских отойти из Ямкино на Боровичи. Боевая группа “Раус”, все еще шедшая во главе 6-й танковой дивизии, повернула из Острова на северо-восток, на Порхов и Дно…

Однако мы не смогли развить наш успех, потому что генералы Эрих Геппнер и Рейнхардт внезапно отдали новые приказы…»[139]

Этот неожиданный поворот событий имел чрезвычайно важные последствия. С него следует отсчитывать начало обходного рейда немецких войск. Недаром в книге Рауса именно здесь обрывается третья глава, которая называется «К русской границе», и начинается глава четвертая «У ворот Ленинграда». И начинается она со следующих слов.

«11 июля 6-я танковая дивизия получила приказ генерала Рейнхардта прекратить наступление на восток через Порхов и Дно и помочь 1-й танковой дивизии. Та двигалась по шоссе Ленинград-Псков через Лугу и столкнулась с сильным сопротивлением русских возле Новоселья. Этот приказ стал неприятной неожиданностью для боевой группы “Раус”. Ей предстояло прекратить наступление в прежнем направлении и повернуть на 90 градусов под прямым углом к направлению движения 4-й Танковой Группы. Теперь нам придется двигаться по песчаным и болотистым дорогам, которые с незапамятных времен не использовал ни один автомобиль. Но едва боевая группа “Раус”, шедшая в голове дивизии, повернула на новое направление, как дорога, которая вела к Новоселью (если верить карте), тут же закончилась.

Обитатели жалких избенок, которые были разбросаны там и тут, искренне удивлялись, когда мы просили их провести нас вокруг болота или указать дорогу к деревне, отмеченной на наших устаревших картах где-то на линии наступления. Эти люди не знали названия, под которым была отмечена деревня на наших картах, потому что это название изменилось десятки лет назад. Часто нам приходилось полагаться только на компас и здоровые инстинкты. С помощью проводников и саперов мы шли зигзагом от деревни к деревне по самой лучшей дороге, какую только могли отыскать. Но над первым же болотцем шириной около 10 метров мост рухнул под тяжестью одного из наших легких танков PzKw-35t, и мы застряли на 5 часов, пока саперы лейтенанта Гебхардта не соорудили новый мост.

Где только было возможно, мы избегали дорог, проложенных шедшими впереди частями, иначе машины увязли бы в песке. Колонне пришлось пересечь 12 заболоченных ручьев, и каждый раз мы останавливались, чтобы дождаться, пока саперы укрепят мосты.

---

[139] Раус, СС. 91–92.

Впрочем, иногда приходилось просто сооружать новые. Пытаться обойти болотистые участки было напрасным занятием, потому что машины и танки быстро сдирали верхний слой грунта и начинали вязнуть так, что их приходилось вытаскивать другими танками. Очень часто буксировщик тоже начинал тонуть в песке рядом с машиной, которую пытался вытащить. Иногда связанные вместе машины погружались так глубоко, что приходилось использовать самое мощное, что у нас имелось, – 20-тонные полугусеничные тягачи. Перебросить эти огромные машины туда, где они требовались, само по себе представляло сложную проблему. Указанные на карте дороги были настолько узкими, что две машины просто не могли на них разойтись. Командиры метались, как на пожаре, потому что чрезвычайные ситуации возникали то здесь, то там, и добираться от одной пробки до другой приходилось пешком.

Чтобы не позволить боевой группе развалиться, я приказал делать остановки через определенные промежутки времени, если это позволяла местность. Одна из таких остановок была сделана в 16 километрах южнее Новоселья, чтобы позволить войскам привести себя в порядок и отдохнуть перед намеченной атакой. Первые машины подошли к месту стоянки в 20.00. В течение прошедшего дня единственным нашим врагом были болота. Последний грузовик появился только в 04.00 на следующее утро. Скорость продвижения не превышала 1,5 км/час. Люди и моторы страдали от нехватки воды, солдаты были измучены палящим летним солнцем. По радио я известил штаб дивизии о сложившихся условиях, и боевая группа “фон Зекендорф” была направлена по другому маршруту. Затянувшееся на целый день барахтанье в болоте было вызвано отсутствием точных карт и нехваткой инженерной техники. В результате мы не смогли атаковать Новоселье 11 июля, как намечалось».[140]

Здесь следует особо отметить, что совершить поворот 6-й танковой дивизии пришлось именно из-за того, что 1-я танковая дивизия немцев наткнулась на серьезное сопротивление под Новосельем и запросила помощи.

При работе над книгой Раус явно пользовался Боевым дневником 6-й танковой дивизии, так как он был захвачен американцами вместе с массой других военных немецких документов.[141] Соответственно, у нас нет необходимости проверять точность изложения в отношении времени и дат. Можно сделать лишь некоторые дополнения и уточнения.

В Боевом дневнике дивизии излагается кратко основная информация дня. Едва дивизия направилась по вновь намеченному маршруту, как радовавший их оставшийся целым мост 10-метровой ширины не выдержал веса немецкого Т-4 и сломался.[142]

Дивизия смогла продолжить движение лишь в 12.00.

При этом относительно основных сил 6-й дивизии, оставшихся на высоте 102, в журнале присутствуют откровенные жалобы.

Большая ее часть «застряла на песчаной, пыльной, практически лишенной тени дороге, где солнцепек сравнимый с африканской пустыней затрудняет всякую телесную активность».[143]

Температура днем до 36 градусов.

В этот день дивизия потеряла одного человека и 15 были ранены.

На обороте страницы дневника за 11 июля от руки написано:

«15.00 Раус перед Памфиловкой[144]…

---

[140] Раус, СС. 93–96.

[141] Во многом благодаря этому теперь он стал доступен и нам.

[142] Раус писал не о Т-4, который весит 25 т, а о «легком PzKw-35t» весом 10,5 т. Видимо, Раус хотел подчеркнуть еще сильнее слабость наших мостов на проселочных дорогах.

[143] NARA T 315 R 323 f 081.

[144] Алексей Фёдоров поясняет: «Дер. Панфиловка – ныне часть д. Хредино. Она находилась на левом берегу р. Ситня. Считаю, что авангард группы Рауса вышел к Хредино, пересёк мост через Ситню и стал поджидать отстающие подразделения,

18.40 … у Алексеевки».[145]

И если в случае с Памфиловкой мы имеем именно то, о чем Раус пишет в воспоминаниях – мы не знаем, что это за деревня, на наших картах такой нет – то относительно Алексеевки все обстоит благополучно. Алексеевка находится примерно в 20 км от жд станции Новоселье. Соответственно передовые части 6-й танковой дивизии остановились в этот день в 20.00, проехав за Алексеевку в сторону Новоселья за 1 час 20 минут лишь еще 4 километра, немного не дойдя до Цапельки.

Дневник начальника генштаба ОКХ вермахта

Гальдер: «В середине дня меня вызвал телефонный звонок от фельдмаршала Кейтеля. Фюрер озабочен следующими обстоятельствами:

а) медленным продвижением 9-й танковой дивизии и дивизии СС “Викинг”; б) боями на широком фронте, которые ведет 2-й армейский корпус[146] на правом фланге группы армий “Север”; следовало бы оказать ему поддержку левым флангом группы армий “Центр” и сузить фронт 2-го армейского корпуса (на самом деле обе группы армий действуют в полном контакте); в) ходом операции 4-й танковой группы, которая, как считает фюрер, может безрассудно устремиться на Ленинград и потерять при этом связь со своей пехотой».[147]

Как видим, и в воспоминаниях Рауса и в дневнике дивизии речь идет о том, что ударная 1-я танковая дивизия 4-й танковой группы натолкнулась на пути Псков-Луга уже под Новосельем на упорное сопротивление, в результате чего 6-я танковая дивизия стала переходить с правого, новгородского, фланга наступления танковой группы в центр. Это неожиданное изменение первоначальных планов, как мы увидим далее, имело чрезвычайно важные последствия.

Логика предпринятой 6-й танковой дивизией смены маршрута, из-за чего она фактически потеряла целый боевой день, невольно продиктовала ей дальнейший путь, решение о котором, теперь мы можем это отметить точно, якобы спонтанно было принято на следующий день. Это становится ясно от одного взгляда на карту.

Таким образом, именно 11 июля является тем первым днем, когда боевая группа Рауса, сделав поворот на 90°, устремилась вослед 1-й ТД на Ленинград, а не вослед 8-й тд на Новгород. И неслучайно сам Раус именно с этого дня начинает главу о прорыве к «Воротам Ленинграда».

Также следует отметить, что уже в этот день Гитлер выразил опасение о том, что левое крыло танковой группы Гепнера может «безрассудно» устремиться на Ленинград. В отличие от командования танковой группы, Гитлер смотрел на карту «с большей высоты полета».

Это ощущение возникло у фюрера отнюдь не на пустом месте. В немецких войсках действительно существовала полная уверенность, подогреваемая к тому же активной пропагандой, о скором взятии Ленинграда. Взятый в плен 11 июля на станции Плюсса немецкий майор, который был в тот же день доставлен в штаб Лужской оперативной группы (ЛОГ) к Пядышеву, однозначно утверждал, что на лужском направлении «наступает 41-й моторизованный корпус генерала Рейнгардта в составе двух танковых и одной моторизованной дивизий». То есть он

а арьергард, получив информацию, что дорога плохая, свернул всторону Алексеевки и достиг Цапельки. Как только передовые подразделения группы Рауса продвинулись от Панфиловки к Теребуням 11.07.1941, то напоролись на танки 21-й тд. Танковый бой был у д. Теребуни, это подтверждают и местные жители, но, вероятно, что советские танки из этого боя не вышли, и все былиподбиты и именно они считаются пропавшими безвести».

[145] NARA T 315 R 323 f 082.

[146] 16-й армии.

[147] Франц Гальдер, Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. М. ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. С. 107.

уже знал, что 6-я танковая дивизия не следует больше в новгородском направлении за 8-й танковой дивизией, а вместе с 1-й направляется прямо на Ленинград через Лугу.[148]

Это информация именно этого и только этого дня, потому что уже на следующий день, как мы увидим, произойдет своеобразная рокировка.

Кто же вынудил 1-ю танковую дивизию просить помощи?

Ударная немецкая дивизия наступала вдоль Киевского шоссе, и первое столкновение у нее произошло с отходящими частями 111-й стрелковой дивизии еще 10 июля. Именно тогда и началась эта история.

На основании доклада командования войск по охране тыла от 18 июля 1942 года о боевой деятельности войск НКВД можно восстановить следующую картину.[149]

10 июля 1941 г. в 22–00 член Военного совета Северо-Западного фронта генерал-майор Бочков, находясь в штабе 41-го стрелкового корпуса в районе д. Лудони, вызвал к себе начальника 9-го погранотряда, которому отдал приказ: «Части 41-го стрелкового корпуса отходят на новый оборонительный рубеж Пашково – Лобаново. Отряду занять оборону в районе Цапелька, задержать продвижение противника вдоль шоссе Псков – Ленинград, дать возможность произвести перегруппировку и занять оборону частям корпуса на новом оборонительном рубеже.

9-й погранотряд был сформирован 25 февраля 1924 года для охраны государственной границы с Эстонией. На территории Псковской области граница с прибалтийскими республиками после вхождения их в состав СССР была реорганизована в административную, но охрана границ не снималась. К началу Великой Отечественной войны отряд нес службу заграждения на протяжении 382 километров от северного берега Чудского озера до шоссе Ленинград – Двинск. В составе отряда насчитывалось 9 пограничных комендатур и 39 пограничных застав, на которых размещалось 1049 человек. Начальником отряда был майор Дергачев, заместителем по политчасти – старший политрук Дядищев, начальником штаба – майор Углов.

С началом войны 9-й погранотряд по мобилизационным предписаниям получил пополнение из близлежащих военкоматов: Лужского, Лядского, Новосельского, Палкинского, Псковского и Стругокрасненского. Количество военнослужащих призванных из запаса составляло до 30 процентов бойцов отряда.

Исполняющий обязанности начальника отряда капитан Ионов, получив приказ, выслал разведку в составе стрелкового взвода с одним станковым пулеметом с задачей разведать наличие противника в районе д. Цапелька. Но уже при подходе к д. Комарино разведка была обстреляна ружейно-пулеметным огнем, и далее продвинуться не смогла. Было установлено, что Комарино накануне занято противником численностью до полка пехоты с 20 танками.

Начальник отряда, получив данные разведки, оценив обстановку, приял решение занять оборону на рубеже: справа (исключительно) оз. Долгое, по опушке леса, что в 1,5 километрах севернее Комарино, и далее по северному берегу реки Белка, наиболее прочно прикрыть шоссе в направлении Новоселье – Лудони. Правый фланг прикрыть кавалерийским эскадроном, левый, при наличии естественных препятствий, – стрелковым взводом.

11 июля в 01.00 отряд занял оборону на указанном рубеже. В 4 часа утра противник по району обороны открыл сильный артиллерийский и минометный огонь, после чего подверг передний край обороны обработке фугасными и зажигательными бомбами.

В 9.40 под прикрытием артиллерийско-минометного огня до роты пехоты противника повело наступление на правый фланг обороны. Подпустив его на близкое расстояние, 2-я

[148] Кринов Ю.С. Лужский рубеж. Т. 1. Год 1941-й. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1987. с. 29.

[149] Пограничные войска…, СС. 704–706.

рота погранотряда открыла шквальный огонь, в результате чего наступление противника было отбито. Понеся потери, немцы отошли в исходное положение.

В 11.30 авиация противника подвергла сильной бомбардировке центральный участок обороны. Одновременно до роты автоматчиков повело наступление на правый берег. Рота пехоты при поддержке 10 танков наступала вдоль шоссе в направлении д. Новоселье, и до двух взводов автоматчиков наступало на левом фланге.

Подразделения отряда, отбивая ожесточенные атаки превосходящих сил противника и нанося ему большой урон в живой силе и технике, продолжали удерживать занимаемый рубеж обороны.

В 12.30 танки противника прорвались по шоссе в деревню Новоселье, уничтожили батарею полковой артиллерии и вышли в тыл оборонявшихся. Одновременно рота автоматчиков просочилась в боевые порядки 2-й роты, отрезала кавэскадрон, прикрывавший правый фланг, и стала окружать 2-ю и 3-ю роты. Последние после упорного сопротивления, продолжавшегося более двух часов, прикрывая выход кавэскадрону, стали отходить в тыл, ведя бой с наступающим противником.

В 13.00 техническая связь с подразделениями отряда была нарушена, в результате чего управление затруднилось.

В 14.00 до роты пехоты противника под прикрытием минометно-артиллерийского огня и при поддержке пяти танков повели наступление на левый фланг на участке, обороняемом 1-й ротой. Подпустив противника на близкое расстояние, рота открыла огонь, одновременно истребители вели борьбу с танками противника. В результате ожесточенного боя, длившегося несколько часов, противник с большими потерями отошел на исходное положение, оставив на поле боя два сожженных танка.

Не добившись успеха в первом бою, рота пехоты противника под прикрытием артиллерийско-минометного огня обошла правый фланг 1-й роты, переправилась на северный берег реки Белка, откуда стала обходить левый фланг обороны, заходя в тыл роты.

Командир 1-й роты майор Павлов разгадал замысел противника и своевременной контратакой положение восстановил, – враг был отброшен на южный берег реки Белка.

К вечеру артиллерийско-минометный огонь усилился, авиация беспрерывно бомбила боевые порядки. Противник усилил нажим на обороняющихся, вводя в бой свежие силы, имея цель отрезать путь отхода.

По приказанию члена Военного совета Северо-Западного фронта генерал-майора В. М. Бочкова 11 июля в 18.00 отряд мелкими группами с боями стал отходить на северо-восток, забрав с собой раненых, оружие и боеприпасы…

Вот что происходило в районе Новоселья в то время, когда 6-я танковая дивизия, повернув под прямым углом к своему первоначальному направлению, боролась с дорожными трудностями.

Однако вряд ли смог бы погранотряд в одиночку справиться с ударной группой 1-й танковой дивизии немцев. Помощь пограничникам оказала наша 21-я танковая дивизия, на днях прибывшая в этот район боевых действий с финского фронта.

К 10.00 11-го июля части дивизии сосредоточились в лесу в трех километрах северо-восточнее д. Николаево Стругокрасненского района. Авиация противника четыре раза подвергала бомбардировке дивизию на марше и в районе сосредоточения. Уже к 9.00 разведка доложила, что около батальона мотопехоты противника при поддержке нескольких танков занимают деревню Комарино, с ними ведут бой пограничники.

В целях ликвидации угрозы флангу и тылам дивизии при движении на Порхов, а также угрозы 21-му гаубичному артиллерийскому полку, располагавшемуся на огневых позициях в

д. Лудони, командиром дивизии было принято решение уничтожить группировку противника в районе д. Комарино ударом двумя танковыми батальонами с фронта и тыла совместно с остатками частей 90-й стрелковой дивизии и 9-го погранотряда.

С началом наступления танков на Комарино пехотинцы 90-й стрелковой дивизии от огня минометов противника разбежались, и танки сами вели бой по уничтожению противника. Боем руководил командир 42-го танкового полка полковник В. И. Заводов. В результате боя уничтожено до двух рот противника, несколько противотанковых орудий и крупнокалиберных пулеметов. Оставшиеся подразделения противника отступили на юг. Части 21-й танковой дивизии в этом бою потеряли убитыми и пропавшими без вести более 40 человек, в том числе пропал без вести командир полка полковник В. И. Заводов со своим механиком-водителем Героем Советского Союза И. Д. Сиволапом; сгорело 8 танков, пропало без вести, и оставлено на поле боя – 9 танков.

В 16.00 в штаб дивизии прибыл представитель штаба фронта с приказом о том, что дивизия входит в подчинение 1-му мехкорпусу, одновременно получена шифрограмма командира 1-го мехкорпуса о сосредоточении дивизии в районе д. Ситня Солецкого района.[150]

Не будем также забывать и о 177-й дивизии Машошина.

Любопытно, что и 9-й погранотряд и 21-я танковая дивизия по приказу командования фронтом перемещались от трассы Псков – Ленинград влево. Ворошилов совершенно явно концентрировал силы против Манштейна, устремившегося к Новгороду, полагая, вероятно, что именно здесь готовится главный обходной маневр немцев.

В немецких штабах

Гальдер: «Сведения о противнике:

а) Сохранение боеспособности действующих на фронте дивизий становится для противника все более трудно разрешимой задачей. Снова получены сведения об укомплектовании разбитых дивизий необученными контингентами.

б) Русское верховное командование поставило во главе фронтов своих лучших людей: Северо-Западный фронт возглавляет Ворошилов, Западный фронт – Тимошенко, Юго-Западный фронт – Буденный. <…>

На фронте группы армий “Север” сильные арьергарды противника при поддержке танков и авиации оказывают упорное сопротивление танковой группе Гепнера. Свои главные силы противник, по-видимому, отводит в восточном направлении. <…>»[151]

Лееб: «10.00. Разговор с генералом фон Роже, командующим тыловым районом группы армий “Север”. Организованных отрядов противника не отмечено, имеются лишь разрозненные небольшие группы вражеских солдат. Поэтому от 291-й пехотной дивизии можно забрать еще один полк».[152]

Гальдер: «Танковая группа Гепнера отбила атаки противника и завершила подготовку к дальнейшему наступлению в район юго-восточнее Ленинграда, сосредоточив основные усилия на правом фланге».[153]

---

[150] Об этих эпизодах боев см. Федоров А. Книга памяти погибших на территории Плюсского и Струго-Красненского районов Псковской области. И.: Струги Красные, 2015. Т. 1. С. 20–25.

[151] Франц Гальдер, Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. М. ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. СС. 107–109.

[152] Лебедев Ю., С. 65.

[153] Гальдер, Русская кампания…, с. 72.

Таким образом, главным направлением удара и в нашем штабе и в главном штабе немцев считалось движение на Новгород. И вдруг в такой момент немецкие генералы снимают с этого направления целую танковую дивизию!

Тот, кто принял это решение, явно не думал о том, что может произойти далее – уже 12 июля. Неожиданный поворот 6-й танковой дивизии на 90° имел свои неизбежные последствия.

Манштейн, который был явно не в восторге от последних перестановок, вполне разумно объяснял свое недовольство:

«Как бы ни была важна эта задача, такая группировка сил означала новый большой разрыв между обоими танковыми корпусами. В этом крылась опасность, что и та и другая группировка не будет обладать необходимой ударной силой. Усугублялась эта опасность тем, что сильно заболоченная и в значительной части покрытая лесом местность, отделявшая нас от Ленинграда, была не очень-то благоприятна для действий танковых корпусов».[154]

Тем не менее, правый фланг немцев, на котором остался теперь лишь LVI моторизованный корпус Манштейна с 8-й ТД, продолжал двигаться вперед.

Интересен также следующий фрагмент из Боевого дневника 6-й танковой дивизии за этот день:

«Вскоре после полудня у перекрестка взорвались 3 временные мины. В 19.00 приказ по корпусу, предусматривающий бросок к южной окраине Ленинграда. Оценка врага в этом приказе примерно соответствует представлениям дивизии, так как ясное представление о силах врага необходимо для обеспечения собственной безопасности…»[155]

Здесь особенный интерес представляет упоминание о временных минах. Это явное свидетельство о неутомимой деятельности Бычевского. Вероятно, имеется в виду перекресток у Дубровно, недалеко от которого в это время находились основные силы дивизии. Но речь, по всей видимости, следует вести не об одном, а о нескольких взрывах, и в разных местах. Мне пока не удалось точно установить, где именно были заложены фунасы. Алексей Федоров полагает что «взрыв мины был у перекрестка в д. Николаево, а не у Дубровно. Вероятнее всего радиомины были заложены на перекрестках дорог в Стругах, Николаево и Городище».

Впрочем, есть одно любопытное свидетельство.

«Возле ж.д. станции “Струги – Белая” до 1917 года находилось имение богатого швейцарского подданного Самуила Бехле… На берегу Черного озера среди соснового бора стоял барский дом… Перед домом были разбиты дорожки, газоны, клумбы цветов, альпийские горки… После Октябрьских событий 1917 года Самуил Бехле покинул Россию. В бывшем имении организовали народное хозяйство, позже в барском доме разместилось Управление военного полигона, а в начале 1930-х годов – клуб полигона. 12 июля 1941 года здание вместе с сотней танкистов 56-го механизированного корпуса вермахта было взорвано радиоуправляемой советской миной “Беми”. Усадьба не сохранилась. Сейчас здесь растут лишь кусты шиповника».[156]

Взрыв бывшего усадебного дома С. Бехле, скорее всего, следует считать событием достоверным. Однако упоминание о сотне танкистов, да еще и 56-го мехкорпуса, двигавшегося в этот момент к Новгороду, вызывает большие сомнения. Возможно, здесь произошла путаница и сотню погибших надо искать среди пехотинцев 56-й ПД. Вообще само по себе отсутствие в немецких документах резонанса от серии радиоуправляемых взрывов 11 и 12 июля может свидетельствовать либо о малой их эффективности, либо о чрезвычайной насыщенности этих дней другими драматическими событиями.[157]

---

[154] Манштейн. С. 201.

[155] NARA T 315 R 323 f 083.

[156] Розов Н. «Мир дворянских усадеб». Изд-во Сергея Маркелова. Великие Луки, 2015. С. 553.

[157] Подробнее об этом см.: Федоров А. Книга памяти… С. 46–49.

Журнал боевых действий СЗФ № 1 (201)

«11 А на правом фланге продолжала отход, левый фланг вел упорные бои за Порхов, утром противнику удалось овладеть городом.

41 ск в беспорядке отходил вдоль шоссе на Луга, командиры штарма и фронта приводили корпус в порядок и задержали на рубеже: Щир, Струги Красные и Залазы; штакор – Николаево».[158]

Сабский плацдарм

Пока шли ожесточенные бои в предполье, Лужский оборонительный рубеж вовсю готовился к предстоящим битвам. Наше командование прекрасно понимало, что разогнавшуюся машину немецкой армии в предполье надолго не удержать.

В районе Большого и Малого Сабска к исходу дня 11 июля курсанты отрыли окопы и траншеи полного профиля, подготовили огневые позиции для орудий, минометов и пулеметов. Для орудий и большинства пулеметов создали дзоты. Все они были тщательно замаскированы, подготовлены данные для огневых средств, расчищены секторы обстрела.

Какими же силами располагало училище для решения столь сложной задачи? Всего командиров, курсантов и красноармейцев насчитывалось 1906 человек. Артиллерия училища была представлена одним 76-мм орудием и двумя 45-мм пушками, двумя 82-мм и шестнадцатью 50-мм минометами. Гораздо лучше дело обстояло с пулеметами. Их было 117 (8 крупнокалиберных пулеметов ДШК, 28 станковых пулеметов «Максим» и 81 ручной пулемет). Основная масса курсантов была вооружена винтовками: самозарядных винтовок СВТ было 1157 штук, остальные 527 – трехлинейки образца 1891/30 гг. Кроме того, в училище было 32 автомата ППД. Курсанты, подготовленные в качестве истребителей танков, имели достаточное количество гранат и бутылок с горючей смесью. В каждом батальоне была радиостанция РБ, 8 телефонных аппаратов и по 9 километров полевого телефонного кабеля. Боевые действия училища поддерживал артдивизион Ленинградского артиллерийского училища (ЛАУ).

Каждый, кто хотя бы немного знаком с военным делом, понимает, что для создания прочной обороны на широком фронте такими силами и средствами требуется высокое воинское мастерство, беспредельное мужества и отвага, умелое руководство боем со стороны командиров всех степеней и высокий моральный дух всего личного состава.

Хорошо представляя, с кем предстоит в ближайшее время драться училищу, какие силы требуется остановить на дальних подступах к Ленинграду, его командование приняло ряд мер к созданию прочной обороны. Как и требовали уставы Красной Армии того времени, боевой порядок училища состоял из двух эшелонов: в первом эшелоне оборонялись 1-й и 2-й батальоны; во втором эшелоне – 3-й батальон в составе двух рот. Учитывая наличие большого промежутка между 1-м и 2-м батальонами по фронту, начальник училища полковник Г. В. Мухин приказал 9-й роте обороняться между этими батальонами в первом эшелоне. Было принято решение на танкоопасном направлении вдоль дороги Большой Сабск – Редкино заложить фугасы на 10-и километровом участке и занять позицию 120 курсантам – истребителям танков. Имеющиеся в распоряжении начальника училища 3 противотанковых орудия были поставлены на дальность огневой связи друг с другом, организовано взаимодействие с поддерживающим училище артиллерийским дивизионом ЛАУ. Впереди огневых позиций, за рекой Луга, притаилось боевое охранение.

Учитывая то, что училище имело 117 пулеметов, было решено использовать их с максимальной эффективностью: 8 крупнокалиберных пулеметов ДШК заняли огневые позиции

[158] ЦАМО, фонд 221, опись 1351, дело 20 (201), с. 23.

на флангах оборонявшихся подразделений, подготовив фланкирующий огонь по противнику в случае его вклинения в нашу оборону. Также было предусмотрено их использование в борьбе против бронемашин и бронетранспортеров. 28 станковых пулеметов получили секторы обстрела на вероятных направлениях действий противника. Имелся лостаточный обзор и для 81 ручного пулемета. Курсанты-кировцы хорошо знали военное дело, умело владели имеющимся у них оружием, знали тактику действия противника, были закалены физически.

КП Ленинградского пехотного училища имени С. М. Кирова

Яков Васильевич Завалишин, батальонный комиссар, начальник отдела политпропаганды училища

«Утром, за завтраком, начальник училища полковник Мухин спросил меня о планах на день. Я ответил, что собираюсь побывать в ротах 1-го батальона, встретиться с заместителем командира батальона по политчасти старшим политруком Синевым…

Полковник Мухин не дал мне договорить:

– Прекрасно! Нам по пути. Я еду к комбату Кузнецову.

Мы доехали до Сабска, разбросанного по берегу Луги, и пошли пешком вдоль переднего края обороны. На берегах Луги вроде ничего не изменилось: те же перелески, высотки – то круто обрывающиеся, то пологие с песчаными отмелями, те же заводи, покрытые зарослями осоки и кувшинок, поля несжатой ржи, подступающие к самому берегу. И только наметанный глаз военного различил и брустверы траншей, искусно прикрытые дерном, и бугорки дзотов.

Курсанты работали днем и ночью. События поджимали. Накануне в батальоне узнали, что противник прорвался к Пскову. При недостатке зенитных и противотанковых средств наше спасение виделось в инженерном оборудовании местности.

Мы часто останавливались, беседовали с бойцами. Настроение у ребят боевое. Но начальник училища справедливо считает, что одним моральным духом врага не остановишь. Он дотошно проверяет готовность кировцев к отражению противника, не гнушается посмотреть стрелковые карточки, поинтересоваться тем, достаточно ли широк сектор обстрела.

Во второй половине дня мы возвращаемся. По дороге Герасим Васильевич говорит: – Пожалуй, я слишком придирчив стал. Наверное, зря лейтенанту выговор объявил. Полковник, необыкновенно человеколюбивый, добрый, был искренне расстроен, когда у одного из командиров взводов обнаружил неисправный пулемет.

– Знаешь, комиссар, – продолжает начальник училища, – в курсантах я уверен. Не дрогнут. Но нельзя же голыми руками! Что сегодня у Кузнецова? Две пушки и два пульвзвода на двенадцать километров фронта!

Поскорее бы обещанный артдивизион прислали. – Задумался, потом спросил: – Комиссар, а сколько у нас коммунистов и комсомольцев?

– Тысяча двести девяносто два! – ответил я.

– Выстоим! Обязаны выстоять! – На переносице Герасима Васильевича появилась упрямая складка. Он прибавил шаг…

В шестой роте, докладывали мне, комсомольское собрание завершилось пением “Интернационала”.

Секретарь партийной комиссии сообщил, что на 11 июля в парторганизации рот и батальонов поступило от курсантов и командиров около 200 заявлений с просьбой принять их в партийные ряды. Вот оно, политикоморальное состояние кировцев накануне решающих боев!»[159]

[159] Кринов, СС. 24–26.

Ленинград. Смольный

Маркиан Михайлович Попов, генерал-лейтенант, командующий Северного фронта

«Прибывший в Ленинград главнокомандующий Северо-Западным направлением Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов вызвал меня в Смольный. Захватил необходимые материалы и отправился на доклад.

В кабинете Ворошилова кроме члена Военного совета А. А. Жданова и начальника штаба направления генерала М. В. Захарова находился представитель Северо-Западного фронта. После взаимных приветствий маршал приказал доложить ему обстановку. Выслушав меня, а затем товарища с Северо-Западного фронта, Ворошилов уточнил ряд вопросов и стал изучать оперативную карту.

Он сделал несколько замечаний относительно прикрытия флангов и совершенно неожиданно для меня приказал 70-ю, 237-ю стрелковые дивизии и 21-ю танковую, которые мы с большим трудом и даже риском сняли с северного участка и направили на Лужский рубеж, немедленно передать Северо-Западному фронту. Его решение было окончательным. И, как я понял, не обсуждалось ни с членом Военного совета, ни с начальником штаба направления. Мне оставалось собрать документы и, получив разрешение, отправиться в штаб фронта.

Дорогой, размышляя над решением маршала, я несколько успокоился. Положение у генерала П. П. Собенникова, принявшего накануне командование Северо-Западным фронтом, было трудным. Почти все его дивизии вели тяжелейшие оборонительные бои от самой границы, были сильно ослаблены. Еще хуже обстояли дела с боевой техникой. Фронт фактически не имел своей авиации, и мы вынуждены были выделить ему часть наших тоже не весьма крупных сил.

Вернувшись к себе, я поручил штабу изыскать возможности для усиления Лужской оперативной группы, увеличить плотность инженерных заграждений, а сам немедленно выехал в штаб группы, чтобы на месте внести необходимые поправки в организацию обороны. С генералом К. П. Пядышевым и его штабом мы всесторонне обсудили сложившуюся ситуацию и пришли к единому мнению: увеличить назначенные войскам участки обороны».[160]

Приведя эту выдержку из воспоминаний Попова, Кринов никак не комментирует ее. Тем не менее, в свете рассматриваемых нами событий она вдруг приобретает неожиданно важное значение. В сборнике «Оборона Ленинграда» опубликован другой фрагмент из воспоминаний Маркиана Михайловича.

«5 июля фашисты захватили Остров и стремительно продвигались к Пскову, имея в голове своего клина 2 корпуса 4-й танковой группы. Наступили очень тревожные дни. Лужская оборонительная полоса, работы на которой начались только несколько дней назад, совершенно не была готова. Дивизии народного ополчения, предназначенные для обороны этой полосы, еще формировались и не прошли даже элементарного обучения и сколачивания. В этой обстановке Военный совет решил снять с петрозаводского направления единственную там резервную 237-ю дивизию, а с Карельского перешейка резерв фронта – 78-ю сд и две танковые дивизии 10-го мехкорпуса из резерва командующего 23-й армией и направить их на лужское направление. Эти меры значительно ослабляли наш северный участок и поэтому были нежелательными и крайне рискованными. Но другого выхода из создавшегося положения у нас не было.

[160] Кринов, СС. 22–23.

10 июля Государственный Комитет Обороны принял решение об образовании трех главных командований. Северный и Северо-Западный фронты объединялись главкомом Северо-Западного направления К. Е. Ворошиловым и членом Военного совета А. А. Ждановым. К. Е. Ворошилов немедленно прибыл в Ленинград с небольшим штабом, возглавлявшимся генералом М. В. Захаровым. Вскоре, к нашему большому огорчению, главком приказал обе стрелковые дивизии и одну танковую, снятые нами с северного участка и направленные на лужское направление, передать Северо-Западному фронту. Это его решение не обсуждалось на Военном совете и поэтому было для нас совершенно неожиданным. Мне пришлось поручить штабу изыскивать еще какие-либо возможности для усиления Лужской оперативной группы, а самому немедленно выехать туда с тем, чтобы внести необходимые поправки в организацию обороны. После всестороннего обсуждения с К. П. Пядышевым и его штабом был найден только один выход из положения – растянуть соответственно участки обороны имеющихся войск (с учетом подходящих ДНО), конечно, до разумных пределов, а на менее важных направлениях ограничиться наблюдением небольшими отрядами.

Я просил К. П. Пядышева, расставаясь с ним, все перегруппировки произвести как можно быстрее и оперативнее, так как между Псковом и рекой Плюссой никаких войск, кроме отходящих в беспорядке разрозненных групп Северо-Западного фронта, нет, а особенно полагаться на успешное сопротивление наших войск в предполье нельзя».[161]

Таким образом получается, что прибывший в Ленинград новый главнокомандующий Ворошилов, не входя в частности, сразу же бросил выкроенные для занятия позиций на Лужском рубеже обороны подразделения в топку отступающего фронта, вероятно, рассчитывая этим выиграть немного времени, потребного ему для более полного освоения обстановки.

В результате образовались еще более растянутые участки обороны и – откровенная дыра в Поречье.

Также фрагментарно приводит Кринов и воспоминания главкома ВВС.

Александр Александрович Новиков, генерал-майор авиации, командующий ВВС фронта

«Вечером 11 июля я встретился с начальником разведотдела фронта комбригом Евстигнеевым. Из разговора с ним узнал, что на правом фланге Лужской оперативной группы складывается тревожная обстановка (и узнал, что правый фланг Лужской оперативной группы мы не успели подготовить к обороне…)

– Командующий фронтом требует точные сведения о противнике. А где их взять в такой обстановке? – говорил Петр Петрович. – В направлении на Гдов замечены какие-то танки, там же оказались 1-я и 56-я пехотные дивизии из 18-й армии. Почему они очутились в полосе 4-й танковой группы? Ведь 18-я армия наступает в Эстонии. Наша разведка этого объяснить не может, а пленных нет. А на правом фланге Пядышева почти голо: только курсанты пехотного училища да под Кингисеппом одна стрелковая дивизия. 2-я дивизия народного ополчения еще в эшелонах, на подходе. Попову все это не нравится, да и мне, признаться. Откуда там танки и чьи они? Твои летчики ничего подозрительного в районе Гдова не замечали? – с надеждой спросил меня Евстигнеев.

– Пока нет, Петр Петрович. Проверю, и если что интересное, обязательно сообщу.

– Вы скажите летчикам, чтобы они были повнимательнее, – сказал в заключение Евстигнеев.

[161] Оборона Ленинграда, СС. 48–50.

Предчувствие, тревожившее Попова, оказалось не напрасным. Мы едва не проворонили стремительный бросок 41-го моторизованного корпуса на правый фланг Лужской оперативной группы. Вырвись противник на Копорское плато, вся наша 8-я армия оказалась бы запертой в Эстонии, а Ленинград – под угрозой прямого удара не только с юга, но и с запада.

После разговора с Евстигнеевым я вызвал разведчиков. Они доложили, что летчики совершая разведывательные полеты, обнаружили в направлении на Кингисепп – Гдов немецкие механизированные и танковые колонны. Отдельные группы танков и автомашин были замечены в нескольких десятках километров северо-западнее шоссе Псков – Ленинград. На правом фланге назревали какие-то серьезные события».[162]

Здесь курсивом набран текст из воспоминаний самого Новикова, дополняющий или уточняющий разговор, сокращенно воспроизведенный Криновым. В более полном варианте текст воспоминаний вызывает вопрос. Если пленных нет, этот разговор можно отнести к 11 июля, а если 2-я ДНО уже в эшелонах на подходе, то этот разговор происходил никак не ранее 13 июля.

Логичнее всего предположить, что это совещание имело место вечером 12 июля.

Однако, не имея однозначных доказательств такого перемещения, оставляю описание этого совещания здесь.

Важно отметить, что разговор пока еще касается лишь возможного прорыва немцев к Гдову, а затем к Кингисеппу. А на этом направлении уже ждала врага 191-я стрелковая дивизия. Так что нашему командованию паниковать пока было особенно не с чего.

Лужское направление. Южная окраина города Луги, Лангина гора. Штаб 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии

«На Плюссе не затихают артиллерийская канонада и ружейно-пулеметная перестрелка. Передовые отряды противника настойчиво стремятся форсировать реку. Обстановка крайне напряженная. Для нас это первый бой.

Комдив в 483-м полку. Всю ночь в штабе дивизии никто не сомкнул глаз.

Непрерывно держим связь со штабом полка. Постоянно запрашивает обстановку штаб Лужской оперативной группы.

Пока сведения из 483-го полка не вызывают тревоги. Наше боевое охранение совместно с сохранившими боеспособность отходящими подразделениями 90-й и 111-й дивизий отражает попытки противника захватить плацдарм.

Неожиданно получили мощное усиление. Рано утром в штаб дивизии прибыл командир 10-го мехкорпуса генерал И. Г. Лазарев и сообщил, что по приказу командующего фронтом совместно с нашей дивизией будет действовать 24-я танковая дивизия.[163] Он попросил ознакомить его с обстановкой и порекомендовал нам для улучшения управления частями выслать поближе к переднему краю оперативную группу штаба дивизии.

Было принято решение КП опергруппы разместить в деревне Рютень, километрах в десяти от боевого охранения. Вместе с группой командиров штаба я выехал на наш новый командный пункт. В Рютени меня встретил начальник разведки дивизии и доложил, что подчиненные комполка Харитонова захватили "языка". Это офицер и, как сообщили, важный чин.

---

[162] Кринов, СС. 23–24. Новиков, СС. 86–87.

[163] Одну из двух снятых с севера танковых дивизий 10-го мехкорпуса Ворошилов все же оставил на Лужском рубеже обороны.

Я решил позвонить Харитонову. Но, как иногда бывает, в самый нужный момент связь не работала. Телефонисты стали вызывать КП 483-го полка по обходным линиям. И когда дозвонились, то из-за плохой слышимости лишь удалось выяснить, что подполковника на КП нет.

Спустя немного времени возле КП остановилась полуторка. Бойцы доставили пленного. Это был майор гитлеровской армии. Сопровождавший пленного лейтенант рассказал подробности его пленения. Рота занимала оборону в районе станции Плюсса. На перроне находилась группа бойцов. Вдруг кто-то заметил, что со стороны Пскова катит мотовагончик. Спросили железнодорожников: чей, кто может ехать? Начальник станции, пожав плечами, ответил, что все поезда со стороны Пскова проследовали еще вчера, и связи нет даже со Стругами. Пока суд да дело, мотовагончик остановился.

На пути выскочила группа солдат и направилась к станции. Кто-то крикнул:

– Ребята, это ж фашисты! Огонь!

И началась такая пальба, будто высадилось не меньше роты. Гитлеровцы, отстреливаясь из автоматов, бросились к вагончику. Но никто из них добежать не успел. Когда перестрелка стихла, из мотовагончика вышел мертвенно-бледный офицер. Он поднял руки и направился к нашим бойцам.

В академии я изучал немецкий язык, был знаком с военной лексикой. Стал допрашивать пленного. Он сообщил, что на нашем направлении наступает 41-й моторизованный корпус генерала Рейнгардта в составе двух танковых и одной моторизованной дивизий. Кроме того, Рейнгардту подчинена 269-я пехотная дивизия. Корпус имеет задачу захватить Ленинград. Как офицер-железнодорожник, майор получил задание проехать на дрезине до Луги, проверить состояние путей и взять на учет подвижной состав. В штабе группы армий “Север” его подвели: сказали, что Рейнгардт находится на подступах к Луге…

Майор говорил со мной по-немецки, иногда вставлял русские слова. Он объяснил, что в свое время работал с нашими железнодорожниками и немного освоил русский язык. И как специалиста, знающего русские железные дороги, его мобилизовали в войска вермахта.

Допрос прервал телефонный звонок Машошина:

– Иван Семенович! Что ж ты держишь “гостя”? Пядышев, как узнал о нем, житья не дает. Да и мне хочется на живого гитлеровца посмотреть. С империалистической не встречались…

Пленного под охраной я отправил в штаб Лужской оперативной группы. Ночью сопровождавшие его вернулись, старший доложил о выполнении приказания и сообщил, что немецкий майор дорогой по-русски разговорился. Обещал всякие блага, если его отпустим. Все равно, дескать, через неделю армия фюрера будет в Ленинграде».[164]

Документальная строка

«Ленинград. Государственный Комитет Обороны принял решение перебазировать из Ленинграда и Ленинградской области на восток еще 80 заводов и 13 центральных конструкторских бюро. Целиком или отдельными цехами Охтинский химический комбинат, заводы имени В. И. Ленина, “Экономайзер”, имени Я. М. Свердлова направлялись в Свердловск, заводы Кировский и имени “Комсомольской правды” – в Нижний Тагил, “Вулкан” и имени Карла Маркса – в Ташкент и т. д.

В первую очередь эвакуировались предприятия ведущих отраслей промышленности».[165]

В этот день полкам 2-й ДНО вручались Красные Знамена.

---

[164] Кринов, СС. 27–29.

[165] Кринов, С. 29.

Антюфеев: «11 июля в Ленинград прибыл маршал К. Е. Ворошилов, назначенный накануне постановлением Государственного Комитета Обороны главнокомандующим Северо-Западным направлением. Главком, ознакомившись с обстановкой на Северо-Западном и Северном фронтах, приказал скорее отправить в бой новые ополченские формирования…»[166]

Смоленское сражение. 3-я танковая группа немцев прорвала оборону на стыке 22-й и 20-й армий Западного фронта и овладела городом Витебск. 2-я танковая группа форсировала Днепр севернее и южнее Могилева.

Киевская операция. 1-я танковая группа немцев вышла к реке Ирпень, где была остановлена упорной обороной на рубеже Киевского УР. Войска Юго-Западного фронта оказались расчлененными на две части: северную, включавшую 5-ю армию, которая заняла Коростенский УР, и южную – основные силы фронта в составе 6-й, 26-й и 12-й армии, которые вышли на Новоград-Волынский и Лотичевский УР.

В этот день на аэродроме Купля в 3-м отряде 13-й отдельной истребительной эскадрильи 61-й авиабригады ВВС КБФ появились «семь ранее невиданных самолетов».

Лашкевич: «Новым самолетом, которым вооружался отряд, оказался штурмовик Ил-2, оснащенный мощным вооружением: 400 килограммов бомб, 8 реактивных снарядов РС-132, 2 пушки калибром 23 мм и 2 пулемета калибром 7,62 мм… Они были крупнее истребителей, но меньше бомбардировщиков. Характерная кабина с фонарем-горбом отличала их от других самолетов. Из-за этой горбинки впоследствии Ил-2 и прозовут “горбатым”. Мотор и кабина летчика имели броневую защиту, но сам фюзеляж был деревянный – клееная фанера. Самолет был оборудован радиосвязью. Высокие крепкие шасси убирались и выпускались при помощи пневмосистемы. В передней части крыльев торчали крупнокалиберные пушки и пулеметы. На Ленинградском фронте и Балтике эти самолеты появились впервые…»[167]

[166] Ополченцы, С. 24.

[167] Лашкевич, С. 46.

12 июля

Маневр, начатый немцами 11 июля, в этот день получил свое естественное продолжение.

Раус: «На следующее утро наши головные подразделения атаковали фланг русских сил, охранявших шоссе. О том, что русские занимают южный берег мелкой болотистой речушки, мы узнали еще накануне.[168] После короткого и жаркого боя, в котором участвовали и танки, мы опрокинули фланговое охранение в реку. В этом бою впервые на русском фронте появились американские танки-амфибии. 6 из них были уничтожены огнем наших танков и противотанковых пушек, стрелявших с близкого расстояния из леса: 3 были уничтожены на суше, а еще 3 – при попытке пересечь реку. Первые немецкие солдаты, переправившиеся на северный берег речки, захватили 2 амфибии в совершенно исправном состоянии.

Заболоченная речка глубиной около 2 метров представляла собой серьезное препятствие, поэтому саперам пришлось строить мост для переправы главных сил боевой группы. К 10.00 вся колонна завершила переправу, а потом, уничтожив еще несколько русских танков, отбросила противника на юг от Новоселья».[169]

Со стороны Красной Армии к 12 июля оборону на фронте Комарино – Щирск занимали остатки подразделений 90-й стрелковой дивизии, в состав которой влились до 500 человек из отступившей и потерявшей управление 111-й сд.

Во второй половине дня была предпринята общая массированная атака с фланга и тыла, после чего оборона советских войск рухнула. Разбитые подразделения 90-й и 111-й стрелковых дивизий отступили в близлежащие лесные массивы в районе деревень Новоселье[170] и Щирск. 1-я танковая дивизия противника продолжала развивать наступление по шоссе Псков – Луга, а 6-я танковая дивизия остановилась, чтобы привести свои части в порядок.

Странно видеть в книге профессионального танкиста упоминание о каких-то американских танках да еще и амфибиях на берегах русской реки в 1941 году. И американцы не поправили его, не сказали, что начали серийно выпускать танки-амфибии лишь в 1942 году. Вероятно, им было лестно такое заблуждение немецкого танкиста. Скорее всего, немцы столкнулись с советскими танками-амфибиями Т-37А или Т-38. Они не очень хорошо зарекомендовали себя в бою и к этому времени были сняты с серийного производства. Однако в первые недели войны их было еще много.

Основная масса малых плавающих танков Т-37А и Т-38 была потеряна в первый месяц Великой Отечественной, так и не вступив в бой с врагом. Причем главным образом танки бросали свои же экипажи из-за поломок и неисправностей. Лишь в считанных случаях, при грамотном использовании, этим слабым машинам удавалось оказать эффективную поддержку нашей пехоте.

Возможно, Рауса ввело в заблуждение то, что наш танк-амфибия был создан по образцу английского танка-амфибии Vickers-Carden-Loyd, а на внешний вид и в самом деле производил впечатление какой-то американской диковины.

---

[168] Возможно, река Курея, левый приток Плюссы. А возможно и та же река Белка, на берегах которой дрались части погранотряда. Алексей Федоров полагает, что «танки 21-й тд, ударив от Николаево в сторону Лудони одним кулаком, вторым свернули на юг в сторону дер. Щирск, вероятно, решив обходным маневром ударить по немцам с юга, тем более, что тогда там был мост через реку Белка, но то ли мост был непригоден для танков, то ли форсировать Белку не смогли или не успели, так как в Щирске или Теребунях напоролисьна немцев из группы Рауса, там и полегли».

[169] Раус, С. 96.

[170] Здесь д. Новоселье Солецкого района, севернее Вшели.

Более того, несмотря на то, что Раус рассказывает очень живо и увлекательно, на этот раз в Боевом дневнике 6-й танковой дивизии за 12 июля история выглядит значительно интересней:

«3.00 – согласно приказу по дивизии № 17 ударные группы Линбрунна и Колля объединились для нового броска вперед (вместо ударной группы Рауса, у которой возникли определенные трудности с продвижением вперед)…

Оценка противника дивизии к полудню: многочисленные войска входивших в соприкосновение в восточном направлении и рассеянных дивизий, блокированные в лесах пытаются действовать из засад. При этом сомнительно, что враг управляется сверху из сохранивших связь командных пунктов. Отход происходит под защитой мощных бронированных железом тяжелейших танков. Перед дивизией открывается нагромождение высот, что представляет возможность при наименьшем руководстве создать своеобразную крепкую оборону Ленинграда. Наскок на этот крепкий вражеский рубеж 1-й танковой дивизии мог бы потребовать всех ее сил. Прямой бросок в Ленинград становится, таким образом, непростым вопросом.

Боевая группа Рауса наткнулась на вражеское сопротивление. Это тот же самый противник, о котором 1-я дивизия докладывала, что он неприятно ударил им в правый фланг. Враг был рассеян к 14.00».[171]

Тот же самый враг – это, как мы выяснили, наша 21-я танковая дивизия, которая в этот день следовала встречным курсом 6-й танковой дивизии немцев. На этот раз «сильный враг» не был «рассеян», а ушел в сторону Порхова, не дав себя в обиду с фланга.

Раус: «Во второй половине дня мы предприняли общую атаку русского фланга, в то время как остальные силы (в том числе танковый батальон) атаковали русских с тыла. После упорного боя наши силы смяли фланг русских, а танки разгромили тылы, и после этого оборона русских рухнула. Мы стали приводить в порядок свои части, а 1-я танковая дивизия начала преследование.

Едва боевая группа “Раус” сумела собраться вместе, как мы получили приказ наступать на север и захватить мост через реку Плюсса в Лядах, чтобы создать плацдарм на противоположном берегу. Этот приказ разбил вдребезги наши надежды хорошенько отоспаться ночью».[172]

Здесь опять же в Боевом дневнике есть важные дополнения к создаваемой Раусом в воспоминаниях картине:

«Трудности пути значительны. Марш передового отряда дивизии на расстояние 25 км длился с 12.00 до 20.30. Жара парализующая. К счастью, вечером наступило похолодание. Авиация врага активна. Особенно заметны вражеские истребители. Наши саперы работают изо всех сил, прокладывая по песчаным лесным дорогам покрытие из бревен.

В 20.40 вскоре по прибытии на новую див. стоянку старший лейтенант Линбрунн доложил, что он не может далее разведывать путь, поскольку с другой стороны большой дороги все пути перекрыли маршевые колонны 36-й ПД. В то же время поступил приказ из корпуса сначала восстановить проводную связь с дивизией и только после этого двигаться дальше. Станет легче получить уведомление о том, чтобы 36-я ПД не перекрывала дорогу, которая должна тем временем просохнуть. Связи 1-й ТД с корпусом также нет. Дорога же должна пересекаться

[171] NARA T 315 R 323 f 085.

[172] Раус, СС. 96–97.

регулируемо. Наконец, дивизии предоставлено на выбор, двинется она в путь вместе с обеими передовыми группами тотчас или же с рассветом. Боевая группа Рауса приняла решение тотчас – пересечь дорогу перед идущей впереди 1-й ТД и завоевать предмостное укрепление в Лядах. Отряд Граберта подчинен. Боевая группа Линбрунна выступает первой 13.7 на рассвете по разведанному пути. Дивизия надеется, что с левого фланга корпус защищен озером Пейпус, и 36-я мот. ПД быстро завоюет здесь пространство и тем самым поможет 1-й ТД в ее тяжелой борьбе».[173]

Боевой дневник этого дня растянулся на две страницы. На обороте первой страницы две строчки вписаны от руки:

«19.40 Приказ корпусу тотчас выступать на Ляды.

21.15 Раусу как действовать дальше».

В конце второй страницы важные отметки о том, что у дивизии забрали зенитную батарею 601, но зато придали ей отряд особого назначения Граберта.

Еще более важные сведения вписаны на обороте второй страницы от руки:

«11.30 Приказ армейскому корпусу: как можно быстрее достичь моста через Лугу у Поречья.

Раус в 6.35 у Бешково».[174]

Итак, к 11.30 12 июля захват переправы у Поречья с немецкой стороны уже был делом решенным. Причем, стремительность принятия этого приказа пока еще нам не совсем понятна.

Ленинград. Смольный

Главком авиации Северного фронта А. А. Новиков:

«12 июля запомнилось во всех подробностях.

В этот день, во второй половине его, мне на стол положили донесение, в котором говорилось, что воздушная разведка обнаружила известный уже читателю фланговый маневр 41-го моторизованного корпуса генерала Рейнгардта в сторону Кингисеппа. Части его были замечены в нескольких десятках километров на северо-запад от шоссе Псков – Ленинград – в районе селения Ляды. Если бы я не знал, что собой представляет правый фланг Лужского оборонительного рубежа, то, наверное, это неожиданное известие встревожило бы меня не столь сильно. Я, конечно, немедленно доложил бы о нем командованию фронта, но этим бы и ограничился. Теперь же счел необходимым сам проявить инициативу: немедленно приказал установить за противником постоянное воздушное наблюдение и тотчас докладывать мне о данных разведки.[175] Одновременно распорядился взять под контроль и дорогу Псков – Гдов, по которой отступала наша 118-я стрелковая дивизия…»[176]

Попытки найти в нашем архиве донесение, которое «легло на стол» главкома Новикова во второй половине дня 12 июля успехом не увенчались.

Начальник штаба ВВС Северного Фронта генерал-майор Некрасов подавал оперативную сводку дважды в день, по состоянию на 5.00 и по состоянию на 17.00. Ни за 11.7, ни за 12.7 ни в утренней, ни в вечерней сводке никакой речи о подобном маневре немецких войск нет.

---

[173] NARA T 315 R 323 f 085.

[174] NARA T 315 R 323 f 086.

[175] А разве накануне, после разговора с Евстигнеевым, это еще не было сделано? При чем еще более странно то, что в книге тот происходивший накануне разговор дан после этого пассажа, а не до.

[176] Новиков, В небе Ленинграда. С. 86.

В оперативной сводке штаба СЗФ 12.7.41. «11» ч. «05» м.[177] также никакой речи о Лядах нет.

Там всего лишь вписана от руки строчка, по-видимому, полученная вдогонку основным сообщениям: «6.00 12.7 авиация наблюдала движение мото-мех. колонн по дороге Псков – Елизарово».

Дорога из Пскова через Елизарово ведет на Гдов. Движение немецких мото-мех. частей по этой дороге возникло вполне естественно. Это характеризовало общую тактику продвижения вперед немецких войск. Достигнув какого-либо пункта и закрепившись в нем, они начинали разведку всех дальнейших возможных направлений развития экспансии. Сначала по всем дорогам и дорожкам выезжали мотоциклисты, за ними отправлялись бронемашины пехоты с крупнокалиберными пулеметами и легкие танки. По более перспективным направлениям двигались боевые группы, имевшие в своем составе уже не только мотоциклы, бронемашины и легкие танки, но еще и средние танки, артиллерию, а также передвижные зенитные установки. И уже только после этого, соответственно результатам такой разведки, по пройденной ими дороге выдвигались основные силы танковых дивизий – главные кулаки прорыва фронта.

При такой организации боевой деятельности было бы странным, если бы немцы вообще проигнорировали дорогу Псков – Гдов, которая, хотя и была в ужасном состоянии, но все же вела в нужном направлении.

Таким образом, это само по себе еще не являлось никаким обходным маневром. Тем более что в Кингисеппе, расположенном на пути Псков – Гдов – Ленинград, стояла наша 191-я стрелковая дивизия, и к Гдову как раз в это время отходила 118-я стрелковая дивизия.

В этом смысле даже захват немцами 12 июля Струг Красных еще никак не раскрывал их карты, поскольку через Струги Красные дорога от Новоселья идет опять все к той же Плюссе, почти параллельно трассе Псков – Луга.

Но если даже в такой ситуации можно было предположить, что 6-я танковая дивизия из Струг Красных вновь повернет налево и отправится на Ляды, то через Ляды от Струг Красных дорога ведет опять все к тому же Гдову. Главком ВВС, конечно же, вполне мог предположить, что немцы рванут в Ляды. Однако никому из наших военачальников в тот день явно и в голову не пришло, что после Ляд немцы снова свернут и у мостов в Поречье и Сабске могут появиться гораздо более крупные силы, чем только роты разведки. Что мы и увидим в дальнейшем.

Итак, согласно процитированному выше фрагменту воспоминаний Новикова, наша авиаразведка «увидела» немцев в Лядах 12 июля, тотчас же как только у немцев возникла мысль в головах об этом населенном пункте. Однако немцы в это время только-только добрались до Струг Красных (6-я танковая дивизия) и подошли к Плюссе (1-я танковая дивизия). Тенденция изложения событий в наших источниках здесь налицо. Особенно отчетливо выявляет явную тенденцию изложения событий главкомом Новиковым продолжение этого пассажа:

Новиков: «Вечером, 12 июля, предварительно заручившись согласием главкома Северо-Западного направления К. Е. Ворошилова о привлечении морской авиации для оказания помощи нашим войскам под Ивановским и Большим Сабском, я был у командующего ВВС КБФ генерала В. В. Ермаченкова и договорился с ним о совместных действиях.

Вернулся я в штаб на Дворцовую площадь поздно и сразу же потребовал боевую сводку дня. Ничего утешительного в ней не было. Правда, под Лугой противник безуспешно пытался занять предполье, но на новгородском направлении соединения 56-го моторизованного корпуса теснили нас на Сольцы».[178]

---

[177] ЦАМО, фонд 221, опись 1351, дело 57_1, лл. 132–133.

[178] Новиков, В небе Ленинграда, С. 88.

Здесь уже речь идет о поддержке наших войск под Ивановским и Большим Сабском, в то время как говорить об этом можно было, как мы увидим далее, не ранее утра 14 июля.

Еще более любопытно то, что Новиков рассказывает об этом вечере 12 июля уже после того, как рассказал о начале жестоких боев под Ивановским и Большим Сабском.

Особенно любопытно в связи с этим изложение этого эпизода у Мирослава Морозова:

«Вечером 12-го командующий ВВС Северного фронта генерал А. А. Новиков, в распоряжении которого уже не оставалось свободной авиации, договорился с генералом Ермаченковым об организации ударов по немецким войскам, двигавшимся по Копорскому плато. Еще сутки ушли на разведку и планирование налетов. В результате задержать продвижение передовых частей врага ударами авиации не удалось».[179]

Вот он, результат изложения событий постфактум. Здесь совершенно автоматически употреблено название Копорское плато, к которому, согласно позднее установившейся официальной трактовке, немцы в этот момент только еще устремились. У Морозова немцы уже движутся по Копорскому плато, опережая события даже не на сутки, а едва ли не на месяц. Да и как же иначе было объяснить то, что на столь заблаговременно обнаруженный маневр наша авиация обрушилась лишь спустя двое суток.

Логика построения канвы событий требует от «редакторов» особой внимательности. Воспоминания главкома Новикова поддержаны другими воспоминаниями.

Тем не менее следует, скорее, признать: все то, о чем говорили здесь Новиков и Морозов, относится не к 12, а к 13 июля. В таком случае, как мы увидим далее, картина событий перестает быть насквозь противоречивой.

Стенограмма сообщения тов. Колобашкина Владимира Антоновича – секретаря Районного Комитета партии

«В дивизии (2-й ДНО – В.Р.) было все спокойно. Все занимались. Вдруг в середине дня 12 июля был получен приказ о том, чтобы дивизии подготовиться к отправке.

Было выделено 9 или 10 эшелонов. Надо было разбить и материальную часть и людской состав на эти десять эшелонов. Был составлен график отправки. С каждым эшелоном должен был ехать работник политотдела. До каждого бойца было доведено, что дивизия отправляется. Народ весь это очень переживал. Затем, правда, произошло опоздание».[180]

Это свидетельство склоняет к тому, о чем мы говорили выше – совещание в Смольном происходило не вечером 11, а вечером 12 июля. В таком случае действительно распоряжение об отправке 2-й ДНО на фронт было дано уже днем 12 июля, о чем там и говорилось – дивизия уже готовится к отправке и «завтра первые эшелоны…»

Однако почему-то произошло опоздание, и опоздание это затянулось…

Ленинград. Московский район. Штаб 2-й дивизии народного ополчения

Николай Степанович Угрюмов, Герой Советского Союза, полковник, командир дивизии [181]

[179] Морская торпедоносная авиация. Том I. Глава 3. Минно-торпедная авиация Краснознаменного Балтийского флота.

[180] ЦГАИПД, ф. 4000, оп.5, св.593, д.3182.

[181] Кринов…

«С утра[182] я находился в штабе, просматривал документы. Комплектование дивизии личным составом можно было считать завершенным. Фабрики и заводы Московского района основательно помогли в экипировке ополченцев. С вооружением сложнее. Винтовки получили полностью, а станковых и ручных пулеметов меньше половины положенного по штатам. Полковая артиллерия чуть ли не из музея.

Решил поехать к фронтовым вооруженцам сам и попытаться по старой дружбе кое-что "выбить". Но срочно позвали к телефону. Командующий Ленинградской армией народного ополчения вызывал в штаб, который находился в бывшем Мариинском дворце. "Вот, – подумал я, – и хорошо, заодно утрясу кое-какие вопросы по кадрам и материально-техническому обеспечению".

Генерала А. И. Субботина, нашего командарма, я знал по мирному времени, когда он был помощником начальника штаба Ленинградского военного округа. Он часто приезжал к нам в 70-ю дивизию, бывал в батальоне, которым я тогда командовал. Его советы и указания всегда были ясными и дельными. Чувствовалось, что каждое слово у него обдумано.

На этот раз, как мне показалось, Александр Иванович был очень озабочен. Он поздоровался со мной и сразу же подвел к столу, на котором была разложена карта с нанесенной обстановкой. Сказал:

– Знаю, Николай Степанович, что дивизия еще недостаточно подготовлена к боевым действиям. Но время не терпит, надо выступать на фронт. Дивизии надлежит занять оборону по восточному берегу реки Луги южнее Кингисеппа. Она включается в состав Лужской оперативной группы. Все дальнейшие указания – у генерала Пядышева, командующего группой.

Разговор на этом закончился. Генерал Субботин дал понять, что спрашивать его о чем-либо бесполезно.

– Есть, товарищ командующий! Слушаюсь, – ответил я.

– Вот и хорошо, Николай Степанович! – внезапно потеплевшим голосом сказал командарм и крепко пожал руку.

Вернувшись в дивизию, я вызвал начальника штаба, начальников служб, и мы стали спешно разрабатывать документы на передвижение в эшелонах. Сделать нужные расчеты было не просто. Выяснилось, что некоторые командиры понятия об этом не имеют. К тому же части находились еще в стадии формирования, со складов продолжало поступать военное имущество. С трудом подготовив заявки, я отправил их с командиром штаба военному коменданту железнодорожной станции Ленинград-товарный-Витебский».[183]

Здесь, как мы видим, Угрюмов не говорит ничего лишнего. Нет речи ни о Лядах, ни о Поречье с Сабском.

Однако он же в сборнике «Ополченцы» рассказывает этот эпизод несколько иначе:

«12 июля меня вызвали в штаб армии.

– Знаю, – сказал генерал-майор Субботин, – что дивизия еще недостаточно подготовлена к боям, но время не терпит – надо выступать…

Командующий коротко обрисовал обстановку: 5 июля противник занял Остров, 9 июля – Псков. 12 июля фашистские войска, наступавшие вдоль шоссе Псков – Луга, подошли к реке Плюссе.

– Вам ставится задача, – продолжал Субботин, – занять оборону на реке Луге у Кингисеппа. Войдете в состав Лужской оперативной группы. Командующий – генерал-лейтенант Пядышев.

[182] Здесь речь также идет о 12 июля.

[183] Кринов, СС. 34–35.

Нам следовало отправиться к Кингисеппу в пятнадцать часов 13 июля. Однако подача вагонов задержалась. Лишь в ночь на 14 июля эшелон с первым, электросиловским полком отошел от станции».[184]

Тем не менее, хотя «редакторы» и постарались еще точнее вписать текст в выстраиваемую ими канву событий, претензий лично к Угрюмову и здесь нет никаких.

Наше командование явно отправляло 2-ю ДНО на второстепенный, по их понятиям, участок фронта – прикрыть дыру на левом фланге 191-й стрелковой дивизии, стоящей в Кингисеппе и правом фланге курсантов, занявших оборону в Сабске.

Никому из наших командиров в этот момент и в голову не пришло, что именно эта едва-едва на живую нитку сшитая дивизия как раз и примет на этом участке фронта первый удар мобильных передовых частей немецкой 6-й танковой дивизии.

Недаром Угрюмов говорит, что они должны были отправиться к Кингисеппу. Ни о каком Ивановском здесь еще речи нет.

Также везде настаивает на своей версии развития событий весьма достойный участник боев под селом Ивановским гвардии подполковник П. Д. Бархатов:

«12.7-1941 г. полк прибыл на Витебскую-Товарную. Наш дивизион погрузился в эшелон. Среди личного состава пошел разговор: “На тактическое учение поедем”.

Во время марша прибыл командир батареи – арттехник лейтенант (фамилии не помню).

Вооружение было получено не полностью и закрепить его не успели. Перед отъездом из дивизиона системы 152-мм гаубицы были взяты и заменены разными калибрами».[185]

Большинство документов и логика развития событий не подтверждают правоты его слов о столь раннем выезде артполка. Однако свидетельство это просто так из контекста не выкинешь.

Возможно, двойная и к тому же неверная датировка, приведенная в воспоминаниях другого ополченца, еще вернее позволит нам отнести эту ошибку на счет «редакторов» (сборщиков) воспоминаний?

Воспоминания бывшего бойца 3-го взвода 8-й роты 3-го стрелкового полка 2-й Московской дивизии народного ополчения Ленинграда Шутова Юрия Дементьевича (до ухода в ополчение был студентом ЛИСИ):

«И 12-го (14-го) июля 1941 г. в том составе мы пели в последний раз. С винтовками за плечами, с песнями на устах шли мы по улицам Ленинграда на бой с врагом, провожаемые сплошными шпалерами родных горожан… Ушли, чтобы победить, а если надо и умереть, но не отступить перед врагом».[186]

Как видим, в документе даны сразу два числа, потому что вспоминавший точно не помнил, какого именно числа это происходило. А возможно, был просто запутан «редакторами». На самом деле здесь речь идет не о 12 и не о 14, а о 13 июля.

Поддерживает эту версию и следующий пассаж.

---

[184] Ополченцы, СС. 30–31.

[185] ЦГАИПД, фонд 4000, оп.10, д.1350.

[186] ЦГАИПД, ф. 4000, оп.17, д.40.

Беседа с Иваном Федоровичем Андреевым – бывшим бойцом 85-го истребительного батальона, приданного 2-й Московской ДНО:

«Числа 12 или 13 июля ночью или на рассвете, явился командир, нас подняли и нам зачитали фамилии примерно половины состава. Им приказали построиться. Они быстро оделись, построились и их повели, как мы полагали, на какую-то тренировку…

Как мы потом узнали, их в тот же день отправили под Лугу. Это были дни, когда немцы прорвались на реку Лугу».[187]

Это рассказывает боец истребительного батальона, которые отправлялись «под Лугу», как мы увидим далее, следом за ополченцами, то есть уже 15 июля.

Но главное заключается для нас в том, что никакой речи о Лядах, Поречье, Ивановском и Сабске 12 июля еще не могло быть в наших штабах.

Вот выписки из ЖБД, касающиеся интересующих нас района и времени военных действий.

Журнал боевых действий СЗФ № 1 (201)

«<…> 12.7 на СЗФ создалась тяжелая обстановка. Противнику удалось захватить Струги Красные, Боровичи, Порхов. Части 11 А в беспорядке отходили по этим направлениям и только на обоих крыльях обстановка не вызывала беспокойства. <…>»[188]

Другой вариант:

Журнал боевых действий СЗФ № 1 (202)

«<…> 11 А в течение дня вела оборонительные бои, прикрывая Гдовское, Лужское и Сольцское направление.

118 сд оборонялась в районе Елизарово.

21 тд, перейдя в контратаку, разбила передовые части врага и отошла в район Николаево <…>»[189]

Журнал боевых действий СФ. Ленинградский фронт.

«12.7. <…> Лужская группа – изменений в дислокации частей и соединений не произошло.

Части ведут работу по укреплению оборонительных участков.

Армия Народного ополчения: 2 СД доукомплектовывается матчастью.

Готовится к отправке на лужскую укреп позицию. <…>»[190]

Также приведу здесь практически полностью вечернюю разведсводку.

РАЗВЕДСВОДКА № 96 ШТАБА СЕВЕРНОГО ФРОНТА К 21.00 12.7.1941 Г.

---

[187] ЦГАИПД, ф. 4000, оп.17, д.12.

[188] ЦАМО, фонд 221, опись 1351, дело 20, С. 25. Прим.: «Журнал боевых действий с первого дня войны и до 12.7 восстановлен по оперативным документам, из бесед с участниками войны и по личному наблюдению за ходом военных действий» (Майор Ковалев).

[189] ЦАМО, фонд 221, опись 1351, дело 21, С. 25.

[190] ЦАМО, фонд 217 опись 1221 дело 205, сс. 32–33.

«<…> 7. Псковское направление.

Пр-к в течение 11.7.41 продолжал наступление, нанося главный удар в направлении ВЫХМА (сев. ВИЛЬЯНДИ), ПОРХОВ, СТАРАЯ РУССА и вспомогательный на участке фронта ПУШКИНСКИЕ горы, ОПОЧКА. <…>

На фронте НОВОСЕЛЬЕ, БОРОВИЧИ, ПОРХОВ, ПУШКИНСКИЕ горы, ОПОЧКА, СЕБЕЖ противник развивал наступление в направлении СОЛЬЦЫ, СТАРАЯ РУССА и к исходу 11.7.41 вел бои на участках СТРУГИ КРАСНЫЕ, НОВОСЕЛЬЕ, БОРОВИЧИ. В результате упорных боев СТРУГИ КРАСНЫЕ, БОРОВИЧИ были заняты пр-ком. Атаки пр-ка НОВОСЕЛЬЕ отбиты. НОВОСЕЛЬЕ удерживается нашими частями.

На Шоссе НОВОСЕЛЬЕ, ПСКОВ производилось интенсивное движение отдельных групп автотранспорта <…>

ВЫВОД: 1. Пр-к продолжая наступления, подтягивает силы по Псковскому и Порховскому шоссе, сосредотачивает их на участке ХРЕДИНО, КОМАРИНО, СТРУГИ КРАСНЫЕ, с целью дальнейшего усиления наступления.

2. На участке ВЫБОР, ПУШКИНСКИЕ горы, ОПОЧКА пр-к ведет бои за переправы и выбрасывает вперед отдельные группы, с целью захвата рубежей для обеспечения продвижения главных сил.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА СЕВ. ФРОНТА – ГЕНЕРАЛ-МАЙОР НИКИШЕВ

НАЧАЛЬНИК РО ШТАБА СЕВ. ФРОНТА – КОМБРИГ ЕВСТИГНЕЕВ»[191]

Как видим, нет речи еще даже о Лядах, не то что о Поречье.

А направления ударов противника все те же: Луга, Новгород, Гдов.

И соответственно уже 12 июля в ЖБД Северо-Западного фронта появляется запись:

«Командование СЗФ решает силами 1 МК (3, 21 тд, 202 мд) разгромить выдвигающегося противника на Сольцы».[192]

В немецких штабах

Гальдер: «<…> Танковая группа Гепнера, авангарды которой ослаблены и устали, лишь незначительно продвинулась в направлении Ленинграда. Донесения командования группы армий “Север” о том, что на ее восточном фланге противник отходит, явно имеет в виду лишь местный тактический отход. <…>

14.00 – Главком вызвал меня по телефону. Фюрер недоволен медленным продвижением войск правого крыла группы армий “Север” и требует направить 19-ю танковую дивизию на север с целью окружения противника. <…>

Обстановка на фронте вечером

<…> Большие затруднения в продвижении 1-й и 6-й танковых дивизий из-за плохого состояния дорог. Сопротивление противника перед правым флангом 16-й армии, видимо, начинает ослабевать. <…>

Авиация противника проявляет большую активность, чем до сих пор, в полосах групп армий “Юг” и “Север”. В связи с этим намечено 13.7 произвести воздушные налеты на аэродромы противника. <…>

[191] ЦАМО, фонд 217 опись 1221 дело 169, лл. 132–133. В разведсводке № 95 к 8.00 о псковском направлении отчетов нет.

[192] ЦАМО РФ ф 221 оп 1351 д 201 л 25.

Перед фронтом группы армий “Север” авиаразведка не велась из-за неблагоприятных условий погоды. <…>»[193]

О больших затруднениях в продвижении танковых дивизий Гальдер просто не мог не упомянуть.

Исаев: «В своем докладе Гепнеру генерал Рейнгардт еще 12 июля прямо указывал:

”Противник сражается упорно и имеет на своей стороне все преимущества местности”. В целом картина, которую нарисовал командир XXXXI корпуса в своем докладе командующему танковой группой, была преисполнена уныния:

“Противник сражается упорно и имеет на своей стороне все преимущества местности… Даже если корпусу благодаря самоотверженности солдат доселе удавалось за один день преодолевать большие пространства и при этом громить крупные силы противника, то теперь этого вряд ли можно ожидать. Обусловленная местностью невозможность добиваться быстрых и решительных успехов за счет концентрации превосходящих сил, в первую очередь танков и артиллерии, приводит к трудному и долгому прогрызанию возникающей снова и снова обороны противника. Авангарды вынуждены в одиночку вести борьбу на главной дороге и по обе стороны от нее, в то время как крупные силы дивизий бездействуют в тылу на немногочисленных дорогах, потому что плохие дороги и болота не позволяют им осуществить развертывание. В этих условиях воздействие ударов вражеской авиации увеличивается, поскольку скопившиеся в ограниченном пространстве массы транспорта представляют собой заманчивые цели. Из всех этих сложностей я должен сделать вывод, что наступление корпуса весьма замедлится, и войска, которые ранее благодаря полноценному использованию своего вооружения продвигались на 50 км и более в день, вынуждены будут прилагать те же усилия, чтобы продвинуться не более чем на 10 км – при том, что преодолеваемые препятствия будут постепенно истощать их силы…

Не мне оценивать, должен ли корпус в этих условиях быть переброшен туда, где лучшие условия местности позволят ему продвигаться быстрее – я подразумеваю в первую очередь путь через Эстонию и дефиле у Нарвы на Ленинград. Однако я должен, по меньшей мере, просить о том, чтобы корпусу было разрешено развернуться влево между шоссе Псков – Ленинград и озером Пейпус. Это позволит отойти от большой дороги, которая ведет по плохой местности и привлекает в район, который, судя по карте, готовит меньше сложностей”[194]».[195]

Вот оно естественным образом рождающееся решение о совершении флангового маневра.

Какие еще здесь могут быть сомнения?

Исаев пишет далее: «Если уж обсуждать вопрос о том, чьи действия заставили немцев принять решение о смене направления наступления, то в качестве первого кандидата будут выступать остатки отброшенных от Пскова соединений, а не подразделения Лужской оперативной группы. На момент написания доклада Рейнгардта (12 июля) в бой успели вступить только части прикрытия Лужского рубежа».[196]

А. В. Исаев здесь явно недооценил «части прикрытия Лужского рубежа»; 177-я дивизия Машошина, артиллерия Одинцова, а также 21-я танковая дивизия Чеснокова и 24-я танковая дивизия полковника Родина действительно успели вступить в бой, и 1-я танковая дивизия немцев косвенно весьма высоко оценила их действия, запросив помощи 6-й танковой дивизии.

---

[193] Франц Гальдер, Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. М. ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. СС. 110–114.

[194] NARA T314 R980 f258.

[195] Исаев, Иной 1941. СС. 257–258.

[196] Исаев, Иной 1941, С. 258.

Да, спору нет. Отступающие подразделения кадровых войск, конечно же, отчасти сдерживали напор немцев. Но, безусловно, не они явились причиной флангового маневра. Однако не основной причиной поворота двух дивизий на Гдов были и «условия местности», о которых так много написано в немецких документах.

Причина совершения этого маневра немецкими военачальниками слагается из многих факторов.

Первый и главный фактор заключается в том, что произошло явное замедление продвижения вперед немецких ударных кулаков, что само по себе имеет под собой множество оснований и множество следствий.

Немецкая сторона главную причину видит здесь в качестве дорог и в условиях местности, очень неохотно упоминая и о возросшем сопротивлении наших войск.

Несостоятельность немецкой точки зрения при ближайшем рассмотрении становится очевидной.

Первое. Вряд ли кто-то, даже особенно пристально не изучая вопрос, будет настаивать на том, что дороги и условия местности до Пскова были на порядок лучше дорог и условий местности после Пскова. Болот же хватало и в Прибалтике, однако до этого немцы лихо мчались вперед и только хвастались, как легко они преодолевают эти самые условия местности и как быстро восстанавливают разрушенные мосты. Это не имело для них особенного, тем более решающего значения, наоборот, подчеркивало великолепную организацию саперных служб и войскового взаимодействия.

Второе. Вряд ли кто станет с пеной у рта доказывать и то, что, рванув по псковским лесам и перелескам, немцы нашли значительно более хорошие дороги и условия местности, чем на трассе Псков – Ленинград.

Соответственно, дело здесь не просто в дорогах и условиях местности, а в той системе оборонительных сооружений, которые успели возвести ленинградцы на главной дороге, ведущей к городу.

Следует их перечислить. Это и противотанковые рвы, и минные заграждения, и бетонированные, а кое-где и одетые в броню, снятую с кораблей, долговременные укрепленные огневые точки, это и умело использованные в инженерном отношении складки местности и речные преграды.

В общем, все то, о чем так хорошо сказано в Боевом дневнике 6-й танковой дивизии в приведенной немного выше выдержке. Напомню еще раз:

«Перед дивизией открывается нагромождение высот, что представляет возможность при наименьшем руководстве создать своеобразную крепкую оборону Ленинграда».

Не забудем отметить и еще одну немаловажную деталь. После того как 6-я танковая дивизия была переведена с правой стороны дороги Псков – Луга на ее левую сторону ценой потери целого боевого дня, немецкому командованию, наверняка, становилось поперек горла возвращать ее обратно на правый фланг наступления. Использовать же еще одну танковую дивизию там, где и одной-то было не развернуться, и вообще не имело смысла. Поэтому неожиданная идея двинуть дивизию еще левее всем показалась великолепнейшим выходом из создавшейся ситуации. О том же, что главным направлением удара немцы к этому моменты выбрали совсем другой фланг наступления, все они постарались как-то забыть.

Об этом же говорит И. Хомяков в своей замечательной книге «История 24-й тд»:

«12-го июля командир наступавшего на лужском направлении 41-го моторизованного корпуса генерал Рейнгардт доложил командующему 4-й танковой группы генерал-полковнику Гепнеру, что после потери Пскова советское командование начало вводить в бой против корпуса новые подготовленные части. Русские сражаются упорно и отчаянно, к тому же усилились удары с воздуха по скоплению танков и автомашин, которые не могут быстро продви-

гаться из-за плохих дорог и представляют собой выгодные цели. На шоссе Псков – Ленинград множество воронок, причем их с каждым днем становится все больше и больше после налетов русской авиации. Поэтому генерал Рейнгардт, вопреки плану прорыва к Ленинграду кратчайшим путем по Киевскому шоссе, просил разрешения свернуть с шоссе влево – на кингисеппское направление. В свою очередь, 13-го июля Гепнер доложил командующему группы армий "Север" генерал-фельдмаршалу Леебу, что продвигаться по дороге Псков – Ленинград становится все труднее. Перед 1-й танковой дивизией в районе Заполья оказались новые позиции. Не только южнее, но и севернее города Луги обнаружены укрепленные позиции и минные заграждения. В связи с этим, решено обойти эту оборону с запада: оставив на реке Плюсса 269-ю пехотную дивизию, основные силы 41-го моторизованного корпуса (1-ю и 6-ю танковые, 36-ю моторизованную дивизии) повернуть на северо-запад, чтобы прорваться к Ленинграду через Копорское плато».[197]

Очень интересны записи за этот день в дневнике Риттера фон Лееба.

«Начальник штаба группы армий побывал сегодня в расположении 4-й танковой группы и 41-го моторизованного корпуса. Большие потери. Если наступление и далее будет осуществляться таким темпом, то вскоре войска будут измотаны. Кровопролитные лесные бои. Танковая группа не в состоянии прочесывать леса. Поэтому необходимо заменить ее в скором времени пехотными соединениями обеих армий. Начальник штаба группы армий уже обмолвился о том, что необходимо умерить темп наступления. Наиболее сильные потери понесла моторизованная дивизия СС "Мертвая голова", ее наступление повсеместно (Краслава, Себеж, Опочка) остановлено. Необходимо заменить ее пехотной дивизией. Назрела кардинальная реформа: необходимо привлекать на командирские должности до ротного звена включительно офицеров запаса из состава бывшего рейхсвера. Они должны будут проходить также и соответствующую переподготовку…[198]

18.00. Разговор с начальником штаба 18-й армии полковником Хассе: 1-й армейский корпус должен как можно быстрее подтянуться к шоссе Остров – Псков. Согласование вопроса об использовании открытых флангов. По-прежнему остается неясным вопрос о целесообразности направления в Эстонию дополнительно третьей дивизии.

Начальник штаба группы армий "Север" генерал Бреннеке разговаривал с начальником оперативного управления ОКХ полковником Хойзингером. По словам последнего, фюрер уже больше не придает особого значения Петербургу. Адъютант фюрера полковник Шмундт, который побывал у нас несколько дней назад, говорил совершенно противоположное. Какая информация является правильной? В любом случае, завтра я смогу обсудить этот вопрос с Гепнером…»[199]

По всей видимости, Риттер фон Лееб хотел прежде всего выяснить у Гепнера, как скоро сможет он достичь Ленинграда.

Однако обстановка в предполье Лужского рубежа обороны сложилась отнюдь не на руку командующему группой армий «Север».

Немцы прекрасно поняли, что оставшаяся узкая полоса дороги Псков – Ленинград с хорошо организованным предпольем рубежа обороны совершенно лишает их главный аргумент – танковый кулак – его основной силы, ибо продвижение тонкой струйкой вперед, не позволяющее развернуть в параллельных потоках всей мощи танковой дивизии, самоубийственно.

---

[197] Хомяков И.М. История24-й танковой дивизии РККА. Макет книги. СС. 90–91.

[198] Необходимость привлекать на службу офицеров рейхсвера (название вооруженных сил Германии в 1919–1935 гг.) свидетельствует о серьезных потерях среди офицерского состава вермахта (вооруженные силы германии 1935–1945 гг.)

[199] Лебедев Ю., СС. 68–69.

Исходя из этого, немецкому командованию стало отчетливо ясно, что без тщательной подготовки здесь сходу к городу не прорваться.

Дальше начала работать основная тенденция развития всех боевых операций вермахта. Как они пересекали границу СССР, ударив по трем направлениям, так случилось и здесь. Классические Канны не давали покоя генералам III Рейха. Они, продолжая поддавливать пехотными частями по центру, занесли клешни слева и справа – на Кингисепп и на Новгород.

Далее мы увидим, как развивалась эта стратегия – и к чему она привела.

Сейчас же лишь еще раз отметим, что командование Ленинградского военного округа приложило титанические усилия для укрепления Лужского рубежа обороны вообще, а Луги, на которую был направлен мощный кулак в виде 4-й танковой группы Гепнера, в особенности. Еще 10 июля командующий Северным фронтом М. М. Попов, изучая вместе с командующим Лужской оперативной группой К. П. Пядышевым ситуацию на фронте, рассуждал так (напомню еще раз: «Не ошиблись ли мы, полагая, что противник пойдет на Лугу? А если ударит на флангах? И все же я почему-то уверен: фон Лееб должен пойти на Лугу. Ведь это кратчайший путь до Ленинграда».

Это рассуждение Маркиана Михайловича не представляет из себя ничего особенного. Естественно, враг будет стремиться достичь цели кратчайшим путем. Представлял прекрасно Попов и необходимость прикрытия флангов, чтобы наткнувшись на непреодолимую преграду на кратчайшем пути, враг не имел возможности обойти ее. Однако сил явно не хватало. Поэтому ошибка командующего в данном случае была вынужденного характера. Он не мог не укрепить с максимально возможной эффективностью кратчайший путь к городу. И вынужден был делать это за счет флангов. Здесь Попов честен в своих воспоминаниях и безупречен в своих действиях.

Конечно же, ни в коем случае не следует снимать со счетов того, что пишет в своих воспоминаниях другой участник этих событий – командующий ВВС Северного фронта А. А. Новиков. Он тоже предельно откровенен: «Когда обращаешься к событиям такой давности, то без документов почти невозможно восстановить их последовательность, вспомнить, что произошло в тот или иной день. Обстановка в июле была столь напряженной, что уже по прошествии недели нельзя было доверять памяти». Далее он признается: «Поэтому я каждый день делал коротенькие записи в карманном дневнике, с которым никогда не расставался. Так было всю войну. Кончалась одна записная книжка, заводил другую. К сожалению, по не зависящим от меня обстоятельствам дневники эти не сохранились. Я очень переживал их потерю. Кое-что удалось восстановить по памяти, правда, уже без многих деталей. Но вот 12 июля запомнилось во всех подробностях…»[200]

И далее идет кусок уже нам известный.

И теперь мы видим, что предпосланный Новиковым пассаж именно в этом месте совсем не случаен. Судя по всему, ему, в отличие от Рауса, не довелось по тем или иным причинам заглядывать при написании воспоминаний в Хранящиеся в архиве МО документы.

А по документам, как мы видели, 11 июля было выявлено движение немцев по линии Псков – Гдов, 12 июля в этом смысле никаких существенных изменений отмечено не было. Ляды же появляются впервые в оперативных документах только на следующий день – 13 июля. И в первом же документе, в котором упоминаются Ляды, есть одна странность.

Вот этот документ:

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА № 28/оп. ШТАБ СЗФ НОВГОРОД ПО СОСТОЯНИЮ НА УТРО 13.7.41.

[200] Новиков, СС. 85–86.

«<…> Части 11 А в течение 12.7 и в ночь на 13.7, сдерживая наступление противника вели оборонительные бои. ГДОВСКОЕ направление прикрывает 118 сд, занимая рубеж на высотах сев. Ст. Маслогостицы. Связь со штакором[201] с 9.7 дивизия не имеет. Потери ее значительные. Силы противника перед фронтом дивизии определяются один-два полка с артиллерией.

По данным наштафронта СФ передовые части пр-ка к исходу 12.7 заняли Ляды, Плюсса, Николаево.[202]»[203]

Странность заключается в том, что в поданной утром 13.7 сводке вписано от руки (значит, уже после ее формирования – когда?), что немцы к исходу дня 12.7 заняли Ляды, то есть в то время, когда они еще только намеревались туда отправиться. Раус получил приказ выступать, согласно Боевому дневнику 6-й танковой дивизии, в 21.15, то есть как раз на исходе дня. Вряд ли Раус мог тотчас выехать в путь и за пару часов преодолеть 60 километров по уже известной нам всем местности.

Также и из воспоминаний секретаря райкома партии В. А. Колобашкина следует, что решение о переброске ополченцев 2-й ДНО было принято уже 12 июля. Колобашкин так же, как и Угрюмов, пишет, что отправились эшелоны только в ночь с 13 на 14 июля. Сообщение о чрезмерно долгой подготовке к отправке весьма в данном контексте любопытно. Но гораздо важнее другое его дополнение: «Мы должны были ехать под Лугу, но не доехали. Для ликвидации прорвавшейся немецкой группы мы высадились на ст. Веймарн».[204] Это дополнение свидетельствует не столько о том, что изменена была станция назначения, сколько о том, что неожиданно изменилась ситуация. Выслать дивизию предполагалось, конечно же, не в Лугу, а в Кингисепп – на усиление кадровой 191-й стрелковой дивизии. Колобашкин так и вспоминает: «Дальше состав не пошёл».[205] Дальше он мог идти по этой ветке только в Кингисепп.

Есть и еще одно бравурное утверждение: «Новое направление вражеского удара разведка Северного фронта обнаружила своевременно, наиболее точные и четкие данные о движении немецких танков и мотоколонн от Струг Красных и Плюссы на Ляды и дальше к реке Луге передала разведывательная группа В. Д. Лебедева, засланная в тыл врага».[206]

О том, когда именно и что передала группа Лебедева, мы поговорим позднее.

В этот же день 2-я ДНО лишь только готовилась к отправке на фронт, ничего не зная о том, что якобы выяснила группа Лебедева.

Согласно Политдонесению № 8[207] от 12 июля 1941 г., то есть, практически, накануне отправки дивизии на фронт, на вечер 11 июля в составе 2-й ДНО числилось 9201[208] человек, из них: рядовых – 7523 человека, младших командиров – 1012 человек, командно-политического состава – 666 человек, коммунистов – 1177 человек (13 %), комсомольцев – 1750 человек (19 %).

---

[201] Набранное курсивом вписано от руки вместо зачеркнутого «ЕЛИЗАРОВО. Связь со штакором».

[202] Вписано от руки на полях слева.

[203] ЦАМО, фонд 221, опись 1351, дело 57_1. СС. 134–136.

[204] ЦГАИПД, ф. 4000, оп.5, св.593, д.3182.

[205] ЦГАИПД, ф. 4000, оп.5, св.593, д.3182.

[206] Михайлов, С. 30.

[207] ЦГАИПД, фонд 2281, дело 195.

[208] В этом политдонесении приведена таблица, согласно которой общее число человек в дивизии 9201, а не 9210. Ошибка, приведенная в итоговой графе, может быть объяснена лишь поспешностью составлениядонесения. Более подробные данные (см. далее) дают другой численный состав. Также А. Колесник (в книге Ополченческие формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М.:Наука,1988. С.14), основываясь на докладной записке Жданову, приводит другие цифры: численность 2-яДНО – по штату 11739, некомплект – 3018. Таким образом, согласно данным Колесника, в дивизии было не9201, а всего 8721 человек.

Здесь обращает на себя внимание тот факт, что сумма среднего и старшего командно-политического состава дивизии составляет 666 человек.

Общее же число ополченцев в разных документах указывается разное. Сейчас уже вряд ли возможно разобраться в причинах этих расхождений.

Для общей характеристики дивизии приведу фрагмент статьи Ю. И. Колосова «Московский на передовой»[209]

«…2-я (Московская) дивизия Героя Советского Союза полковника Н. С. Угрюмова… была сформирована из рабочих и служащих «Электросилы», «Скорохода», «Пролетарской победы» № 1 и № 2 и Мясокомбината им. С. М. Кирова. До штатного состава дивизия была укомплектована трудящимися Ленинского и Кировского районов. В дивизию вошли 132 секретаря первичных партийных организаций Московского района и 18 работников райкома партии. Ленинградский округ выделил небольшое количество вооружения и материально-технических средств, но основная тяжесть в этом обеспечении легла на плечи трудящихся Ленинграда. На фабриках и заводах днем и ночью выполнялись срочные военные заказы по изготовлению боевой техники и военного снаряжения, стрелкового и артиллерийского вооружения, снарядов и мин, гранат и бутылок с горючей смесью (получивших название “Коктейль Молотова”), военного обмундирования и предметов армейского быта. На предприятиях Московского района было изготовлено 11475 котелков, 2335 саперных лопат, 9725 патронташей, 8260 вещевых мешков, 17000 подсумков, 5285 финских ножей. Также было произведено 1760 пар обуви, 12000 касок, 8 походных кухонь и сшито 200 гимнастерок и брюк. Московский район передал ополчению 163 автомобиля. Предприятия района изготовили для ополченцев военное снаряжение на 384 тыс. рублей.

2-я дивизия народного ополчения (ДНО) получила 8500 винтовок и еще 317 имела в резерве в отличие от других дивизий, имевших большой недокомплект. Хуже обстояло дело со стрелковым автоматическим оружием. Во 2-й ДНО предусматривалось иметь 537 станковых и ручных пулеметов, а фактически было только 248. Не лучше обстояло дело и с артиллерией. В дивизии вместо 70 орудий двух калибров было всего 7 орудий 76 мм. Вместо предусмотренных штатным расписанием 147 минометов, было 138. Недостаток в противотанковой артиллерии возмещался гранатами и бутылками с горючей смесью – основным средством борьбы с танками противника. Отсутствие каких-либо артиллерийских средств противовоздушной обороны, а также крупнокалиберных зенитных пулеметов, крайне ограничивало возможности дивизии в борьбе с фашистской авиацией.

Огромное количество добровольцев прежде не служили в Красной Армии и практически не имели никакой военной подготовки. Во 2-й ДНО их оказалось к 12 июля 4027 человек. Поэтому сразу же после формирования началась боевая подготовка личного состава. В связи с обстановкой и временем она регламентировалась специальными программами. В них входили общевойсковая, огневая и тактическая подготовки. Обучение шло в условиях развернувшегося кровопролитного сражения за город. 2-я ДНО обучалась всего 16 часов, так как находилась в предбоевом состоянии… Значительный вклад в обучение ополченцев внесли преподаватели Института физической культуры им. П. Ф. Лесгафта. Особое внимание во 2-й ДНО уделялось огневой подготовке, стрельбам из боевого оружия. Результаты были очень высокими: из 124 бойцов и командиров, принимавших участие в стрельбах, 44 получили отличную оценку, 38 – хорошую, 30 – посредственную. Только 12 человек не смогли выполнить упражнения по стрельбе. Хуже обстояло дело с тактической подготовкой. Обстановка не позволяла проводить учение…»

[209] Муниципальный округ «Пулковский меридиан»

Да, обучаться было некогда. Всего 16 часов успели выделить на обучение личного состава, отправляемой на передовую дивизии.

Смоленское сражение. 22-я, 19-я и 20-я армии Западного фронта перешли в наступление с задачей освободить Витебск.

В районе Витебска 3-я танковая группа отражает контратаки советских войск с севера и востока. Одновременно 19-я танковая и 14-я моторизованная дивизии взломали советскую оборону севернее Полоцка и устремились на Невель, выходя в тылы нашей 22-й армии. 22-я армия вынуждена была оставить Полоцкий укрепрайон и отходить на северо-восток.

2-я танковая группа развернула наступление на Смоленск и Кричев, охватывая фланги 13-й армии, оборонявшей рубеж Днепра в районе Могилева.

Киевская операция. В районе Бердичева 1-я танковая группа отражает контратаки советских войск с юго-востока, юга и юго-запада. Немецкая 14-я и 13-я танковые дивизии наступают в направлении Белой Церкви, обходя Киев с юга.

12 июля. В Москве подписано соглашение «О совместных действиях правительств СССР и Великобритании в войне против Германии».

Документальная строка

«Ленинград. 12 июля. Из телеграммы обкома ВКП(б) и облисполкома секретарям райкомов партии и председателям райисполкомов: “Поднять поголовно все население колхозов и других организаций на оборонительные сооружения в соответствии с указаниями военных представителей”».

«КП 177-й сд. Из донесения штадива 177-й о ходе боев: “Уничтожив до батальона мотопехоты, 1/483 сп отошел с рубежа р. Плюсса. 3/483 сп под сильным воздействием вражеского артиллерийского огня и пехоты с танками отошел в район Ширяги…

Начальник штаба подполковник Павлов”».[210]

Лужское направление. Деревня Рютень. КП опергруппы штаба 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии

«Начальник разведки дивизии майор Масленников доложил, что противник продолжает атаковать 1-й и 3-й батальоны 483-го стрелкового полка силами не менее пехотного полка, поддержанного танками и артиллерией. Передний край постоянно обрабатывается вражеской авиацией. Выдержать такой натиск необстрелянным бойцам нелегко.

И вот очередная неожиданность. Начальник штаба 483-го полка капитан Богатырев сообщил, что 1-й батальон старшего лейтенанта Шеловича отошел, с ним потеряна связь. Я не успел подробно разобраться в обстановке, как вызвал комдив.

– Слыхал? Побежал Шелович. Такой рубеж бросил! – горячился Андрей Федорович. – Где батальон? Штаб знает?

– Пока еще не выяснил. Послал в полк Масленникова, – отвечаю возможно спокойнее. Знаю, что в такие минуты Машошин бывает крут.

– Так и есть! Никто ни черта не знает! – продолжал бушевать командир. – Адъютант, машину!

[210] Кринов, С. 35.

Комдив сел в броневичок и отправился в 483-й полк.

Я позвонил Харитонову. Просил его встретить командира и ни в какое пекло не пускать. Образовавшуюся прореху юго-восточнее станции Плюсса попросил прикрыть огнем артиллерийской группы. Но, оказывается, наш начарт полковник Фомин был уже в курсе событий и доложил, что полковник Одинцов подготовил сильный огневой заслон. Пять дивизионов артиллерии способны охладить горячие головы гитлеровцев.

К исходу дня батальон Шеловича обнаружили в лесу недалеко от станции Плюсса.

Машошин приказал построить бойцов на небольшой полянке. Лично проверил людей, оружие, боеприпасы. Затем приказал старшему лейтенанту Шеловичу выйти перед строем.

– Адъютант, отберите у труса оружие!

Дрожащей рукой Шелович вынул из кобуры пистолет и передал его лейтенанту Лясину, своему хорошему другу.

– Бойцы! – обратился Машошин к строю. – Вы знаете, что заслуживают предатели и трусы на войне. Но я не хочу, чтобы боевая история нашей славной дивизии была испачкана фактом трусости. Вы пойдете вместе с комбатом и восстановите положение. Правильно я говорю?

Вздох облегчения прокатился над строем. Раздались выкрики: “Правильно!”, “Вышибем гадов!”

Шелович поднял голову, распрямился. Его глаза светились отчаянной решимостью. – Товарищ комдив, кровью смою свой позор! Жизни не пожалею. Разрешите встать в строй? – Голос его окреп и обрел ту характерную чеканность и твердость, которая свойственна строевым командирам».[211]

Северо-Западный фронт. 11-я армия. Село Медведь. Штаб 70-й стрелковой дивизии

Николай Андрианович Виноградов, полковник, начальник штаба дивизии

«Война застала нас в лагерях под Ленинградом. Затем дивизия была срочно переброшена за Выборг. Места знакомые. Здесь зимой сорокового года мы принимали боевое крещение. Под Выборгом родилась боевая слава дивизии: ее подвиг отмечен орденом Ленина, а шестнадцать самых отважных бойцов удостоены звания Героя Советского Союза. В их числе бывший комбат, командир 68-го стрелкового полка капитан А. Краснов.

Но на старых рубежах дивизия пробыла недолго.

Противник нацелился на Ленинград с юго-запада. Форсированным маршем нас перебросили под Лугу. Едва успели сосредоточиться – новый приказ: войти в состав 11-й армии Северо-Западного фронта.

Дивизия заняла оборону в междуречье Мшаги и Шелони, прикрыв левый фланг Лужского оборонительного рубежа в полосе Северо-Западного фронта. Здесь проходят дороги Псков – Уторгош – Луга и Порхов – Шимск – Новгород. Куда повернет противник? Вопрос, который одинаково беспокоил и нас, и командарма, и командующего фронтом.

К утру вернулись дивизионные разведчики. Вели поиск западнее Сольцов.

Противника не обнаружили. Издалека слышали гул артиллерийской канонады. Но в последней разведсводке штаба сообщалось, что противник, невзирая на открытые фланги, рвется на Сольцы и Старую Руссу. Неужели задумал обойти Ленинград с юго-востока?

Вечером получили из штаба армии телефонограмму: командира дивизии генерала Федюнина и меня срочно вызывал командарм генерал-лейтенант В. И. Морозов.

Приказано взять с собой карты на район Сольцы – Ситня – Вшели.

---

[211] Кринов, СС. 31–32.

Прочитав телефонограмму, командир дивизии выразительно посмотрел на меня:

– Догадываешься, зачем карты понадобились?

– Займем новые рубежи обороны.

– А может, и не для обороны. Впрочем, собирайтесь! Через полчаса выезжаем».[212]

Лес северо-восточнее деревни Городище. 835-й стрелковый полк 237-й стрелковой дивизии

Вячеслав Марак, лейтенант, командир взвода разведки полка

«Наш полк занял оборону правее 70-й дивизии. Надлежало контролировать дорогу Городище – Уторгош. Вечером 12 июля меня вызвал командир полка подполковник А. М. Кибальчич и приказал установить, что делается на правом фланге полка. Сказал, чтобы попытались захватить "языка", это крайне важно.

Первое настоящее боевое задание для молодого лейтенанта! В моем воображении рисовался короткий бой: фашисты уничтожены, схвачен офицер, и я доставляю врага прямо к командиру полка.

В ночь мы выступили. Просеками, лесными дорогами пробрались к деревне Городище. Странно, никаких признаков жизни. Даже собак не слышно.

За селением решили ехать по обочине. Кони словно понимали важность боевого задания: мягко ступали по пыли, не ржали. У развилки шоссе мы остановились.

Слышу – где-то впереди далекое тарахтение мотора, словно молотилка работает.

Помкомвзвода говорит:

– Товарищ лейтенант, похоже, мотоциклист едет!

Сержант Трофим Гаплик быстро спрыгнул с лошади, припал к земле.

– Тоже мне разведчик! Мотор – не лошадь, так не услышишь.

Исчезают последние сомнения. В нашу сторону по Псковскому шоссе катит мотоциклист. Принимаю решение устроить на шоссе засаду.

Мотоциклисты почти поравнялись с нами. Их оказалось трое. Двое впереди, один чуть сзади. Трудно сказать, кто сделал первый выстрел, первым бросил гранату. Все это произошло мгновенно. Кажется, и я стрелял.

"Языка" мы не взяли, живых фашистов не осталось. Но документы – три солдатские книжки, фотоснимки, письма – захватили. Из них следовало, что гитлеровцы принадлежат к штабному подразделению дивизии СС "Полицай". Взяли и трофеи – автоматы и один исправный мотоцикл».[213]

Ленинград. Штаб Северного фронта

Начальник Инженерного управления фронта полковник Б. В. Бычевский

«Маркиан Михайлович Попов принял Ленинградский округ только в феврале 1941 года. Но до начала войны успел уже объездить всю его огромную территорию от Баренцева моря до полуострова Ханко. Командующий слыл непоседой, и мне всегда почему-то казалось, что служебный кабинет тесен для него. Вот и на этот раз ему никак не сидится за столом. Слушая доклады, он размашисто прохаживается из угла в угол, нагнув красивую светловолосую голову, и только ненадолго останавливается у карты.

[212] Кринов, СС. 32–33.

[213] Кринов, СС. 33–34.

Сведения, которыми мы располагаем, не очень конкретны и часто противоречивы.

Командующий Лужской группой генерал-лейтенант К. П. Пядышев утверждает, что, по его мнению, через предполье пробивается передовой отряд танковой дивизии силой примерно в две роты танков и до батальона пехоты. Бои с этим отрядом идут на реке Плюссе.

У начальника артиллерии фронта генерал-майора В. П. Свиридова несколько иные данные. Ему сообщили, что подразделения 483-го стрелкового полка не выдержали натиска танков и уже отошли за Плюссу. В бою артиллеристы подбили двенадцать вражеских машин.

Командующий военно-воздушными силами фронта генерал-майор авиации А. А.

Новиков докладывает, что летчики обнаружили в районе Струг Красных скопление автомашин и танков общим числом до двухсот единиц. Отмечено большое движение войск по дорогам от Пскова на Гдов и на Порхов.

– Чего стоит такая разведка? – сердится командующий. – Ни одного пленного, никакой документации… Чьи танки в Стругах Красных? Кто движется на Гдов? Вы, Петр Петрович, можете уточнить? – обращается он к Евстигнееву.

Начальник разведотдела развертывает свою карту:

– Из Пскова на Гдов с боями отходит сто восемнадцатая стрелковая дивизия Северо-Западного фронта. Разведчики, которых мы выслали в район боев, радируют, что против нее действуют первая и пятьдесят восьмая пехотные дивизии немцев. Обе они значатся в составе восемнадцатой армии.

– Но соединения восемнадцатой армии отмечены и в Эстонии. Выходит, она наступает по обоим берегам Псковского и Чудского озер?

– Должно быть, так, товарищ командующий.

– А к Луге кто рвется? Видимо, четвертая танковая группа Геппнера? Какие именно дивизии?

– Не могу доложить, – отвечает Евстигнеев.

Генерал Никишев высказывает предположение, что главный удар танковой группировки следует ждать на Лугу, откуда открывается прямой и самый короткий путь на Ленинград. Командующий с этим соглашается, но выражает недоумение, почему часть танков противника на полпути от Пскова до Луги повернула к Гдову. Может быть, оттого, что там в лесах есть дороги не только на Гдов, но и на Кингисепп? Недаром под Кингисеппом все время висит воздушная разведка немцев.

– А когда будет под Кингисеппом вторая дивизия народного ополчения? – спрашивает М. М. Попов.

Начальник штаба заверяет, что первые эшелоны дивизии ополченцев должны уже завтра выгрузиться на станции Веймарн в десяти километрах от своих позиций. Не забывает он сказать и о пехотном училище имени С. М. Кирова, которое уже заняло оборону по реке Луге у деревни Сабск.

Попов нервно трет большое родимое пятно на подбородке:

– Пехотное училище, конечно, сила! Сколько у него сейчас пушек?

– Генерал Пядышев выделил полковнику Мухину два дивизиона из артиллерийского училища, – докладывает Свиридов. – Больше нельзя. Основные силы артиллерийской группы надо сохранить под Лугой, товарищ командующий.

Попов опять возвращается к своей карте. Слабость войск на правом фланге лужского рубежа очевидна, хотя путь туда от шоссе Псков – Луга кажется длинным и из-за плохих лесных дорог малоудобным для моторизованных частей противника.

– Надо все-таки прикрывать направление Нарва – Кингисепп, – принимает решение командующий. – Перегруппируем сто девяносто первую стрелковую дивизию из Кингисеппа фронтом на юг. Отведем ей полосу: южнее Сланцев до озер Самро и Долгое, – показывает он на карте. – Товарищ Никишев, отдайте соответствующее приказание генералу Пядышеву… И

завтра же следует контратаковать в предполье на Плюссе. Задача – отбросить противника за реку…

С тем Маркиан Михайлович и ушел в Смольный. А возвратившись оттуда уже ночью, приказал мне взорвать три тяжелых фугаса, заложенных в Стругах Красных. По данным разведки, минированные нами здания и дворы были заняты вражескими частями».[214]

На мой взгляд, здесь этот отчет выглядит все же более естественно, чем 11 июля, как это подается во всех советских изданиях. К этому же дню, по всей видимости, следует отнести и взрывы радиоуправляемых мин.

[214] Бычевский, СС. 26–28.

13 июля

Посмотрим, что делала боевая группа Рауса в этот день.

Раус: «Рано утром 13 июля, отдохнув не более 3 часов, мы двинулись дальше. Как раньше, наш маршрут пролегал по заболоченной местности, и потому мы продвигались очень медленно. Раз за разом машины и даже целые куски колонны вязли в грязи или на песчаных участках, перемежавших болота. Моторы перегревались от непосильного напряжения. Нам приходилось часто останавливаться, чтобы долить воды в радиаторы. На особенно крутых откосах мы вытягивали грузовики танками или тягачами.

После этих исключительно трудных и утомительных маршей и боев наш авангард сумел внезапной атакой захватить мост через реку Плюсса и создал плацдарм в Лядах. Эту внезапную атаку провел лейтенант, командовавший передовым взводом, причем без всяких приказов. После того как он и его солдаты в ожесточенном бою в нескольких километрах южнее Плюссы разогнали русских саперов, он прыгнул в свой командный вездеход и отдал солдатам предельно простой приказ: “Следуй за мной!” Стремительно двигаясь по песчаной дороге и продираясь сквозь кустарник, он устремился к мосту, чтобы попасть туда раньше отступающих русских. Взвод последовал за командиром, стараясь не обращать внимания на возобновившуюся стрельбу противника. Обогнав саперов, они застигли врасплох охрану моста, которая была уничтожена раньше, чем сообразила, что происходит. В результате решительных действий мост длиной 150 и высотой 10 метров попал в наши руки без боя. Мы создали плацдарм, после того как подавили последние очаги сопротивления Советов в Лядах. Цель была достигнута, хотя для этого пришлось за 9 часов проделать 59 километров, что составляло примерно по 6,5 километров в час».[215]

Прежде чем восстановить более полную картину описанных здесь событий, обратимся к Боевому дневнику дивизии за этот день. Согласно Боевому дневнику 6-й танковой дивизии: «Боевая группа Рауса отправилась в путь в 00.30. Она не встретила на своем пути противника…, неуклонно двигаясь вперед, с трудом преодолевая дорогу и дважды имея легкие соприкосновения с противником, в 08.30 захватила неповрежденным мост через Плюссу у Ляд, чтобы создать здесь плацдарм. Арьергард боевой группы как раз в это время пересек перекресток в Новоселье. Боевые группы находились в этот момент примерно в 80 км друг от друга.

Передовой отряд Линбрунна выступил непосредственно за группой Рауса. Дивизия намеревается направить его через отряд Рауса и через предмостное укрепление дальше в северном направлении до участка на Луге, где по донесению воздушной разведки замечено рытье окопов…»[216]

Вот оно. Бычевский не зря отметил, что немецкий самолет-разведчик постоянно вертелся в районе Кингисеппа. И он увидел, что около моста через Лугу у деревни Поречье гражданское население еще только роет окопы. Значит, там нет войск. Это еще один аргумент, благодаря которому генерал Рейнхардт смог настоять на своем решении и пустить 6-ю танковую дивизию в обход.

Относительно же легких боевых столкновений в Боевом дневнике находим следующее. На обороте листа от 12 июля[217] от руки вписано, что в 6.35 было у группы Рауса боевое столк-

[215] Раус, СС. 97–98.

[216] NARA T 315 R 323 f 089.

[217] Дневник заполнялся с помощью печатной машинки с одной стороны листа, обратная сторона каждой страницы (чистая)

новение с противником в районе Бешково (за 8 км до Ляд). Второе столкновение, по-видимому, было у лядского моста.

Теперь попробуем разобраться в происходившем более детально.

Под столкновением с противником в районе Бешково, скорее всего, имеется в виду попытка наших пограничников остановить передовой отряд немцев перед развилкой дорог. Дело в том, что Бешково, согласно воспоминаниям старожилов этих мест, находилось до войны не справа от дороги (по пути от Струг Красных), как сейчас, а слева. Это был старый эстонский хутор[218], и там вряд ли могла быть устроена засада, хотя, конечно же, всякое могло быть. Однако, по стратегическим соображениям, все же более вероятно расположение засады в нескольких километрах дальше, перед Рудно. За Рудно находится развилка дорог, там сходятся дороги, ведущие к Лядам сразу с двух направлений – от Струг Красных и от Плюссы. Соответственно, засаду логичнее всего было разместить именно в Рудно, примерно в двух километрах от Ляд, поскольку это позволяло достаточно быстро выставить заслон как на одно, так и на другое направление.

За достоверность такого предположения говорит и сам рассказ Рауса, потому что именно от развилки и могли соревноваться в скорости с охраной моста бронемашины лейтенанта Гербарта из группы «Бранденбург-800», ибо инициативным молодым лейтенантом, постоянно следующим впереди и действующим без приказа командира группы, мог быть в данном случае только он. Пограничников на мосту не оказалось, согласно свидетельству местных жителей, мост охранял лишь один боец истребительного батальона Коновальд, он был убит. А ведь если бы мост успели взорвать, у немцев возникло бы очень серьезное препятствие. Плюсса в этом месте течет в низине, а склоны и с той и с другой стороны отвесны и высоки. Высота моста в 10 метров у Рауса указана не случайно. Кстати, следует отметить, что нынешний мост находится метров на 30 правее того, старого.

Второе боевое столкновение, скорее всего, могло быть в самих Лядах с бойцами истребительного батальона, который также мало что мог сделать против хорошо вооруженной боевой группы на бронемашинах с крупнокалиберными пулеметами, да еще и поддержанными легкими танками. Хотя, согласно воспоминаниям, группа лядского истребительного отряда во главе со вторым секретарём райкома Е. Ф. Ожеговым заняла оборону в д. Лосицы, находящуюся на другой дороге от Струг Красных в Ляды, идущей через Турец. Но в Лосицах моста через Плюссу никогда не было, там и до сего дня наводится лава. Тем не менее, согласно воспоминаниям живущего ныне в Лосицах Анатолия Калинина, они с бабушкой и братишкой наблюдали за вхождением в Лосицы немцев со стороны Тросно именно 13 июля. Но это было уже днем. Таким образом, поскольку никаких свидетельств об участии пограничников или бойцов истребительных батальонов в боевых столкновениях с передовым отрядом 6-й ТД не обнаружено, скорее всего, в бой вступали оба раза разрозненные отряды отступавших красноармейцев.

Как бы там ни было, в 8.30 утра 13 июля боевая группа Рауса захватила мост через Плюссу в Лядах.

Передовая группа утром находилась в Лядах, а хвост дивизии – в Новоселье, за Стругами Красными (не следует путать с Новосельем, расположенном примерно в 12 км перед Лядами).

В. Пауль: «Боевую группу Рауса, которая 13 июля после 0:30 отправилась в рейд на север, составляли: 4 стрелковый полк, 65 танковый батальон, 8 рота 114 стрелкового полка (бронетранспортерная), 2 и 3 дивизионы 76 артиллерийского полка, 57 саперный батальон, тан-

использовалась для последующих уточнений; на ней от руки вписывалось точное времятого или иного события и другие важные детали. А поскольку чистая сторона листа оказывалась всегда перед уже заполненной следующей страницей, то записи на ней относились, естественно, и к событиям, отраженным на следующей странице.

[218] Там и сейчас еще можно найти заброшенное эстонское кладбище с полузаросшими могильными плитами.

ково-истребительная рота и зенитная батарея, подразделения санитарной роты и подразделение снабжения. Тут же штаб стрелковой бригады. В утренних сумерках 13 июля в руки боевой группы попал 20-тонный мост через Плюссу у деревни Ляды. Уже теперь боевая группа растянулась на 80 км из-за плохих дорожных условий, на тропической жаре, увитая мириадами комаров. Однако она почти не встретила сопротивления, русские были захвачены врасплох. Их сопротивление было сконцентрировано в районе шоссе, ведущего на Лугу.

В то время как боевая группа Рауса, на большом удалении от дивизии, тащилась по плохим дорогам к [реке] Луге, в 10:00 фельдмаршал фон Лееб позвонил по телефону генерал-полковнику Гепнеру: “Поддерживайте и дальше прямой натиск на противника, но избегайте преждевременного истощения танковой группы. Сообразно этому регулируйте силу натиска”.

В 12:00 генерал Рейнхардт прибыл на командный пункт 6-й танковой дивизии.

«Дневник боевых действий начальника оперативного отдела штаба дивизии: Командующий генерал сказал дословно следующее: “Если дивизия еще сегодня достигнет лужского рубежа, выйдет экстренное сообщение, и решится судьба войны”. Генерал Рейнхардт ставит в известность генерала Ландграфа: “Лужский рубеж – последнее препятствие перед Ленинградом”. Генерал Ландграф в 13:00 направляет боевую группу Линбрунна (57 броневой разведывательный батальон), которая должна сменить в авангарде боевую группу Рауса. К 18:00 боевая группа Рауса подтянулась уже настолько, что она смогла возобновить движение от деревни Ляды. Вследствие этой длительной задержки в Лядах генерал Рейнхардт выразил свое неудовольствие. Около 21:00 генерал Ландграф радировал полковнику Раусу: “К мосту через Лугу следует выйти сегодня ночью”».[219]

Генерал Рейнхардт был очень недоволен тем, что боевая группа целый день проторчала в Лядах и только к вечеру была готова двинуться далее. Раус оправдывается: «Очень важно понять те трудности, с которыми столкнулся генерал Ландграф, выдвигая главные силы 6-й танковой дивизии к реке Луга. Боевая группа “Раус” оставила после себя развороченную дорогу, по которой не могли пройти танки и машины дивизии. Мы превратили дорогу в форменное месиво. 13 июля, ценой огромных усилий, дивизия прибыла в Ляды, но при этом ее части оказались сильно разбросанными. Чуть к востоку от Ляд 1-я танковая дивизия тоже постепенно тонула в болоте».[220]

[219] Вольфганг Пауль. В гуще боя. История 6 танковой дивизии (1 легкой) 1937–1945 Крефильд, 1977. Wolfgang Paul, Brennpunkte. Die Geschichte der 6. Panzerdivision (1. leichte) 1937–1945 Höntiges-Verlag, Krefild, 1977.

[220] Раус, С. 124.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.